

Скарпатська Русь

ПРИКАРПАТСКАЯ РУСЬ

ПОДЪ ВЛАДѢНІЕМЪ АВСТРІИ.

(Издание О. А. Маркова.)

Л Ъ В О В Ъ.

Типографія Ставропигійского Института,
подъ управл. Ив. Пухиря.
1895.

I.

Первый роздѣлъ Польши и занятіе Галичины
и Буковины Австрією.

Въ выборѣ Станислава Августа Понятовскаго польскимъ королемъ видѣла Австрія опасность для своихъ интересовъ и приказала своему посланнику Мерси: всѣми возможными способами противодѣйствовать возведенію на польскій престолъ лица, о которомъ было извѣстно, що оно пойдетъ рука въ руку во внутренней и внѣшней политикѣ съ Россією и Пруссією. Лѣтомъ 1764 г. съѣхались въ Бардіевѣ, городѣ прешовскаго комитата и въ Любомлѣ на Спижѣ противники русской (Чарторыйскаго) партіи—именно: епископъ краковскій Золтыкъ, епископъ каменецкій Красинскій, вельможи Браницкій, Ржевускій, Томашъ Солтыкъ, князя Любомірскаго — чтобы за согласіемъ съ Австрією возбуждати своихъ земляковъ противъ Россіи и Пруссіи. Другіи эмигранты собирались въ Венгріи, въ земплинскомъ комитатѣ.

Не смотря на тѣ усилія, 7 сентября 1764 г. единомышленно избранъ былъ королемъ польскимъ Станиславъ Понятовскій. Въ виду совершившагося факта, канцлеръ Кауницъ, руководившій австрійскою иностранною политикою, постановилъ не выступать больше противъ

*

новоизбранного короля, но разомъ съ Францією трудитись надъ тѣмъ, дабы новый король освободилъ себе отъ зависимости отъ Россіи и Пруссіи *).

Послѣдовавшіи вскорѣ происшествія въ Польшѣ не предвѣщали успѣха той политицѣ. Хотя король и Чарторыйскіи отклонили проектъ заключенія наступательно-оборонительного союза Польши съ Россією и желали вести самостоятельную заграничную и внутреннюю политику, однако такая политика не подходила уже подъ силы ихъ розслабленнаго отечества. Противъ нихъ стали завязоватись конфедераціи: протестантовъ въ Торунѣ, православныхъ въ Луцку и сторонниковъ древнихъ шляхетскихъ вольностей въ Радомѣ. Послѣдняя даже рѣшила опертись на Россію.

Такимъ образомъ Россія имѣла преобладающее вліяніе въ Польшѣ. Ея посоль Репнинъ, располагавшій 8000 войска, стоявшаго въ Литвѣ, имѣлъ въ Варшавѣ важный голосъ, и онъ употребилъ его, чтобы прежде всего облегчить судьбу православныхъ. Въ іюль 1765 г. прибылъ въ Варшаву Конисскій, православный епископъ могилевскій, чтобы домогатись у короля возвращенія 150 церквей, захваченныхъ уніатами. Россійскій посоль Репнинъ вступился за него и король не могъ отказать его требованію. Конисскій

---

*) Fr. Krones Geschichte der Neuzeit Oesterreichs st. 810.

отправился въ восточныя воеводства Польши и возвратилъ православнымъ около 300 церквей. По настоянію Репнина польскій сеймъ 1766 г. особою конституціею призналъ свободу вѣроисповѣданія и совершанія богослуженій въ протестантскихъ и православныхъ церквахъ, позволилъ возобновляти развалившіеся церкви, существовавшія въ 1717 г. и освободилъ духовенство и причетъ церковный отъ всякихъ даней и оплатъ.

Если у диссидентовъ, т. е. у православныхъ и протестантовъ не было своей церкви, могли они совершати Богослуженіе въ приватномъ домѣ, мертвецовъ же своихъ могли они хоронити на католическомъ кладбищѣ въ мѣстѣ, которое укажетъ имъ католич. епископъ. Конституція сейма 1767/8 г., хотя и объявила католическую религію владѣющею въ Польшѣ и запретила переходъ изъ нея въ иное вѣроисповѣданіе, но все-таки диссидентамъ признала новыя облегченія. Она устранила всѣ давнѣйшія эдикты противъ еретиковъ и конституціи отъ 1713, 1717, 1736, 1764 гг., направленные противъ иновѣрцевъ. Диссидентамъ позволялось отбирати заняты католиками послѣ 1717 г. церкви и строити новыя, диссидентовъ освободили отъ римскаго духовнаго суда и отъ обязанности платити лат. духовенству *jura stolae*. Дозволялись мѣшанныя супружества, а для споровъ между иновѣрцами и католиками въ духовно-церковныхъ дѣлахъ устанавлился

мѣшанный судъ изъ 8 диссидентовъ и 8 католиковъ. Диссидентамъ имѣлъ открытись доступъ къ всѣмъ должностямъ и чинамъ рѣчи посполитой. Воспротивлявшіеся уступкамъ въ пользу диссидентовъ епископы: краковскій Солтыкъ и кievскій Іосифъ Залускій, а также гетманъ Вацлавъ Ржевускій, — были генер. Игельстромомъ арестованы и подъ стражею сосланы въ Россію, въ Калугу. Епископъ каменецкій Красинскій, державшій ихъ сторону, спасъ себе бѣгствомъ, переодѣвшись яко еврей.

Принципы вѣротерпимости, провозглашенныя по вліянію Россіи, задѣли за живое рѣяныхъ польскихъ католиковъ. Особенно латинское духовенство и польская шляхта Подолін, Волини и Украины, видя вокругъ себе возобновляющееся православіе, стали бояться утраты своего становища и даже имѣній въ русскихъ земляхъ и били на тревогу. Избѣгшій російскаго плѣна епископъ Адамъ Красинскій и староста варецкій Іосифъ Пуласскій завязали въ Барѣ, маленькой крѣпости брацлавскаго воеводства, 29 февраля 1768 г. конфедерацію, чтобы защищать преимущества католицизма и освободити Польшу отъ російскаго вліянія. Конфедерація роспространилась вскорѣ на всю Малопольшу и всюду являлись большіи и меньшіи отряды, сражавшіеся отчаянно, но безуспѣшно, съ русскими войсками, при-

спѣвшими для подавленія новаго движенія.

Въ Сяноцкомъ собралось около 6000 конфедератовъ подъ предводительствомъ Браницкого, котораго вскорѣ замѣстилъ Мартинъ Любомірскій, принявшій титулъ генераль-региментаря краковскаго, сандомірскаго и русскаго воеводства. Религійный фанатизмъ и ненависть къ православію, роздуваемыя конфедератами, произвели противодѣйствіе со стороны малорусскаго народа. Подъ предводительствомъ Желѣзняка, Бѣлуги, Усача, Шила, Гонты и другихъ, возсталъ народъ на Украинѣ, убилъ въ одной Умані 18.000 католиковъ и евреевъ и мстилъ обиды, наносимыя православною вѣрѣ. Конфедераты въ многихъ мѣстахъ враждебно выступали также и противъ униатовъ, обвиняя ихъ духовенство, що оно, по препорученію своихъ владыкъ, на исповѣди подстрекаетъ народъ къ возстанію противъ конфедератовъ*). Тѣмъ обвиненіямъ повѣрили католики и для того униатскіи епископы видѣли себе вынужденными, обратись 16 іюля 1769 г. во Львовѣ на совѣщанія, якимъ образомъ опровергнути взводимую на ихъ духовенство клевету. Вражда конфедератовъ противъ униі возмутила русскихъ лемковъ. Жи-

---

*) Антоній Добрянскій: Исторія епископовъ трехъ соединенныхъ епархій, перемышльскаго, самборскаго и сяноцкаго. Львовъ 1893. Глава : Асанасій Шептицкій.

тели русскихъ селъ Мушинскаго ключа, принадлежавшаго краковскому епископу, возстали. Собрались они подъ одною горою, окопались и оттуду нападали на шляхетскіи дворы и отряды конфедератовъ. Поляки видѣли въ томъ возстаніи селянъ подстрекательство „Москвы“ и искали связи между нимъ и подобными же происшествіями на Украинѣ*), хотя его произвело не что иное якъ только религіиная вражда и притѣсненія со стороны конфедератовъ. „Року Божіа 1769, конфедераты въ горы вбились, обозы ставили, села сожигали, людей вѣшали. Брала на силу воловъ, коней и всякую дань. Изъ русскихъ священниковъ брали по три дукаты, а кромѣ того овесъ, масло, и что понадобится: солонину, куры, гуси, хлѣбъ. Людей гвали они рубати лѣсъ и сыпати шанцы.“ Такъ гласитъ современная записка на евангеліонѣ**).

Изъ иностранныхъ государствъ благоволили конфедератамъ Франція и Австрія. Конфедераты надѣялись ихъ помощи. Въ мѣсяцъ октябръ 1768 г. въ томъ дѣлѣ одинъ изъ конфедератскихъ вождей, Красинскій, отправился въ Версаль и посѣтилъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ Вѣдень. Еще передъ пріѣдомъ Красинскаго, Франція занялась усердно дѣломъ

*) St. Wodzicki: Wspomnienia z prze-
złości 1768—1840 Kraków 1874 стр. 33.

**) Петрушевичъ. Сводная лѣтопись
1700—1772 стр. 288.

барской конфедерации и посредством своего посланника Верженнъ наклонила Турцію къ объявленію Россіи войны, Австрія же въ концѣ 1768 г. позволила конфедератамъ избрати силезійскій городъ Тѣшинъ мѣстомъ совѣщаній и убѣжищемъ. Въ мѣру того, якъ русскія войска разбивали конфедератовъ и выпирали ихъ изъ Польши — шароскій комитатъ въ Венгріи сдѣлался главнымъ убѣжищемъ для нихъ. Одновременно отправляла Австрія свои войска, которые въ началѣ 1769 г. расположились на польско-австрійской границѣ на пространствахъ отъ Силезіи до Семиграда, включая и послѣдній край. Хотя Австрія объявила себе нейтральною въ виду совершавшихся на ея сѣверо-восточной границѣ событій, все-таки многіи полагали, что она поспѣшитъ съ помощію конфедератамъ. Папскій нунцій писалъ 13 мая 1769 г. въ Римъ о той помощи, яко не подверженной ни малѣйшему сомнѣнію. Съ той же точки зрѣнія смотрѣли также на занятіе австрійскими войсками (весною 1769 г.) 13 сижскихъ городовъ, входившихъ въ составъ рѣчи-посполитой съ 1412 г. Къ войнѣ съ Россією наклоняли Австрію Франція и Турція. Послѣдняя предлагала, въ случаѣ побѣды, подѣлиться съ Австріею польскими землями.

Для такой войны нужна была однако если не помощь, то по крайней мѣрѣ нейтральность Пруссіи. Чтобы вы-

вѣдати о расположеніи Фридриха II, Кауницъ устроилъ двукратный съездъ Іосифа II съ прусскимъ королемъ — въ августѣ 1769 г. въ Ниссѣ и въ сентябрѣ 1770 г. въ моравскомъ Новомъ-Мѣстѣ. Фридрихъ II давалъ уклончивыи отвѣты, общая лишь посредничити въ заключеніи мира между Россією и Турцією, нбо Австрія грозила, въ случаѣ продолженія сей войны, выступити въ защитѣ Турціи. Іосифъ II убѣдился, що существуетъ тѣсная дружба между Фридрихомъ II и Екатериною II. Дѣйствительно уже тогда существовалъ тайный договоръ между Пруссією и Россією, обезпечавшій послѣдней дѣятельную помощь въ случаѣ войны ея съ Австрією.

Примѣнительно къ общанію, данному Іосифу II, отправилъ Фридрихъ II въ октябрѣ 1770 г. принца Гейнриха въ Петербургъ, щобы склонити Россію къ скорѣйшему окончанію турецкой войны и заключенію мира, не весьма обижающаго интересы Австріи. Сверхъ того имѣлъ принцъ Гейнрихъ предложить русскому двору проектъ роадѣла Польши между три смежныи государства. То средство должно было примирити интересы Австріи, Россіи и Пруссіи. Фридрихъ II надѣялся отъ осуществленія того проекта большихъ выгодъ для себе. Во первыхъ могла Пруссія, распространявши свои предѣлы къ западу, обезпечити за собою Силезію и восточную Пруссію; во вторыхъ надѣялась она,

отдавши въ руки Австріи часть Польши яко вознагражденіе за убытокъ Силезіи, задобрити Австрію и освободитись отъ вражды и опасности. Мысли, предлагаемыя прусскимъ принцомъ, тѣмъ больше пали въ Петербургѣ на удобную почву, що годъ тому назадъ Австрія, занявши спижскіи города, первая подала примѣръ роздѣла Польши. Фридрихъ II совѣтовалъ Австріи заняти не только часть Польши, но также Молдавію и Валахію.

Австріи предстояло или выступити на защиту Турціи и объявити войну Россіи, или искать, въ виду усилившагося могущества Россіи на юзѣ, вознагражденія для себе на счетъ Польши. Австрія взбрала послѣднее. Хотя она 15 августа 1771 г. заключила съ Турціею тайный договоръ, въ силу котораго она обязалась за отступленіе Малой Валахіи по Альту охраняти Турцію предъ территориальными убытками, но на дѣлѣ дѣлала она приготовленія къ занятію земель у сѣвернаго и восточнаго склона Карпатъ.

Еще 19 іюля 1770 г. данъ былъ придворнымъ военнымъ совѣтомъ приказъ, заняти войскомъ южную часть староствъ сандецкаго, новоторгскаго и чорштинскаго и одновременно получили архивариусъ Розенталь и директоръ придворной бібліотеки Колларъ повелѣніе собрать всѣ историческіи свидѣтельства, доказывающіи права Австріи до польскаго Спиза и смежныхъ областей.

Фридрихъ II ликоваль. „Ищите дальше“ — говорилъ онъ къ австрійскому посланнику Фанъ Свитенъ — можетъ быти, у насъ найдется еще право до котораго нибудь польского воеводства.“ Занятіе сѣвернаго склона Карпатъ было Австрією рѣшено. Она намѣряла овладѣти также Молдавією и Валахією и въ той цѣли въ 1771 г. посланы были офицеры головного штаба въ нынѣшнюю Румунію для обозрѣнія мѣстностей и обсуждения, на сколько пріобрѣтеніе оныхъ земель принесетъ пользу въ военномъ, коммерческомъ и политическомъ отношеніяхъ *). Та комісія заблагорозсудила, що для защиты Австріи съ востока необходимо овладѣти восточнымъ склономъ горъ. Сей проектъ комісії въ цѣлости не осуществился, ибо только позднѣйшая часть Молдавіи — Буковина — была занята Австрією, но вмѣсто того рѣшено было, приступить къ занятію частей Мало-польши, именно давняго галицко-владимірскаго княжества.

Австрія объявила претенсіи къ Мало-польши на слѣдующемъ основаніи: **)

- 1) На закладной королей Людвика I венгерскаго и Казимира великаго отъ 1352

---

*) С. Н. Палаузовъ: Австрія со времени революціи 1848 г. Спб. 1860 стр. 64.

***) Praevia explicatio juriū Hungariae in Russiam minorem et Podoliam ed. 1772.— Krones Geschichte der Neuzeit Oesterreichs стр. 323.

г. *); 2) на отреченіи Сигисмунда отъ польскаго, Ядвига и Владислава Ягайла отъ венгерскаго престола въ 1394 г., послѣ чего произошлось захватъ (?) Червонной Руси поляками въ 1395 г. **), и на мировой

*) Содержаніе той закладной слѣдующее: Король Людвикъ, съ согласія своего брата Стефана, даетъ въ пожизненное владѣніе королю Казимиру по праву наслѣдія тому послѣднему законно принадлежащее галицко-владимирское королевство. Если бы Казимиру родился сынъ, имѣютъ Людвикъ и его законныи наслѣдники право выкупити упомянутое королевство за 100.000 венг. флореновъ. Въ случаѣ безпотомственной кончины Казимира, королевства польское и русское становятся собственностію Людвика и его потомковъ, или Стефана и его мужескихъ наслѣдниковъ. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ тотъ договоръ былъ заключенъ не въ 1352, а въ 1350 г. 4 апрѣля. (Смотри: Smolka rok 1886 стр. 185. — Brajter: Władysław Opolski стр. 50. — Matiejew: Jahresbericht des II Ober-Gymn. Lemberg 1886 — Huber: Ludwig I. Archiv für oesterr. Gesch. 1885 66 стр. 15. — И. П. Филевичъ: Борьба Польши и Литво-Руси за гал. влад. наслѣдіе Спб. 1890 стр. 94—96. — Dr A. Prochaska: Kwart. hist. Lwów V стр. 726 VI стр. 22.)

**) Изложеніе запутанное. Извѣстный лишь сѣздъ Сигисмунда и Ягайла въ Сончѣ въ 1396 г., но условія тутъ же заключеннаго договора неизвѣстны. Въ 1396 г. получила Ядвига титуломъ вѣна Куявы и Русь, но въ относителномъ документѣ называется она „наслѣдницею Венгріи“ (heres Ungarie).

одѣлць между Сигисмундомъ и Владиславомъ Ягайломъ отъ 15 марта 1412 г.*), подтвержденной въ 1415, 1423 и 1440 гг., въ которой вопросъ о правѣ собственности касательно Червоной Руси, Подоліи и Молдавіи объявленъ былъ открытымъ; 3) на послѣдующихъ требованіяхъ венгерского сойма касательно отдачи оныхъ земель; 4) на договорѣ Бендзинскомъ между Австрією и Польшею отъ 1589 г., въ силу котораго Австрія отказалась лишь отъ собственной Польши; 5) на непрерывномъ помѣщаніи въ венгерскомъ королевскомъ титулѣ опредѣленія гех Galitiae et Lodomeriae даже до Маріи Тересіи; 6) на обстоятельствѣ, що 1763 г. сами же поляки косвенно признали права Венгріи до Червоной Руси**).

*) Договоръ въ Любомлѣ. Людвику и Ягайло условляются, чтобы Молдавія осталась подѣ властію Ягайла и лишь помогала венграмъ въ войнахъ съ Турцією. Русь и Подолія до конца жизни Ягайла или Сигисмунда и 5 лѣтъ послѣ кончины котораго нибудь изъ нихъ остаются за Ягайломъ. Въ продолженіи тѣхъ 5 лѣтъ должна мѣшанная комисія изъ венгерскихъ и польскихъ епископовъ и бароновъ присудити тѣ земли одной изъ спорящихъ державъ.

***) То относится къ письму польскаго подканцлера, варминскаго епископа Андрея Залускаго, отъ 4 августа 1678, заключавшему слѣдующіи слова: „Импер. посланникъ бар. Штромъ предложилъ записку вѣденскаго

Въ январѣ 1772 г. приказало вѣденское правительство приняти въ подданство жителей сандецкого округа. Когда же 19 февраля Марія Тересія и Иосифъ II обязались въ согласіи съ берлинскимъ и петербургскимъ дворами приступити въ роздѣлу Польшы, подь условіемъ, дабы приобрѣтаемыя тремя державами части были равны — отказала Австрія конфедератамъ въ гостепріемствѣ и одѣлала приготовленія, щобы ея войска тремя отрядами, подь предводительствомъ генераловъ Гаддика, Эстергази и Алтона заняли прежде всего солеконы въ Бохнѣ и Величцѣ и гор. Львовѣ. Гражданскимъ губернаторомъ для новопріобрѣтаемыхъ земель опредѣленъ былъ гр. Пергенъ. Въ половинѣ мая перешолъ отрядъ австрійскаго войска черезъ дукляискій перевалъ и, отирая конфедератовъ, подвинулся къ Пильзну*) Одновременно выступилъ ген. Алтонъ изъ Силезіи, занялъ 8 іюня Ланцкору, 11 іюня Величку и впоследствіи все пространство къ устью Сяна, Люблину, Холму и Белзу. Ген. Эстергази вступилъ въ Стрыйщину и разомъ съ русскимъ ген. Каминскимъ занялъ Самборскую область. Ген. Гаддикъ остано-

---

двора, касающуюся исторіи заложенія Спижа Польшѣ. Надо быти на стражѣ и нѣтъи подь рукою оговорку, если бы императоръ затребовавъ Червоной Руси и Подоліи.“

*) Arneth: Gesch. Maria Theres. VIII 382.

вился 24 іюня лагеремъ подъ Львовомъ, но скорше не вступилъ въ сей городъ, пока не вышли 15 сентября находившіяся въ немъ россіяне *). Австрійскіи вожди повсюду роспространяли манифестъ, изданный въ головной квартирѣ въ Пряшевѣ 10 іюня: що императрица Марія Тересія беретъ край польскій въ свою опеку, що всѣмъ жителямъ запоручается безопасность личности и имѣнія и що польскіи чиновники должны остаться на своихъ мѣстахъ. Отряды конфедератовъ, находившіяся на пространствѣ, занятомъ Австрією, должны были розвязатися вслѣдствіе приказа гр. Гаддика отъ 4 августа.

Между-тѣмъ происходили въ Петербургѣ дальшіи переговоры въ дѣлѣ роздѣла Польши. Австрія требовала для себе кромѣ нынѣшней Галичины еще линіи Буга, т. е. воеводства люблинского и земли холмской, но должна была подъ напоромъ берлинского двора уменьшить свои домогательства. Договоромъ отъ 2 августа опредѣлены были для австрійской части слѣдующіи границы: начиная съ австрійской Силезіи рѣка Висла до устья Сана, затѣмъ линія черезъ Замость, Грубешовъ до Буга, оттуда до Збаража и рѣкою Подгорцы (подъ нею подроу-мѣвается Середъ) въ Днѣстру и Карпатъ, обнимая Покутье.

---

*) Петрушевичъ: Сводная лѣтопись 1772—1800 г. 1772.

Для организаціи новой провинціи прибылъ 29 сентября во Львовъ губернаторъ гр. Цергенъ. Первымъ его дѣломъ было, воззвати львовскихъ мѣщанъ къ присягѣ на вѣрность австрійской императрицѣ и ея сыну Іосифу II. Но мѣщане отказовались, що будтобы они уже присягали на вѣрность польскому королю и никто ихъ отъ той присяги не увольнилъ; що они самымъ явнымъ словіемъ въ рѣчи-посполитой, слѣдовательно не отъ нихъ, а отъ пановъ-шляхты слѣдуетъ начинати приниманіе присяги. Кромѣ того подали мѣщане губернатору просьбу, щобы онъ воспретилъ евреямъ всякую торговлю. Такъ якъ шляхта оказывала еще меньше готовності, объявити свою покорность, то губернаторъ выдумалъ иный торжественный актъ, имѣвшій засвидѣтельствовати о водвореніи австрійской власти въ новой провинціи. Въ недѣлю 4 октября устроено было торжественное Богослуженіе въ латинской кафедрѣ, во время которого вокругъ розставленное войско и пушки на валахъ возвѣщали о началѣ австрійского владѣнія, воины же разомъ съ толпою народа кричали: Да здравствуетъ императрица Марія Тересія и императоръ Іосифъ II! Послѣ оконченія той церемоніи отправился губернаторъ съ епископами и канониками съ поздравленіемъ къ военному команданту Гадяку. До участія въ семъ торжествѣ приглашенъ былъ также русско-униат-

скій епископъ Левъ Шептицкій, но онъ не прибылъ, заявляя, що у него есть своя церковь *).

Столицею новой австрійской провинціи, названной „королевствомъ Галиціи и Лодомеріи“, назначенъ былъ городъ Львовъ. Гр. Цергенъ издалъ вскорѣ два окружныя обвѣщенія. Въ первомъ заporучалъ онъ жителямъ всѣхъ сословій безопасность особы и имѣнія, во второмъ взымалъ онъ чиновниковъ изъ временъ польскаго владѣнія, въ продолженіи четырехъ недѣль опредѣлити характеръ своей должности. Старосты-тенутаріи (арендаторы) королевскихъ имѣній получали приказъ предложить правительству точное описаніе находящихся у нихъ имѣній по числу душъ крестьянскихъ, доходамъ и прч. Имъ же вмѣнялось въ обязанность, не рубати лѣсовъ, не продавати поодинокихъ участковъ земли и вообще не дѣлати убытка державѣ. Щобы предупредити похищеніе коронныхъ имѣній частными лицами, опредѣлило правительство въ 1777 г. преміи для доносчиковъ о незаконномъ владѣніи державнымъ имѣніемъ.

Соймъ польскій, созданный въ 1773 г. для утвержденія раздѣла Польши, одобрилъ (въ апрѣлѣ) отступленіе Червоной Руси Австріи и освободилъ ея жителей отъ польскаго подданства. Тогда императоръ Іосифъ II рѣшился посѣтити

*) Петрушевичъ : Своди. лѣт. стр. 9—11.

Галичину. То посѣщеніе относилось къ русской части Галичины. Еще въ 1770 г. Іосифъ II объѣзжалъ венгерскую Русь и отбиралъ о тѣ русскіихъ жителей заявленія покорности въ Кошицахъ и Ужгородѣ (Унгварѣ). Теперь, въ 1773 г., отправился онъ 26 іюня изъ Кошиць черезъ Карпаты и направилъ свое путешествіе черезъ Льско, Сянокъ, Березовъ, Дыновъ, Дубецко, Ярославъ, Яновъ во Львовъ. По дорогѣ избѣгалъ онъ посѣщенія дворовъ шляхты и останавливался для отдыха и ночлега въ гостиницахъ. Императоръ старался прежде всего сблизиться съ русскимъ простонародіемъ и познати его потребности. Во Львовѣ онъ остановился у мѣстнаго аптекаря.

Въ то время комсія опредѣляла восточную границу Галичины, принимаемая за установленіе межевыхъ столбовъ при рѣцѣ Середѣ, названной въ атласѣ Польши отъ 1772 г. Подгорцами. Когда Іосифъ II посѣтилъ окрестности Збаража, былъ онъ плодородностію почвы до того пораженъ, що велѣлъ присоединити къ своимъ владѣніямъ полосу земли между Середомъ и Збручемъ. По его мнѣнію, Збручъ имѣлъ о много большее стратегическое значеніе, нежели Середѣ. Такимъ образомъ восточною границею Галичины сдѣлался Збручъ, но получилъ, примѣнительно къ трактатамъ роздѣла, говорившимъ о рѣцѣ Подгорцахъ яко восточной границѣ, офиціальное названіе Подгорцы.

*

„Наша Галичина — писалъ Іосифъ II своей матери — преисполнена самой лучшей воли, но здѣшній крестьянинъ есть несчастливцемъ, лишь физическою жизнью припоминающимъ челоуѣка. Мелкая шляхта также крайне бѣдна и угнетаема вельможами. Всѣ ждуть отъ насъ справедливости. Одни магнаты недовольны.“

Іосифъ II совѣтовалъ матери, вмѣсто гр. Пергена поставить губернаторомъ Галичины больше дѣятельнаго гр. Врбнѣ, принять мѣры къ улучшенію экономическаго благосостоянія въ краѣ и основати духовныя семинаріи для образованія духовенства, находившагося, по его увѣренію, въ крайнемъ невѣжествѣ. Современно предлагалъ онъ учредить соймовую репрезентацію духовенства, шляхты и мѣщанъ.

Вскорѣ послѣ того путешествія была Галичина (трактатомъ отъ 18 сентября 1773 г. между Польшею и Австріею) окончательно отступлена Австріи и тогда воззваны были жители ея принести присягу вѣрности для Австріи. Отъ имени духовенства совершили тотъ актъ (29 декабря) епископы, отъ имени шляхты 42 выборныя, отъ имени городовъ и селъ ихъ начальства *). Шляхта пору-

---

*) Wł. Łoziński: Galiciana — kilka obrazków z pierwszych lat historii galicyjskiej. Lwów 1872, стр 1—84.

чила своимъ выборнымъ, чтобы предъ принесеніемъ присяги ставили розличныя требованія. И такъ выборныи львовской земли домогались обезпеченія свободы католическаго вѣроисповѣданія, запрещенія строити протестантскіи и православныи церкви, каранія отступниковъ отъ католичества смертію и конфискаціою имѣній *). Станиславовская шляхта, ссылаясь на принадлежность Галичины къ угорской коронѣ, требовала для себе правъ и преимуществъ угорскаго дворянства, права вношенія всякихъ просьбъ и представленій къ правительству и независимаго шляхетскаго судопроизводства посредствомъ выборныхъ судей. На тѣ требованія не получила шляхта ніякого отвѣта, но не смотря на то она принесла присягу.

Обращеніе австрійскихъ чиновниковъ съ шляхтою было самое безцеремонное. Губернаторъ держалъ првглашеннаго вельможу долго въ передней и часто даже не допустилъ къ себѣ. За малѣйшее сопротивленіе власти посылали шляхтичу въ его домъ война, который размѣщался въ панской спальнѣ **). Вообще австрійское правительство старалось смирить гордость шляхтича и дати ему почувствовать, що существуетъ

---

*) Рукопись Библ. Оссол. н-ръ 331 стр. 75 — Петруш. Свод. лѣт. стр. 80.

**) Fr. Karpiński: Pamiętniki, Lwów 1849, стр. 118.

власть. Придворныя милиціи шляхтичей были уничтожены. Ординату Замойскому запретили держати свое войско и когда онъ дѣлалъ противъ того представленіе и выказалъ, что войско нужно ему изъ взгляда на опасность, послали ему австрійскихъ воиновъ. Кіевскій воевода, Потоцкій, имѣвшій въ Кристинополѣ 1500 козаковъ, извинялся, что не можетъ ихъ распустити, ибо у него много золота и серебра и онъ боится негодаевъ — тогда ему прислали 300 воиновъ въ Кристинополъ и козаковъ велѣли распустити. То такъ поразило гордого пана, что отъ досады вскорѣ умеръ. Тотъ Потоцкій былъ тотъ же самъ жестокій человекъ, которій, желая помѣнати женитьбѣ своего сына Щенского на Маріи Коморовской, велѣлъ невѣсту своего сына похитити и утопити. На шляхту наложили австрійцы новыя податки: въ 1773 г. 12% доминикального и въ 1774 г. военного, освобождая ю при томъ отъ военной службы.

Сообразно съ указаніями Іосифа II, былъ въ началѣ 1774 г. гр. Пергенъ устраненъ отъ должности губернатора и на его мѣсто поставленъ гр. Гаддикъ. Гр. Врбна получилъ чинъ галицкаго придворнаго канцлера съ мѣстопребываніемъ въ Вѣднѣ. Новый губернаторъ получилъ 26 августа приказъ, чтобы взялъ въ свое покровительство греко-католическое вѣроисповѣданіе и диссидентовъ, отнялъ корчмы,

шинки и аренды у евреевъ, старался о продажѣ соли по самой низкой цѣнѣ и чтобы всѣ державныя власти употребляли лишь нѣмецкій и латинскій языки. Для всѣхъ, схваченныхъ съ оружіемъ въ рукахъ, объявлена была амнистія. Вѣднское правительство рѣшило пригласити въ Галичину поселенцевъ изъ нѣмецкихъ провинцій, обѣщая имъ облегченія, именно освобожденіе селянъ отъ податковъ на лѣтъ шесть, ремесленниковъ же и фабрикантовъ на лѣтъ десять. На чиновниковъ приказано было брати лица, владѣющіи „словацкимъ“ языкомъ, изъ Чехіи, Силезіи, Угорщины. Въ каждомъ урядѣ долженъ быти по крайней мѣрѣ одинъ полякъ. Всѣ чиновники должны носить французское платье.

Между-тѣмъ окончила Россія войну съ Турціею и заключила съ нею (10 іюля 1774 г.) выгодный для себе миръ въ Кучукъ-кайнарджѣ. Россія получила Керчь, Еникале, Кибурунъ, степь между Днѣпромъ и Бугомъ, и сверхъ того право свободного мореплаванія по Черномъ морѣ и черезъ Дарданеллы. Объявлена была независимость крымскихъ татаръ. Кромѣ того условилась Россія, чтобы Молдавія и Валахія пользовались свободою христіанского вѣроисповѣданія, платили умеренную дань и не дознавали притѣсненій со стороны турокъ. То покровительство Россія надъ придунайскими землями, входившими уже въ роз-

счетъ австрійской наступательной политики, наподнило вѣденскій дворъ тревогою. Хотя Австрія заключила была тайный договоръ съ Турціею, получила въ 1771 г. два миліоны гульд. пособія для предполагаемой войны съ Россіею, она считалась союзницею Турціи, однако и не могла въ виду Пруссіи и успѣховъ русскаго оружія начати войну и противодѣйствовать русскому перевѣсу у нижняго Дуная. Австрія поступила такъ само, якъ въ польскомъ вопросѣ. Не могучи вести войну, она рѣшилась искати для себе новаго вознагражденія за усиленіе русскаго могущества на Черномъ морѣ. Она искала територіальныхъ приобрѣтеній у границъ Семиграда. Іосифъ II вмѣлъ въ виду лѣвый берегъ Дуная вокругъ Старой Ореовы; министръ Тугуть обратилъ вниманіе на сѣверную часть Молдавіи — Буковину*). Марія Тересія приказала 1 октября 1774 г. заняти Буковину, будто на томъ основаніи, що та область когда-то принадлежала къ Семиграду, Турціи же предложила она отступить тотъ край Австріи вмѣсто обѣщанной конвенціею отъ 1771 г. (за помощь противъ Россіи, однако та помощь была лишь дипломатическою) Малой Валахій. Договорами отъ 7 мая 1775 и 12 мая 1776 г. отказалась Турція отъ своихъ правъ къ оной области въ пользу Австріи. Протестовавшій противъ такой

---

*) Кронек стр. 337.

уступки молдавскій господарь Григорій Гика былъ повелѣніемъ султана 12 января 1777 г. удушенъ. При занятіи Буковины руководили австрійскимъ правительствомъ въ первой линіи военныя соображенія. Дѣло было въ томъ, чтобы удобнѣйше соединити Семиградъ съ Галичиною и заняти выгодную позицію въ виду Россіи и Молдаво-Валахіи. Примѣнительно къ своему значенію, яко военная позиція, находилась Буковина до 30 ноября 1786 г. въ военномъ управленіи, пока не была присоединена къ Галичинѣ яко черновецкій округъ.

II.

Политика Маріи Тересіи и Іосифа II относительно русскаго народа и мѣропріятія австрійскаго правительства. — Состояніе русскаго народа.

Пространство, занятое Австріею подъ названіемъ Галиціи и Лодомеріи, составляло 1300 □ миль съ 2,700.000 жителей. Уже то обстоятельство, що вѣдѣнское правительство, желая узаконити свой захватъ и ссылаясь на историческія права до Галичины, принуждено было познаться съ исторіею сего края — должно было навести государственныхъ дѣятелей Австріи на мысль, що пріобрѣтенная ими провинція не польская, а скорше русская. Русскій элементъ

былъ тогда въ Галичинѣ еще на столько крѣпкій, що на первый взглядъ можно было замѣтити русскій характеръ края. На пространствахъ отъ Вислока до Збруча и предѣловъ Молдавіи говорили крестьяне, мѣщане (даже латинского обряда) и духовенство по русски.

Гофратъ Куранда, признававшій Галичину краемъ польскимъ, и убѣжденный въ противоположности, донесъ въ Вѣдень, що въ Галичинѣ живетъ народъ не польскій, а другій славянскій, похожій на русскій (russisch), или иллирійскій (сербо-хорватскій *). Австрійское правительство поощряло писателей и ученыхъ, обратити вниманіе на новую провинцію и прежде всего составить ея исторію. Ту задачу исполнили Энгель **) и Гоппе ***). Первый обратилъ вниманіе австрійского правительства на то, що Галичина есть собственно русскій край и правительство Россіи можетъ весьма легко требовати возвращенія его на томъ основаніи, що здѣсь владѣли потомки вел. князей кіевскихъ. Велѣдствіе

---

*) Helfert: I. A. Die oesterr. Volksschule Prag 1860 I стр. 461. И. Заневичъ: Литературні стремліня галицкихъ русинів (Жите и Слово 1894 II.)

**) I. Ch. Engel: Geschichte der Ukraine und der ukrainischen Cosaken wie auch der Königreiche Halitsch i Wladimir. Halle 1796

***) Hoppe: Geschichte Galiziens 1802.

такихъ же соображеній первый губернаторъ Галичины, гр. Пергенъ, не совѣтовалъ помогати усиленію русскихъ и предлагалъ лишь въ случаѣ нужды, употребляти ихъ яко орудіе противъ поляковъ *). Однако вѣденьскій дворъ, особенно же самъ Іосифъ II, не имѣлъ причины враждебно относиться къ галицко-русскому народу, такъ какъ соплеменники того же народа въ Угорщинѣ, находившіяся съ давныхъ временъ подъ скипетромъ Габсбурговъ, не дали ни малѣйшого повода къ недовѣрчивости. Напротивъ, преданность угро-руссовъ къ Австріи заставила вѣденьское правительство употребити мірскіи и духовныи лица изъ угорской Руси яко учителей въ семинаріяхъ во Львовѣ и Вѣднѣ, опредѣленныхъ для галицко-русского юношества духовного званія. Кромѣ того отъ поры, какъ въ 1779 г. австрійскимъ посланникомъ въ Петербургъ сталъ Кобенцль, произошолъ переломъ въ иностранной политикѣ Австріи; императоръ Іосифъ II старался заключити союзъ съ Россіею для рѣшенія международныхъ усложненій, прежде всего же восточного вопроса. Въ той цѣли предпринялъ онъ въ 1780 г. путешествіе въ Россію для личного свиданія съ русскою императрицею. Свиданіе состоялось въ Могил-

---

*) 1. Lewicki: Ruch Rusinów w Galicyi w pierwszej połowie wieku panowania Austrii. Lwów 1879 стр. 19.

леві и послѣдствіемъ его было заключеніе (въ 1781 г.) тайного союза противъ Турціи; второе свиданіе Іосифа II съ императрицею Россіи состоялось въ Херсонѣ въ 1787 г. и послѣдствіемъ оно-го была война Австріи и Россіи съ Турціею.

Дружба Австріи съ Россіею благоприятствовала развитію галицко-русского народонаселенія. Понеже польская шляхта не хотѣла вступати въ правительственную службу, открылось поприще для численныхъ поповичей и сыновъ мелкой русской шляхты, получившихъ образованіе въ польскихъ школахъ. Когда въ политическіи уряды брали преимущественно нѣмцевъ, въ судъ и городскіи управленія поступали въ большей части русскіи. Такимъ образомъ русскіи и нѣмцы составляли головной элементъ галицкого чиновническаго сословія. Большинство нынѣшнихъ чиновничихъ фамилій въ Галичинѣ есть русскаго происхожденія. Всѣ Левицкіи, Монастырскіи, Крижановскіи, Сохацкіи, Понели, Мохнацкіи, Яворскіи, Мацѣлинскіи, Тустановскіи, Созанскіи, Левандовскіи, Волосы, Нападѣевичи, Крыницкіи, Хойнацкіи, Литинскіи, Калитовскіи, Городыскіи, Чайковскіи, Бѣлинскіи, Сосновскіи, Киричинскіи, Ильясевичи и другіи — потомки первыхъ австро-русскихъ чиновниковъ *).

*) Ник. Устіяновичъ: Возрожденіе Галицкой Руси („Родимый Листокъ“ Черновцы 1881. II)

Они сегодня ополчены и даютъ доказательство, — во первыхъ, якъ ненадежнымъ элементомъ въ національномъ отношеніи есть чиновничье сословіе — во вторыхъ, якъ мало нравственной силы есть въ церковной униі, если сыны и дочери униатскихъ священниковъ при первомъ удобномъ случаѣ покидаютъ униатскій обрядъ своихъ родителей...

Хотя обстоятельства благопріятствовали развитію и умственному подъему австрійской Руси, однако мы не видимъ среди ней ни малѣйшихъ усилій къ якому нибудь труду на литературномъ поприщѣ. Трудъ такой вызвало позднѣйше пробудившееся національное сознание. Но якъ долго австрійская Русь признавала себе лишь униатами, духъ ея находился въ оцѣпчивніи.

Въ пору занятія Галичины Австріею простой народъ находился въ полномъ закрѣпощеніи, но къ его счастью Іосифъ II былъ тогда приверженцемъ физиократической экономической системы, по которой произведеніе сырыхъ продуктовъ составляетъ благостояніе края и для того сельское хозяйство должно дознавати головной опеки со стороны правительства. Хотя Марія Тересія больше благоволила помѣщикамъ, нежели простонародію, но ея сынъ Іосифъ II считалъ своимъ долгомъ, трудъ земледѣльца, о сколько возможно, освободити отъ притѣсненій. Когда съ одной стороны по

почину Маріи Тересіи вышли патенты: отъ 10 сентября 1774 г., воспрещающій крестьянамъ безъ соизволенія своего помѣщика продавати упряжный скотъ и приказывающій имъ исполнати свои обязанности относительно помѣщика и патентъ отъ 1775 г., по которому державны имѣнія могли продаватися лишь шляхтѣ — съ другой стороны вышли патенты также въ пользу крестьянъ. Еще въ періодѣ 1748—1763 позволено было въ чешско-нѣмецкихъ провинціяхъ крестьянамъ покупать землю и ограничено судейскую власть помѣщика, въ гг. 1775—78 управльнена была паищина и въ 1777 г. позволено было пѣшее тягло замѣнити оброкомъ. Патентомъ отъ 3 іюня 1775 г. воспрещено было угнетати крестьянъ. Самые важныя постановленія въ крестьянскомъ дѣлѣ вышло при Іосифѣ II. Въ гг. 1781—85 устранено было крѣпацтво и крестьяне объявлены лично свободными. Особенно важный былъ для Галичины приказъ отъ 1781 года, по которому крестьянину, не получившему въ продолженіи 30 дней отъ помѣщичого суда рѣшенія на свою жалобу, вольно было цѣлое дѣло отдати правительственной власти. Помѣщикамъ воспрещено было посредствомъ своихъ шинкарей въ недѣльные и праздничныя дни насильственно налагати на селянъ десять и больше квартъ водки и велѣти крестьянамъ, щобы за отходящего шинкаря платили податокъ. Воспрещено было помѣщикамъ по-

лучати куну (оплату за позволеніе женитися) и навязывати своимъ подданнымъ испорченныи съѣстныи припасы, продавцамъ же ихъ не позволено устраивати попойки на счетъ процесующихся крестьянъ *). Патентомъ отъ 20 ноября 1781 г. опредѣлено панщину отъ цѣлого грунта (20—24 морговъ) въ три, отъ половины грунта (10—12 морговъ) въ полтора дня. Державныи уряды получили приказъ, все прошенія по адресу императора принимати и доставляти въ Вѣдень жалобамъ же противъ приговора помѣщичьего (доминикального) суда открытъ былъ доступъ въ высшіи инстанціи, якъ на пр. въ окружное старство (Kreisamt), губернію и въ придворную канцелярію.

Въ 1786 г. начался великанскій трудъ іосифинскаго катастра на основаніи новаго намѣренія цѣлого государства и провѣрки поземельнаго дохода. Сотни офицеровъ и гражданскихъ инженеровъ съ тысячами писарей и рисовальщиковъ заняты были тѣмъ трудомъ Комисіямъ катастральнымъ повелѣно было раздѣлити крестьянскую (рустикальную) землю отъ помѣщичьей (доминикальной) и тотъ раздѣлъ записать въ отдѣльныхъ книгахъ, составившихъ основу для распредѣленія податковъ и обозначенія права собственности. Тотъ катастръ былъ убійственнымъ для угро-россовъ, ибо все

---

*) Moritz Drdacki: Frohnpatente Galiziens
Wien 1888.

лѣсы и множество полонинъ (горскихъ пастбищъ) были приписаны за помѣщиками и крестьяне лишились права ими пользоваться *) То самое произошло также въ Галичинѣ. Здѣсь крестьяне боялись податковъ и сами отказывались отъ собственности, надѣясь и дальше пользоваться нею за соизволеніемъ помѣщика. На основаніи нового катастра росписаны были патентомъ отъ 10 февраля 1789 г. новыя податки, обременившія якъ крестьянскую, такъ и помѣщичью землю. Роспоряженіемъ отъ 10 мая 1787 г. позволено было крестьянамъ всякого рода землю покупати на собственность.

Иосифъ II намѣрялъ привлечь евреевъ къ земледѣлію и наклонити цыганъ къ постоянному мѣстожительству. Одно и другое не осуществилось вслѣдствіе племенныхъ особенностей евреевъ и цыганъ. Больше успѣшно повелась колонизація Угорщины и Галичины нѣмцами, приглашенными въ 1777 и 1787 гг. изъ Бадена, Гессіи, Виртемберга, Нассау и Баваріи. Въ короткомъ времени возникло въ Галичинѣ около 150 нѣмецкихъ селъ, сохранившихъ въ большей половинѣ свой нѣмецкій характеръ до сихъ поръ. Нѣмцы, принося съ собою улучшенныя земледѣльческія орудія и прогрессивныя знанія техники и сельского хозяйства, благотворно вліяли на мѣстное населеніе.

*) Bidermann: Die ungarischen Ruthenen, стр. 108.

Но не только въ экономическомъ отношеніи долженъ былъ по намѣренію вѣденскаго правительства поднятись крестьянинъ. Оно постаралось также о его просвѣщеніи. Послѣ долгихъ преній въ различныхъ комисіяхъ, 2 января въ 1771 г. открыта была въ Вѣднѣ „нормальная школа“ и 6 декабря 1774 г. издано „общее положеніе для нѣмецкихъ нормальныхъ, головныхъ и тривіальныхъ (начальныхъ) школъ“. Когда дѣло шло о заведеніи школъ въ Галичинѣ, стоялъ гофратъ Коранда за польскимъ преподавательнымъ языкомъ, чему однако воспротивился Фельбигеръ. Въ 1775 г. (9 сентября) была открыта во Львовѣ нормальная школа съ нѣмецкимъ характеромъ; 27 марта 1776 г. установлена галицкая школьная комисія и издано императорское рѣшеніе, чтобы русская народность, „составляющая двѣ трети части населенія провинціи“, принималась въ соображеніе при учрежденіи учебныхъ заведеній и имѣла свои народныя школы и чтобы вообще греко-католическое, римо-католическое и армяно-католическое вѣроисповѣданіе въ школьныхъ дѣлахъ были равноуправнены. Однако учрежденію русскихъ народныхъ школъ кто-то помѣшала, ибо въ 1791 г. изуженъ былъ новый приказъ, чтобы во всѣхъ мѣстностяхъ восточной Галичины, гдѣ не было ни нѣмецкой, ни польской школы, учреждено было русское тривіальное (начальное) училище. До 1791 г., кажется, не

учреждали русскихъ народныхъ школъ, ибо только въ 1790 г. изданъ былъ въ Вѣднѣ русскій букварь для народныхъ школъ. Польская шляхта препятствовала просвѣщенію сельского народа, опасаясь потерять свои преимущества. „Черезъ сравненіе всѣхъ сословій и допущеніе простонародія къ всѣмъ чинамъ, не меньше черезъ вознамѣренное просвѣщеніе народныхъ массъ, пострадаетъ больше всего земледѣліе. Сынъ крестьянина позабудетъ о своемъ званіи и о томъ, что онъ сотворенъ для плуга; онъ будетъ промышляти, якъ бы себе поднести — говорила шляхта въ одной изъ брошуръ въ 1790 году *).

Недоброжелательство шляхты для дѣла народного просвѣщенія и вліяніе ея на внутренніи дѣла Галичины съ поры вступленія на престолъ императора Леопольда II даже до нашихъ временъ — не дали долго подняться умственному уровню русскихъ и польскихъ крестьянъ.

Но все-таки положеніе галицкаго крестьянина при австрійскомъ правительствѣ улучшилось. Онъ былъ обезпеченъ передъ своеволіемъ пана и кромѣ умѣренной панщины, державныхъ податковъ и военной повинности (15 лѣтъ), не зналъ

---

*) Magna charta von Galizien, oder Untersuchung der Beschwerden des galiz. Adels polnischer Nation über die oesterr. Regierung. Jassy 1790 (§. 63 статья Bemerkung. über die galiz Regierung. — Петруш. Свод. лѣт. стр. 314.

угнетавшихъ его въ пору польской рѣчи-посполитой другихъ налоговъ, якъ: различного рода даремщины, платни для экономовъ, на содержаніе козаковъ, смоляковъ (лѣсныхъ сторожей) и прочихъ расходовъ на панскую прислугу. Для того и не удивительно, що австрійское правительство приобрѣло себѣ симпатію низшихъ сословій и стануло твердою ногою въ новой провинціи. Такая же симпатія престонародія для австр. правительства была не только въ Галичинѣ, но также въ Угорщинѣ и въ нѣмецко-чешскихъ провинціяхъ, и она помогла Австріи вынести потрясенія, испытанныи въ послѣдствіи въ текущемъ столѣтіи.

Русское духовенство находилось въ жалкомъ состояніи. Хотя оно добросовѣстно соблюдало унию, но ему въ Польшѣ ніякъ не хотѣли признати правъ, признанныхъ для другихъ католическихъ духовныхъ. Его силою гнали на панщину, ибо шляхта не дѣлала различія между крестьяниномъ и униатскимъ попомъ. Точно въ началѣ роздѣла Польши принужденъ былъ митрополитъ Володевичъ (4 марта 1772 г.) отправить письмо къ папѣ Клименту XIV о угнетеніи униатовъ*). Латинское духовенство не признавало въ нихъ католиковъ, а считало ихъ лишь временно присоединенными къ католической церкви будто въ

*) A. Theiner : Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae. Romae 1864, стр. 417 н-рѣ CXXXVII.

той цѣли, чтобы они перешедши въ латинскій обрядъ, могли впоследствии статися истинными латино-католиками. Для того называли ихъ лишь „уніатами“, не католиками, и такъ смотрѣла на уніатовъ также римская курія, поручившая завѣдываніе уніатскими дѣлами конгрегациі de propaganda fide, т. е. вѣдомству, которому подчинялись дѣла еретиковъ, миссій и отношенія римской куріи къ иновѣрцамъ. По той причинѣ привлеканіе уніатовъ въ латинскій обрядъ велось на великую скалю.

Иначе смотрѣло на унію австрійское правительство въ пору Маріи Тересіи и Іосифа II. Оно, имѣя у себе въ Угорщинѣ много православныхъ, надѣялось посредствомъ уніатовъ воздѣйствовать на оныхъ и присоединивши ихъ къ католичеству, сплотити съ своею державною идеєю. Тотчасъ послѣ занятія Галичины (17 іюля 1774 г.) жаловался львовскій епископъ Левъ Шептицкій посредствомъ своего уполномоченного Ивана Гудза, получившаго аудіенцію у Маріи Тересіи, що латинскіи священники и даже каноники въ Галичинѣ прозываютъ русскихъ собаками и ихъ уніатское вѣроисповѣданіе собачьимъ, уніатскихъ священниковъ — шизматиками, церкви — синагогами, священниковъ — попами (!) Мертвеца, напустованиго уніатскимъ священникомъ, не хотятъ латинскіи ксендзы хоронити. Съ сынами уніатскихъ священниковъ обращаются

хуже всего; ихъ принуждаютъ къ панцинѣ, всѣхъ же исповѣдниковъ сего обряда не допускаютъ (конечно, то относится къ временамъ польскаго владѣнія) ни къ чинамъ, ни къ цехамъ ремесленниковъ и промышленниковъ. Латинники мѣшаютъ совершенію униатскихъ обрядовъ, не позволяютъ звонити во время Свѣтлаго Воскресенія, если оно не совпадаетъ съ латинскою пасхою, принуждаютъ русскихъ роботати въ праздники и всячески надѣваются надъ исповѣдниками греческаго обряда *). Вслѣдствіе той жалобы Марія Тересія рѣшеніемъ отъ 28 іюля 1774 г. приказала, чтобы польскіи бискупы склоняли подвѣдомственное себѣ духовенство жити въ мирѣ и согласіи съ русскими и не называть ихъ униатами, а греко католиками; губерніи львовеской поручила она, чтобы сынамъ русскихъ дворянъ и священниковъ, по мѣрѣ ихъ способностей, открыти доступъ къ всѣмъ чинамъ и званіямъ **). Послѣдствіемъ того было поступленіе множества поповичей и сыновъ мелкаго русской шляхты въ державную службу и городскіи магистраты. Однако вольскіи помѣщики долго не могли примиритись съ симъ мѣропріятіемъ австрійскаго правительства.

*) M. Malinowski: Kirchen- und Staats-Satzungen bezüglich des griech. katol. Ritus der Rathenen in Gallizien. Lemberg 1871, стр. 304—306.

**) Тамъ же стр. 306.

Въ 1777 году правительство при-
нуждено было опять воспретити, гнати
русокихъ священниковъ на панщину*).
И то запрещеніе мало помогло, ибо еще
въ 1792 г. священникъ изъ Ялинкова-
того въ Скольщинѣ работалъ въ поне-
дѣльникъ Свѣтлаго Воскресенія на паш-
нѣ помѣщика. Опять должно было поя-
виться новое запрещеніе придворной
канцеляріи**). Только воззваніе Ко-
стюшка, щобы польская шляхта иначе
поступала съ униатами и старалась прио-
брѣсти ихъ благосклонность для поль-
ской идеи, расположило помѣщиковъ въ
больше человѣколюбивомъ душѣ въ виду
русского духовенства.

Галицкій сельскій униатскій свя-
щенникъ, въ пору занятія Галичины Ав-
стрією, поверховностію своею ничѣмъ не
различался отъ селянина. Въ изношен-
ной, крестьянской одеждѣ, съ файкою
въ устахъ и бичемъ въ руцѣ, погонялъ
онъ быковъ и коней, оралъ, жалъ и ко-
силъ самъ***). Его жена прилѣжно помо-
гала ему въ томъ трудѣ, занимаясь ро-
ботою въ полѣ, огородѣ и кухнѣ. Мѣст-

*) Harasiewicz: *Annales Ecclesiae ruthe-
nae*, стр. 580.

***) Н. Устіяновичъ: *Местъ верховинца*,
Львовъ 1879, стр. 84 прим. 4.

***) Kratter, *Briefe über den jetzigen Zustand
von Galizien*, Leipzig II стр. 1—7. J. Rohrer, *Be-
merkungen auf einer Reise durch Ost-und West-
galizien*, Wien 1804, стр. 94—96.

ныи тяжкіи условія быта пронавели тѣмъ сельской пощады, успѣвшей съ ранней зари до запада солнца работати безъ отдыха, родити и воспитывати здоровыхъ дѣтей. Соборъ униатскихъ епископовъ и архимандритовъ въ 1764 г. удостовѣрилъ, що „русскіи пощады содержатъ своихъ собственнымъ трудомъ своихъ мужей — и що безженный русскій священникъ въ виду бѣдности своей не могъ бы существовати.“ Пощады была такъ само презираема, якъ ея супругъ. Ей не можно было являться съ нимъ публично, ѣхати съ супругомъ въ одной повозцѣ. Не смотря на то, она развила семейныи добродѣтели и ея трудолюбіе и хозяйственныи способности сохранились въ поодинокихъ случаяхъ до половины 19-ого вѣка, уступивши въ новѣйшее время въ Галичинѣ въ многихъ случаяхъ мѣсто неряшливости и оплошности.

Доступъ въ священнической санъ былъ въ послѣднее время рѣчи-посполитой, якъ и прежде, открытъ людямъ всякихъ сословій: сынамъ священниковъ, мѣщанъ, мелкой шляхты и крестьянъ, послѣднимъ однако лишь за соизволеніемъ помѣщика, що однако рѣдко случалось.

Для приготовленія будущихъ священниковъ униатская іерархія и Римъ не сдѣлали майже ничего. Въ Римѣ существовалъ родъ семинаріи для униатовъ подъ названіемъ греческой коллегіи св.

Аоназія, но изъ прикарпатскихъ русскихъ попадалъ тамъ мало кто. Перемышльскій епископъ Георгій Винницкій намѣрялъ учредить семинарію въ Перемышль и опредѣлилъ на ту цѣль въ 1712 г. фондъ въ 400.000 злотыхъ, но по чіему-то внушенію онъ отступилъ тотъ фондъ латинскому ордену театиновъ во Львовѣ съ препорученіемъ, чтобы они за ту суму воспитывали извѣстное число русскихъ питомцевъ. Тотъ фондъ въ послѣдствіи убольшилъ епископъ Устрицкій. Театинны сначала содерживали 6 униатскихъ питомцевъ, но послѣ никого изъ русскихъ не принимали, отговариваясь недостаткомъ средствъ. Въ 1753 г. папа Венедиктъ XIV приказалъ на надержки конгрегациі de propaganda fide принимать въ оную семинарію униатскихъ воспитанниковъ изъ епархій луцкой, перемышльской и львовской. Былъ принятъ одинъ воспитанникъ, держанъ четыре лѣта, но послѣ него уже никто изъ униатовъ не удостоился той милости *). Перемышльскіи русскіи епископы больше усердно занимались дѣломъ подготовки будущихъ священниковъ. Въ пору занятія Галичины Австрією существовала въ Перемышль епархіальная семинарія при церкви пресв. Троицы на предмѣстьѣ Подгорье. Въ той семинаріи преподавали около 1780 г. Игнатій Ви-

*) Добрянскій: Исторія епископовъ трехъ соединенныхъ епархій, стр 52.

тошинскій правоучительное и Яковъ Лаичинскій пастырское богословіе. Предметы преподавались по русски по рукописнымъ руководствамъ, хранящимся до сихъ поръ въ бібліотецѣ перемышльскаго собора крылошанъ*). Та семинарія была закрыта въ 1784 г. Въ Луцку епископъ Сильвестръ Рудницкій-Любецкій (1751—1777) содерживалъ также родъ семинаріи. То былъ деревянный домъ въ Резнищахъ, въ которомъ кромѣ комнатъ для воспитанниковъ находилась лавка съ сукномъ и товарами, необходимыми для священническаго облаченія. Здѣсь обиталъ также епископскій кравецъ. Епископъ Рудницкій поочередно приглашалъ сельскихъ священниковъ, велѣлъ имъ брить бороды и шить „реверенды“ и такъ отполированныхъ пусакахъ ихъ домой. Кандидатовъ духовнаго званія держалъ онъ цѣлый годъ, обучалъ ихъ богословію и потомъ рукополагалъ. Всѣ, пребывавшіи въ семинаріи, должны были платити за содержаніе, науку и спитую имъ одежду**) И въ Холмѣ и Львовѣ было обыкновеніемъ черезъ нѣкоторое время держати кандидатовъ духовнаго званія при епископѣ, испытывати ихъ способности и обучати ихъ богословію. Для облегченія науки въ 1760 году задана была книга: Бого-

*) Тамъ же стр. 76.

**) H. Kollataj: Stan obciacenia w Polsce, стр. 91.

словіе нравоучительное, содержащее въ себѣ поученіе о св. Тайнахъ, о добродѣтеляхъ богословскихъ, о заповѣдяхъ Божіихъ... вкратцѣ собранное... до сана іерейского готовящимся благопотребное. Львовъ 1760.

Поступавшіи въ іерейскій санъ имѣли двойное приготовленіе: „латинскую“ и „русскую“ науку. Первыхъ было весьма мало, ибо кончившіи латинскую школу предпочитали поступати на службу у помѣщиковъ и принимати должности городскихъ писарей. Школы латинскихъ въ пору занятія Галичины Австрією было довольно много: въ Бѣчѣ (колонія акад. краковской), Збаражѣ (та гимназія переведена въ Бережаны 1805 г.), Бучачѣ (гимназія монаховъ ч. св. Василія вел. для шляхты), Дрогобычѣ (школа василіантъ), Ярославѣ (іезуитская гимназія съ 3-лѣтнимъ курсомъ философіи и 4-лѣтнимъ богословія, закрыта 1782), Короснѣ (іезуитская), Львовѣ (4 школы: колонія академическая, іезуитская, піарская и театиновъ), Новомъ Сончѣ (академія), Подолинцѣ, Перемышлѣ (іезуитская), Ряшевѣ (піарская), Самборѣ (іезуитская), Станиславовѣ (іезуитская), Варяжѣ (піарская), Замостьѣ (академія), Зборовѣ (закрыта въ 1812 г.), Золочевѣ (піарская, закрытая въ 1780 г.; тамъ воспитывался Михайль Гарасевичъ)*). Вообще въ Галичинѣ были въ

*) А. Karbowski: Listy w sprawie wystawy gzeszy szkolnych narodowych. Muzeum X. 4 1894.

1772 г. 24 средні школы, 15 высшихъ и 9 низшихъ (прогимназій).

„Русская“ наука состояла въ домашнемъ обученіи русской грамотѣ и чтеніи псалтыры, часослова и св. Писанія. Въ той цѣли употреблялись буквари, печатанныи въ Вильнѣ, Москвѣ и Кіевѣ, или дьяки (состоявшіи учителями) чертали высокимъ уставомъ буквы на доскахъ, учили ихъ различати и складати по складамъ и послѣ переходили къ чтенію псалтыри и часослова*). Такъ обученныи молодыи люди усвоивали себѣ нѣкоторые свѣдѣнія изъ богословія и поступали въ священники.

Не смотря на недостатокъ основнѣйшей науки, они были хорошими знатоками церковного устава и умѣли утвердити свою паству въ привязанности къ славянскому обряду. Прибывшіи въ Галичину нѣмецкіи чиновники замѣтили громаднѣе вліяніе, производимое тѣми священниками на народъ.

Уніатское духовенство, за исключеніемъ монаховъ чина св. Вас. вел. и происшедшей изъ нихъ іерархія, сознавало себе русскимъ и употребляло русскій разговорный языкъ, не смотря на то, що львовскій епископъ Іосифъ Шумлянскій еще въ 1684 г. приказалъ своему духо-

---

*) Ю Желеховскій: Іоаннъ Сяѣгурскій, его жизнь и дѣятельность. Львовъ 1894. стр. 39. (Такъ училъ о. Дубинскій въ Бортономъ до 1833 г.)

венству усвоити себѣ польскую рѣчь. Метрикальныя книги велись тогда майже всюда въ Галичинѣ по-русски, и также розличныя записки и замѣтки, сохранившіяся до сихъ поръ, составлены на русскомъ (конечно, подъ вліяніемъ польской рѣчи испорченномъ) языцѣ*). Русскіи называли себе тогда „русинами“ или „россіянами“, а считали церковно-славянскій языкъ своимъ литературнымъ языкомъ. Проповѣди во время поминальныхъ Богослуженій за Марію Тересію и Іосифа II держались по „словянски“ и также грамоты для духовенства, выходявшія изъ епископской канцеляріи во Львовѣ, составлены были на томъ языцѣ. Нѣмецкіи ученые и литераторы называли русскихъ, присоединенныхъ къ Австріи *Reussen* или *Russen*.

Кромѣ сего названія вскорѣ водворился австрійско-офіціальныи терминъ *Ruthenen*. Основаніе тому термину дали папскіи буллы и грамоты, выдававшіяся по дѣламъ униатовъ. Въ нихъ всегда соединенны съ римскою церковью русскіи назывались *Rutheni*, и то названіе до того привилось у униатской іерархіи, що она даже въ нѣмецкихъ своихъ писмахъ, предлагаемыхъ австрійскому правительству, постоянно употребляла тотъ терминъ. Австрійское правительство, ста-

---

*] Всѣ тѣ записки и замѣтки собрали тщательно А. Петрушевичъ и помѣстилъ въ своихъ „Сводныхъ лѣтописяхъ.“

равшееся германизовати своихъ подданныхъ и воспротивлявшееся развитію ихъ національнаго сознанія, подхватило оный терминъ, котораго существо состояло главнымъ образомъ въ религиозныхъ особенностяхъ. И оно, ровню якъ римская курія, въ своихъ рутенахъ видѣло лишь греко-католиковъ и въ томъ духѣ постановило воспитывати галицко-русское духовенство. Приобрѣтеныи Австрією рутены должны были сознавати себе прежде всего уніатами, а не принадлежащими къ какой либо національности. Придворнымъ рѣшеніемъ отъ 3 августа 1776 г. приказано было львовской губерніи „по политическимъ и религіознымъ соображеніямъ“ приняти въ защиту лишь „греко-католическій обрядъ“ и между латинниками и греко-католиками водворити согласіе.

Тѣмъ настроеніемъ вѣденскаго правительства воспользовался тогдашній львовскій епископъ Левъ Шептицкій, самая замѣчательная личность, отыгравшая явственную роль въ исторіи галицкой Руси. Вступивши въ 1749 г. на епископскую столицу, задумалъ онъ освободити уніатскую церковь отъ преобладающаго вліянія монаховъ чина св. Вас. вел., доставлявшихъ, на основаніи постановленій замостскаго синода (1720 г.), епископовъ для уніатскихъ кафедръ и управлявшихъ сообственно уніатскою церковью съ поры, якъ они на Литвѣ въ 1625 г., на Руси въ 1739 г. освободились отъ епи-

скопской власти и кромѣ того заняли при владыкахъ мѣсто сопомощниковъ и совѣтниковъ въ управленіи паствою. Такимъ образомъ епископы совершенно попали въ зависимость отъ василіянскаго ордена, проникнутаго польско-католическимъ духомъ, не подносившаго никогда голоса въ защитѣ уніи, а напротивъ, способствовавшаго переходу уніатовъ въ латинство. Василіане привлекли, конечно, Николая Потоцкаго, воеводу белзскаго († 1782) къ уніи, но то пріобрѣтеніе ничѣмъ не было въ сравненіи съ убытками, якіи понесла унія во время ихъ преобладанія. Въ 1758—1765 гг. въ одной львовской епархіи перешло изъ уніи въ латинство 1200 знатнѣйшихъ лицъ. Василіане ненавидѣли бѣлое уніатское духовенство, стоявшее на русско-національной почвѣ, не старались о его образованіи и повидимому намѣряли латинизовати весь русскій народъ. Въ виду такого положенія дѣлъ, сломати власть василіанъ въ уніатской церкви и отдать управленіе ея въ руки бѣлого духовенства—значило положить предѣлы латинизаціи уніи и спасти Русь отъ полонизаціи.

Епископъ Левъ Шептицкій задумалъ освободити себе отъ василіанъ такимъ образомъ, що онъ рѣшилъ, по образцу латинской церкви, устроить при епископской кафедрѣ капитулъ изъ бѣлого духовенства, который капитулъ составлялъ бы совѣтъ епископа. То не

было нововведеніемъ, а лишь возобновленіемъ древняго собора крылошанъ, существовавшаго при православныхъ епископахъ въ южной Руси. Шептицкій въ первыхъ годахъ своего епископства назначилъ канониковъ и прочихъ достойниковъ капитула, и въ 1769 г. позвалъ львовскихъ василіянъ предъ судъ и отнялъ у нихъ право до львовскихъ церквей. На защиту василіянъ выступилъ папскій нунцій въ Варшавѣ, но такъ якъ Австрія вскорѣ заняла Галичину, то процессъ епископа съ василіянами долженъ былъ рѣшиться въ Вѣднѣ. Въ Римѣ онъ ничего въ томъ дѣлѣ не добился. Правда, ему удалось было испросити у папы буллу, подтверждающую униатскіи капитулы, но въ послѣднюю минуту, когда булла была уже готова, вельдствіе происковъ львовскаго латинскаго архіепископа Сѣраковского рѣшеніе папы было отмѣнено и подтвержденіе капитулъ не состоялось*).

Въ 1773 г. выслалъ Шептицкій въ Вѣденъ своего уполномоченнаго каноника Ивана Гудза, проживавшаго пятнадцать лѣтъ въ характерѣ гувернера въ домахъ польскихъ вельможъ, путешествовавшаго много и усвоившаго себѣ иностранныи языки и великосвѣтскіи манеры. Дѣльнымъ сопомощникомъ Шептицкаго былъ

---

*) M. Malinowski: Die Kirchen u. Staats-Satzungen bez. des griech. kath. Ritus der Ruthenen in Galizien. Lemberg 1861 стр. 300.

его генеральный офиціалъ Антоній Левинскій, изготовлявшій отъ имени епископа отчеты и другіе документы для правительства. На руки Гудза шли все прошенія въ дѣлѣ галицко-уніатской церкви, отъ имени которой выступалъ Левъ Шептицкій, яко сопомощникъ митрополита съ 1762 г. Гудзъ добился аудіенціи у Маріи Тересин 26 февраля 1776 г. Онъ жаловался предъ нею, що латинскіи епископы хотятъ уніатскихъ епископовъ подчинити своей власти и що ходитъ слухъ, будто греко-католикамъ свободно будетъ переходити въ латинство. „Пониженіе нашего обряда и строгіи посты“ — сказалъ Гудзъ — толкнуть многихъ въ латинскій обрядъ.“ — „Не меньше отшатнетъ многихъ отъ русскаго обряда и нужда — продолжалъ Гудзъ — я самъ, если бы руководился матеріальными взглядами, перемѣнилъ бы мой обрядъ, ибо у мене лишь 75 гульд. въ годъ на содержаніе.“ — Императрица изумилась такою бѣдностью. Гудзъ просилъ потомъ императрицу, чтобы изволила утвердити русскіи капиталы и воспретила переходъ изъ греко-католическаго обряда въ латинскій. Императрица обѣщала исполнити тѣ желанія и успокоила Гудза на счетъ его опасеній касательно подчиненія уніатскихъ епископовъ подъ власть латинскихъ. „Вотъ — сказала она — теперь освобождены мункачевскій и фогарашскій уніатскіи епископы отъ подчиненія латинца-

кавъ, и то же послѣдуетъ съ великовардинскомъ епископомъ. У мене хорошіи и честныи греко-католическіи епископы.“

Противъ установленія капитулъ внесли въ 1775 году представленіе въ Вѣдень латинскій львовскій архіепископъ Сѣраковскій и орденъ василіанъ посредствомъ своего протопгумена Онуѳрія Братковскаго. Вообще Сѣраковскій враждебно относился къ униатамъ. Когда Шептицкій послѣ смерти Володкевича (въ 1778 г.) избранъ былъ въ митрополиты и торжественно въѣхалъ во Львовъ, каедральныи латинскіи викаріи кинулись на свиту митрополита и хотѣли ѣдущему впереди на конѣ священнику Протанскому вырвати изъ рукъ архіерейскій крестъ. Протанскій отогналъ ихъ арапникомъ *). Въ 1779 г. Сѣраковскій старался воспретати львовскимъ русскимъ публичное устроеніе богоявленскаго водосвятія въ рынку. По настоянію губерніи онъ примирился въ 1780 г. съ Шептицкимъ и разомъ съ капитулою своею сложилъ визитъ униатскому митрополиту, принявшему Сѣраковскаго съ большими почестями, среди звона колоколовъ, въ окруженіи своего духовенства. Козни латинниковъ ослабѣли, и когда Шептицкій предъявилъ необходимыи для содержанія капитуловъ фонды, были они утверждены Іосифомъ II — 5 октября

---

*) Петрушевичъ: Свод. лѣт. (1772—1800) стр. 124.

1786 для Львова, въ 1787 для Перемышля. Каноникамъ и совѣтникамъ консисторіи позволено было носить яко отличіе золотыя кресты червоного цвѣта съ изображеніемъ св. Георгія и Покрова пресв. Богородицы для Львова, св. Іоанна Крестителя и Божіей Матери для Перемышля. По неизвѣстнымъ причинамъ правительство отмѣнило потомъ то свое постановленіе и только при императорѣ Францѣ I капитулы были окончательно утверждены: во Львовѣ 1813 г., въ Перемышлѣ 1816 г.

Власть василіанъ въ галицко-уніатской церкви была сломана. Имъ ставили въ вину, що не успѣли православныхъ монаховъ въ Скитѣ манявскомъ обратити въ унию. Василіане извинялись, що ихъ мисіонерская дѣятельность не распространяется „на Валахію“ и що ближайшіи сосѣды православныхъ монаховъ, театины изъ Городечки, не успѣли пріобрѣсти для униі сего единственного православного монастыря въ Галичинѣ. Щобы себе оправдати въ очахъ австрійскаго правительства, провинціалъ василіанскій Іоаннъ Братковскій совѣтовалъ (въ 1775 г.) насильственно уничтожити сей монастырь. Не смотря на старанія василіанскаго ордена и его латинскихъ покровителей, надано было въ 1779 г. императорское постановленіе, отмѣняющее постановленіе замостскаго собора и позволяющее выбирать епископовъ изъ бѣлаго духовенства. Въ силу того постано-

вленія, послѣ смерти Льва Шептицкого назначенъ былъ императоромъ еп. львовскимъ Бѣлянскій 24 января 1780 г. Базиліане были подчинены подъ власть еписковъ и должны были оставить забранныя ими церкви, а между ними также епископскую церковь св. Георгія во Львовѣ. Нѣкоторые изъ монаховъ-василіанъ жили при церкви св. Георгія до 1812 г., послѣ же переселились они частью въ другіи василіанскіи монастыри, частью въ Почаевъ, куда и забрали съ собою часть грамотъ.

Другимъ дѣломъ, озаботившимъ Льва Шептицкого, былъ переходъ униатовъ въ латинство. Латинское духовенство, особенно же архіепископъ Сѣраковскій, усердно старались, чтобы такой переходъ былъ позволенъ и въ томъ дусѣ Сѣраковскій предложилъ въ 1775 г. просьбу вѣденскому правительству. Австрійское правительство, рѣшеніемъ отъ 3 августа 1776 г., предоставило себѣ разрѣшеніе перехода изъ одного обряда въ другій, но въ слѣдующемъ году (15 февраля 1776 г.) приказало держатись папскихъ буллъ. Якія же были тѣ буллы? Рускія ссылались на письмо Урбана VIII отъ 7 февраля 1624 г., на энциклику *Demandatam coelitus* отъ 24 декабря 1743 г. и конституцію *Allatae sunt* отъ 26 іюля 1755 г., которыми переходъ изъ обряда греческого въ латинскій допускался лишь за соизволеніемъ папы. Однако польское духовенство возражало,

що письмо отъ 1624 г. на требованіе короля и польскихъ чиновъ было отмѣнено въ томъ смыслѣ, що лишь уніатскимъ духовнымъ воспрещался переходъ въ латинство, ніякъ же мірскимъ лицамъ — энциклика же отъ 1743 г. относилась лишь къ греко-мелхитскимъ уніатамъ, конституція отъ 1755 къ уніатамъ на Востоцѣ, ніякъ же къ Польшѣ. Въслѣдствіе такого толкованія папскихъ энциликъ, переходъ въ латинство отбывался въ громадныхъ размѣрахъ. Римскій обрядъ принялъ остатокъ уніатскихъ помѣщиковъ, кромѣ всѣхъ державныхъ и городскихъ чиновниковъ, множество мѣщанъ въ большихъ городахъ, якъ во Львовѣ, Перемышлѣ и прч. Всѣ усилія русскихъ еписковъ, положити предѣлы такому отступничеству, были напрасны.

Що вѣденское правительство придало василіанскихъ монаховъ и отдало управленіе уніатской церкви въ руки бѣлаго духовенства, то было послѣдствіемъ направленія внутренней державной политики Іосифа II. Той политикѣ далъ основаніе министръ Маріи Тересин Гаугвитцъ, а ея сущностію былъ такъ зовимый бюрократизмъ, т. е. соединеніе всѣхъ державныхъ дѣлъ въ рукахъ владѣтеля и его чиновниковъ. Понеже католическая церковь пользовалась обширною автономією, то противъ нея прежде всего направились удары. Въ 1763 г. издалъ кат. священникъ Іоаннъ Гонт-

гаймъ (подъ псевдонимомъ Юстина Фебронія) книгу на латинскомъ языкѣ п. з. „О становищѣ церкви и законной власти римскаго папы“ *). Въ ней доказоваль онъ, що власть папы должна ограничатись лишь на первенство въ церковныхъ дѣлахъ. Примѣнительно къ воззрѣніямъ, изложеннымъ въ сей книгѣ, правительство стремилось также управленіе католическихъ церковныхъ дѣлъ сосредоточити въ своихъ рукахъ. Поневже власть папы основывалась на численныхъ орденахъ, то правительство принялось за уменьшеніе чрезмѣрнаго числа монастырей. Орденъ іезуитовъ былъ самымъ же папою въ 1773 г. устраненъ; такую же самую судьбу приготовило австрійское правительство многимъ монастырямъ въ цѣлей имперіи.

Въ Галичинѣ упразднены были въ 1783 г. слѣдующіи русско-уніатскіи монастыри: **) Бабянка (возлѣ Бучача), Бесѣды (возлѣ Жолквы), Бѣлина (въ Самборчинѣ), Бѣльче, Бучина (въ Золочевскомъ), Верхрата (въ Жолковскомъ), Вицинъ, Волевинъ, Грабина (въ Золочев.), Голубица (Золочев.), Горпинъ, Городище (возлѣ Кристинополя), Добряна, Добро-творъ, Деравлянская Волица, Дорошевъ,

---

*) Justini Febronii: De statu ecclesiae et legitima potestate romani pontificis liber singularis, Francforti 1763.

**) Петрушевичъ : Сводн. лѣтоп. 1772—1800 стр. 196.

Задаровъ, Заваловъ, Збаражъ, Крылосъ, Каменка Струмиллова, Льсокъ или Чернилава, Льшня (возлѣ Дрогобыча), Летня, Лука, Пацковъ, Питричь (возлѣ Галича), Спасъ (въ Самборщинѣ), Сокулецъ, Струсовъ, Стояновъ, Сваричевъ, Щеплоты, Теревовля, Топольница, Угорники; женскіи монастыри: во Львовѣ, Сасовѣ, Смольницѣ, Загвоздѣ и другихъ мѣстностяхъ. Уневская архимандрія была закрыта въ 1790 г., ея же имѣнія подарены въ 1817 г. львовскому митрополиту. Вообще правительство упразднило выше 40 русскихъ и 52 польскихъ монастырей въ Галичинѣ въ періодѣ 1782—1790. Православный скитскій монастырь въ Манявѣ былъ уничтоженъ въ 1785 г.; одна часть его библіотеки съ древними рукописями переведена была въ Вѣдень въ придворную библіотеку, другая досталась въ частныя руки, имѣнія же Скита съ начала присоединены были къ буковинскому православному церковному фонду, потомъ въ 1793 г. были державою выкуплены и въ 1812 г. проданы частному лицу*). На Буковинѣ было уничтожно 28 православныхъ монастырей и оставлены лишь 3 мужескія (въ Дрогомирнѣ, Путнѣ и Сучавицѣ) и одинъ женскій.

Изъ фондовъ и продажи движимаго и недвижимаго имущества закрытыхъ у-

---

*) К. Czerneryński: O dobrach koronnych Lwów 1870 стр. 241.

віатскихъ монастырей выручило правительство около 400.000 гульд., которыя присоединило оно къ религійному фонду, основанному въ 1782 г. Изъ закрытыхъ латинскихъ кляшторовъ полученный фондъ былъ опредѣленъ на улучшение содержанія бѣлаго духовенства. Въ 1825 г. составлялъ онъ 10¹/₂ мил. гульденовъ. Одновременно съ установленіемъ религійного фонда опредѣлено было жалованье бѣлого католическаго духовенства: 300 гульд. въ годъ для настоятелей приходовъ, 150 гульд. для ихъ сотрудниковъ и 150 гульд. для нанемощѣлыхъ священниковъ. Если доходъ изъ церковныхъ имѣній и фондовъ не составлялъ 300 зр., тогда недостающую суму доплачивалъ священнику религійный фондъ.

Червонорусскій народъ отличался необыкновеннымъ благочестіемъ и привязанностію къ своему обряду. Маленькое сельце съ 20—30 домами строило у себе церковь и посылало когонибудь изъ грамотныхъ односельчанъ къ епископу, чтобы его рукоположилъ въ іереи. Левъ Шептицкій воспрепятствовалъ чрезмѣрному дробленію приходовъ и предъ рукоположеніемъ іерея требовалъ отъ громады, чтобы своему священнику обезпечила соотвѣтное содержаніе. Не смотря на такую стѣснительную мѣру, въ львовской уніатской епархіи было въ 1793 г. сверхъ 2000 приходовъ, въ епархіи же перемышльской сверхъ 1500 *).

*) Malinowski: Kirchen-und Staats-Satzungen стр. 299.

приходы были крайне бѣдныи и при многихъ церквахъ были по два-три священника. Такимъ образомъ въ Галичинѣ было тогда 3500 униатскихъ приходовъ, хотя много ихъ уже въ силу приказа отъ 12 сентября 1782 г. было закрытыхъ. Изъ сего можно заключати о множествѣ униатскихъ церквей и приходовъ въ пору занятія Галичины Австрією.

Названнымъ указомъ повелѣло правительство оставити греко-католическіи приходы лишь въ мѣстностяхъ съ 700 душъ прихожанъ и въ поселеніяхъ, самою природою весьма отдѣленныхъ. Концентрація приходовъ, приведенная разъ въ дѣйствіе, поступала такъ скорымъ шагомъ, що уже въ 1803 г. въ епархіяхъ львовской перемышльской, холмской и берестейской было лишь 2467 приходовъ, значить половина ихъ—смѣло можно сказать — была закрыта. Закрытие приходовъ продолжалось и дальше безъ видимой потребности, такъ що галицко-русскіи епископы, видя въ томъ мѣропріятіи австрійскаго правительства нерасположеніе къ славянскому обряду, должны были въ 1813 г. протестовати противъ дальней конценраціи. То ихъ тѣмъ больше поражало, що одновременно уменьшалось число латинскихъ приходовъ. Не смотря на протестъ епископовъ, правительство дальше закрывало униатскіи приходы до 1842 г.*) Сею конценрацією

*) Пропамятное письмо про нужденное положение гр. кат. духовенства въ Галичинѣ и Буковинѣ. „Дѣло“ 1883 н-ръ 23.

нанесенъ былъ ударъ русской народности, которая такимъ образомъ лишилась въ Галичинѣ около 1500 семействъ и ихъ потомства, могшихъ наполнить сословіе мѣщанъ, розночинцевъ и интеллигенціи. Во Львовѣ были закрыты церкви съ приходами: Воскресенія 1774 (краков. участокъ), Богоявленія 1800 (галицкій участокъ), св. Феодора 1800 (крак. уч.), Честного креста (лычае. участ.), Спаса (жолк. уч.), Вознесенія, Собора Пр. Богородицы на Терновцѣ — вообще 7 церквей приходскихъ *). Конечно, то должно было помочи латинизаціи и полонизаціи львовскаго мѣщанства.

Вѣдѣнское правительство могло по своему усмотрѣнію руководити униатскою церковью, ибо католическая церковь была многими указами подчинена государственной власти. Закономъ отъ 26 марта 1781 г. каждая папская булла должна была предъ своимъ обнародованіемъ получить одобреніе державной власти (*placetum regium*). Въ силу того закона воспрещены были въ имперіи буллы: *Coena domini* и *Unigenitus* отъ 1713 г., также не признавались постановленія замостьскаго собора (рѣшеніемъ отъ 16 марта 1786 г.). Указомъ отъ 21 сентября 1781 имѣли сами епископы разрѣшати отъ каноническихъ препятствій въ за-

---

*) Гал. истор. Сборникъ Львовъ 1853 вып. I.—Петруш.: Сводная лѣтопись г. 1788 стр. 196.

включеніи супружества. Постановленіемъ отъ 21 сентября 1781 г. воспрещено было монахамъ сноситься съ ихъ настоятелями въ Римѣ. Рѣшеніемъ отъ 21 іюня 1784 г. воспрещено было мощи угодниковъ Божіихъ выставлѣти публично на видъ; въ 1786 г. было запрещено въ латинскихъ костелахъ освящати хлѣбъ, воду противъ огня, зеліе и овесъ. Рѣшеніемъ отъ 26 сентября 1782 г. закрыты были всѣ церковныя братства. Постановленіемъ отъ 28 сентября 1783 возбранялось носить статуи при крестныхъ ходахъ, употреблять котлы, трубы и органный гудокъ въ костельной музыцѣ и въ день трехъ королей обкажати дома; рѣшеніемъ отъ 13 декабря 1784 г. не совѣтовалось богомоліе.

Вслѣдствіе запрещенія церковныхъ братствъ, нашлось львовское Ставропигійское братство въ опасности. Оно совершенно позабыло о своемъ давномъ православномъ характерѣ, усердно придерживалось униі, ввело въ дѣловодство польскій языкъ и просило въ 1780 г. конгрегацію de propaganda fide, подчинити себе непосредственно римскому престолу. Последнему намѣренію воспротивилось правительство, ибо, по тогдашнимъ австрійскимъ законамъ, даже епископамъ запрещено было непосредственно сноситься съ Римомъ. Теперь, послѣ изданія закона о братствахъ, должна была и Ставропигія прекратити свое существованіе. Братство Ставропигійское обрати-

лось прямо къ императору, чтобы спасти свое существованіе. Послѣ долгихъ просьбъ и ходатайствъ вышло слѣдующее распоряженіе придворной канцеляріи отъ 7 октября 1788 г.: „Названіе братства прекращается и вмѣсто того оно принимаетъ названіе „собраніе избранныхъ гр. кат. націи“ и титулъ „Отцовъ Ставропигіальной церкви и школы“. Особа, управляющая имѣніемъ собранія, должна избираться изъ осѣдлыхъ и зажиточныхъ мѣщанъ или другой знати. Отцы церкви имѣютъ наблюдать надъ школами подъ условіемъ, чтобы они ихъ на средства церкви и свои собственные содерживали и признавали надъ собою власть державной школьной власти. Школа должна устроиться примѣнительно къ державнымъ нормальнымъ школамъ, однако принимая въ соображеніе церковный старославянскій языкъ и обращая вниманіе при принятіи воспитанниковъ на сыновъ бѣдныхъ греческихъ священниковъ. „Рутенская нація“, собственно же „ея отцы“, пользуются правомъ поставленія приходника для церкви, подъ условіемъ, дабы, въ случаѣ недостатка фондовъ для его содержанія, сами изъ своихъ средствъ прибавляли недостающую суму*). Братская ставропигіальная больница при монастырѣ св. Онуфрія была закрыта и ея фонды отданы львовскому фонду бѣдныхъ. Съ

---

*) Петрушевичъ : Свод. дѣт. 1787 стр. 257.

тѣхъ поръ Ставропигіальное Братство, потерявши свои давнии преимущества, стало называться „Львовскій Ставропигіальный Институтъ“. Францъ II призналъ за нимъ право печатанія русскихъ книгъ въ 1793 г.

Нѣкоторые австрійскіи епископы, увлеченныи новымъ вѣяніемъ, предлагали правительству, для поднятія нравственности среди латинского духовенства устранить безбрачіе. Правительство не приняло того проекта, и вмѣсто того издало въ 1788 г. роспоряженіе, запрещающее латинскимъ духовнымъ лицамъ держати женскую прислугу и сродницы, не переступившіи 40 лѣтъ жизни.

Въ 1781 г. изданъ былъ патентъ вѣротерпимости для протестантовъ и православныхъ, который открылъ имъ доступъ во все державныи уряды — съ изытіемъ вѣроисповѣдныхъ и школьныхъ. Роспоряженіемъ львовской губерніи отъ 19 іюня 1792 г. запрещено было православныхъ называти „схизматиками“. То касалось русскихъ и румынъ въ Буковинѣ. Въ томъ краѣ изъ имѣній закрытыхъ монастырей и церквей былъ также образованъ отдѣльный греко-православный религіиный фондъ, составлявшій въ 1825 г. 2¹/₂ миліона гульденовъ. Щобы пріобрѣсти симпатію православныхъ буковинцевъ, Іосифъ II приказалъ въ 1783 г. возвратити имъ мощи св. Іоанна Сочавского, вывезенныи оттуду Іо-

анномъ Собѣскимъ. Они находились тогда въ униатской церкви въ Жолквѣ и сюда ходили на поклоненіе буковинцы. Чтобы не возмущати мѣстного народа, устроено вывезеніе мощей ночью 28 августа. Въмѣсто тѣхъ мощей Іосифъ II подарилъ жителямъ Жолквы мощи св. Пареевнѣ изъ монастыря кларисокъ въ Вѣднѣ *). Тѣмъ достигнуло австрійское правительство двойкой цѣли: оно задобрило православныхъ буковинцевъ и устранило памятникъ, напоминавшій червеноруссамъ, що они когда-то были православны.

Чтобы ослабити зависимость духовенства отъ помѣщиковъ, правительство (рѣшеніемъ отъ 9 февраля 1784 г.) приказало, чтобы патронъ выбиралъ приходника лишь изъ среды трехъ, представленныхъ ему епископскою консисторіею кандидатовъ. Но самое большое вниманіе обращали Марія Тересія и Іосифъ II на воспитаніе кандидатовъ духовного званія. Ихъ должна была воспитывати держава. Для того постановлено въ 1783 г. устроить при всѣхъ университетахъ, подъ надзоромъ и руководствомъ правительства „генеральны семинаріи“ и приказано, чтобы безъ окончанія семинаріи никто не былъ рукополагаемъ въ іерен. То касалось и бѣлого, и чорного духовенства. Въ 1784 г. было въ такихъ се-

---

*) Sadok Barącz: Pamiątki miasta Żółkwi
Lwów 1862.

минаріяхъ 763, въ 1789 г. 1082 воспитанниковъ. По желанію правительства, кандидаты духовнаго званія не должны были жити въ монашеской обособленности, а развлекатись веселыми бесѣдами за обѣдомъ и въ собраніяхъ и привыкати къ обходительности. Направленіе наукъ было того рода, що воспитанникъ долженъ былъ проникнутись убѣжденіемъ, що онъ служителъ державы, а яко такій долженъ укрѣпляти государственную власть среди народа.

Такъ якъ при Маріи Тересіи и Иосифъ II австрійская дипломатія занималась восточнымъ вопросомъ, то и въроисповѣдныи дѣла русскихъ, румынъ и сербовъ удостоивались особеннаго вниманія правительства. Въ 1774 г. учредила Марія Тересія при церкви св. Варвары въ Вѣднѣ „императорскую генеральную гр. катол. семинарію“ для епархій: мункачевской (10 воспитанниковъ кромѣ монаховъ - послушниковъ), велико-варадинской (румынской, 6 восп.), крижевацкой (хорватско-сербской, 6 воспит.), словако-русского благочинія на Спизжѣ (нынѣ прашевской епархій), подвѣдомственнаго тогда латинскому спижскому епископу (восп. 2), Семиграда и епархій Фогарашской (восп. 9), епархій львовской (6 восп.) перемышльской (6 восп.) и галицкихъ монаховъ чина св. Вас. (восп. 2)*).

---

*) Regii seminarii graeco-catholici Viennae ad sanctam Barbaram recens fundati leges atque

Цѣлью заведенія было: воспитати духовныхъ лицъ, преданныхъ униі и способныхъ дѣйствовать въ пользу соединенія съ римскою церковью православныхъ, прежде всего въ Угорщинѣ. Воспитанники должны были усвоити себѣ греческій и нѣмецкій языки. Преподаваніе церковной исторіи отбывалось въ такомъ направленіи, що воспитанникамъ представляли, будто церковь восточная лишь съ перерывами была въ соединеніи съ западною и многіи православныи іерархи въ Греціи и на Руси признавали верховную власть папы. На учителей пригласило правительство угро-россовъ, на пр. Самуила Вулкана, Бачинского. Угрососы Іоаннъ Земанчикъ и Петръ Лодій были также преподавателями философіи на русскомъ языкѣ въ львовскомъ университетѣ.

Между первыми воспитанниками, принятыми въ вѣденскую семинарію, названную „Барбареумъ“ (въ 1775 г.) были: Антоій Ангеловичъ, бывшій впоследствии митрополитомъ, Василій Гусакоскій († 1788), другъ народного просвѣщенія, Іосифъ Лапчинскій, преподававшій послѣ пастырское богословіе въ семинаріи перемышльской, закрытой въ 1784 г. Марія Тересія пригласила во-

---

institutiones. Viennae (безъ означенія года), Петрушевичъ: Свод. лѣт. 1774 стр. 55. — П. Полянскій: Церковь и приходъ св. Варвары въ Вѣднѣ. Львовъ 1891.

опитанниковъ въ Шенбрунъ, угощала ихъ и благосклонно и съ ними разговоривала. Когда они окончили четырехлѣтній курсъ (въ 1780 г.), опять были допущены къ аудіенціи у императрицы. Между тѣмъ правительство затребовало, чтобы уніатскіи епископы изъ собственныхъ средствъ покрывали расходы на содержаніе заведенія. Епископы отговоривались недостаткомъ средствъ и семинарія была въ 1784 г. закрыта. Остался лишь гр. кат. приходъ св. Варвары, котораго первымъ настоятелемъ былъ монахъ чина св. Вас. вел. Іеронимъ Стрѣлецкій, подвѣдомственный вѣденскому лат. архіепископу. Когда во Львовѣ въ 1808 учреждена была гр. кат. митрополія, церковь св. Варвары стала непосредственно ей подчинена. Сей приходъ опредѣленъ былъ первоначально не только для уніатовъ, но также и для галицко-польскихъ католиковъ, пребывавшихъ въ Вѣднѣ въ характерѣ военныхъ и чиновниковъ. Они принимали въ сей церкви тайну покаянія и для нихъ держались проповѣди по-польски. Когда въ 1801 году поставленъ былъ въ Вѣднѣ польскій проповѣдникъ, церковь св. Варвары приняла исключительно грек. кат. характеръ. Осію церковь возникъ споръ съ уніатскими румынами, домогавшимися посредствомъ крижевацкаго епископа Басташича, чтобы богослуженіе совершалось въ ней по восточному обряду безъ отмиръ, введенныхъ замойскіимъ соборомъ, безъ

всякихъ сокращеній и колынопрекло-
неній.

Между-тѣмъ по истеченіи нѣкото-
рого времени правительство считало не-
обходимымъ, на свои собственные сред-
ства, безъ содѣйствія униатскихъ еписко-
повъ, возобновити Барбареумъ. Семина-
рія вѣденская была вторично открыта
въ 1803 г. Яко воспитанники были въ
такую приняты изъ Галичины между
иными: Свѣгурскій, Скородынскій и Бар-
винскій. Впослѣдствіи воспитывались
тамъ всѣ виднѣйшіе духовные лица,
отыгравшіе роль въ народной и церков-
ной жизни галицкой Руси въ періодъ до
1848 г. Определеніемъ заведенія, якъ
мы выше сказали, было: укрѣпити ка-
толическое сознаніе въ воспитанникахъ,
щобы посредствомъ нихъ перевести въ
унію православныхъ жителей австрій-
ской имперіи.

Съ 1816 г. стали въ заведеніе при-
нимати также православныхъ. Прежде
чѣмъ Барбареумъ доставило опытныхъ
мисіонеровъ, постановило правительство
употребити униатскихъ священниковъ для
роспространенія уніи среди православ-
ныхъ. Повидимому, самое большое зна-
ченіе приписывалось введенію уніи въ
Далматію, ибо туда посланы были въ
1805 г. Юліанъ Шюонрингъ, крылоша-
нинъ и ген. викарій перемышльской е-
пархіи, Николай Михайловичъ изъ холи-
ской епархіи и монахъ Лаврентій Бере-
зинскій. Ихъ мисія была безуспѣшна. Въ

1819 г. были посланы въ Далматію: Алексій Ступницкій, перемышльскій крыл., Савва Гарасевичъ духовникъ львовской семинаріи и Іоаннъ Честинскій настоятель львовской семинаріи. Ихъ мисія кончилась печальнымъ образомъ, ибо первый былъ 10 іюня 1821 г. убитъ въ Шибеникѣ, а два другіи вернулись не добившись ничего. Съ того времени правительство уже не старалось навращати мисіями православныхъ и ограничалось на привываніи въ воспитанникахъ Барбереума и другихъ униатскихъ семинарій католическаго духа и австрійскаго патрі тизма. Одна и другая цѣль была достигнута. Униатское духовенство было неподдѣльно католическимъ и преданнымъ державѣ. Спеціально въ отношеніи къ Галичинѣ Барбереумъ произвело на русскихъ двойное вліяніе. Во первыхъ: галичкіи воспитанники, соприкоснувшись съ румынами и венгерскими русскими, у которыхъ восточный обрядъ сохранился въ первоначальной чистотѣ, больше привязались къ нему и начали среди своихъ земляковъ возбуждати мысль очищенія своего обряда отъ латинской примѣси; во вторыхъ: общеніе съ славянскими учеными и славянскою молодежью въ Вѣднѣ пробудило въ русскихъ галичанакъ славянское сознаніе, наводившее ихъ мысли и стремленія на русско-національную почву. Воспитанники Барбереума были противниками полонизма, усвоивши же себѣ на вѣденскомъ

университетѣ основнѣйшіи свѣдѣнія по
всѣмъ отраслямъ наукъ, отличались они
обширнѣйшимъ кругозоромъ и могли у-
спѣшно боронити свой народъ отъ гибели.

Іосифъ II приказалъ учредить для
католическаго духовенства при университетахъ
державныя семинаріи подъ названіемъ
генеральныхъ, существовавшіе же епископскіи
семинаріи закрыты. Въ Галичинѣ существовали тогда двѣ епископскіи
семинаріи для униатовъ: во Львовѣ
и Перемышлѣ, преобразованныя изъ
прежнихъ простыхъ заведеній. На по-
мѣщеніе львовской семинаріи, получив-
шей названіе лицея, подарилъ Іосифъ
II въ 1782 г. монастырь доминикановъ.
Въ томъ лицей преподавали по русскіи:
Иванъ Дорожинскій пастырское богосло-
віе, Иванъ Грабовецкій логику и мета-
физику, Теодоръ Захарьясевичъ и Кон-
стантинъ Липницкій *). Когда 16 ноября
1784 г. открытъ былъ во Львовѣ универ-
ситетъ, закрыта была (въ силу императ.
распоряженія) епископская семинарія
въ Перемышлѣ, львовская же перемѣне-
на была въ генеральную семинарію
для греко-католиковъ Галичины, Угор-
щины, Семиграда и Хорватіи. "Теперь
предстоялъ вопросъ: на якомъ языкѣ
должны преподаваться богословскіи пред-
меты воспитанникамъ той семинаріи, на
нѣмецкомъ-ли и латинскомъ, якъ въ Бар-

*) Наукowy Сборникъ, Львовъ 1865 II
стр. 76.

барешъ? Епископъ Петръ Бѣлянскій внесъ просьбу къ императору, чтобы преподавательнымъ языкомъ для греко-католиковъ былъ языкъ русскій. Императоръ лишь отъ части удовлетворилъ той просьбѣ, распорядивъ (24 іюля 1786 г.), чтобы по русски преподавались пастырское богословіе, нравоученіе и догматика и чтобы воспитанники на томъ же языкѣ составляли свои катихическія упражненія, которые вмѣли предлагаться правительству. На вторичную просьбу епископа Бѣлянского правительство рѣшеніемъ отъ 9 марта 1787 соизволило, чтобы всѣ предметы на богословскомъ и философскомъ факультетахъ для русскихъ студентовъ преподавались по русскій. День 1 ноября 1787 г. стался такимъ образомъ народнымъ праздникомъ для русскихъ, ибо съ него начались русскія лекціи на львовскомъ университетѣ. Первыми преподавателями были: Антоній Ангеловичъ, воспитанникъ вѣденской семинаріи для догматическаго богословія, Николай Скородыньскій, воспитанникъ вѣденской семинаріи, для догматики и цензуры русскихъ книгъ (*russischer Bücher*), Андрей Павловичъ для нравоученія, Михаилъ Гарасевичъ для церковной исторіи, для греческаго и восточныхъ языковъ, еврейской археологіи и экзегетики, Модестъ Шанковскій для нравоученія, Іоаннъ Потоцкій, армянинъ, для пастырскаго богословія и катихитики, Іоаннъ Земанчикъ и Петръ Людій (угро-

россы) первый для математики и физики, второй для философии. Настоятелем семинарии был угро-росець Михаэль Щавицкій.

Введеніе русскаго языка въ университетъ укололо нѣмецкихъ професоровъ, и они не хотѣли признати русскихъ преподавателей членами университета, называя русскіи лекціи *Winkelschulen*. Въ 1787 г. должны были русскіи лекціи читаться не въ стѣнахъ университета, а въ русской семинарии. Хотя по настоящію губернскаго правленія съ 1788 г. русскіи лекціи читались въ самомъ же университетѣ, но академическій сенатъ не призналъ русскимъ професорамъ мѣста въ засѣданіяхъ факультетовъ, подчиняя ихъ просто непосредственному управленію ректора и декановъ. Однако такъ какъ ректоръ и деканы — обыкновенно нѣмцы — не владѣли русскимъ языкомъ, то изъ среды русскихъ преподавателей назначались заступники ректора и декановъ для испытывъ и надзора надъ русскими лекціями. Русскіи лекціи могли такъ долго существовати на университетѣ, какъ долго правительство оказывало имъ благосклонность. Когда въ 1794—1796 гг. униаты Подолія, Волыни и Украины перешли изъ униіи въ православіе, австрійское правительство, опасаясь, чтобы православное движеніе не охватило также русскихъ галичанъ, рѣшилось отнять свою поддержку русской національности. Оно стало постепенно устраняти русскіи

лекціи. Лодій принужденъ былъ въ 1803 г. переселитись въ Петроградъ, гдѣ сталъ профессоромъ университета. Въ 1808 г. русскія преподаванія на львовскомъ университетѣ совершенно прекратились. Знаменемъ недовѣрія австрійскаго правительства къ русскимъ было перенесеніе университета изъ Львова въ Краковъ въ 1806 г. Во Львовѣ остался лишь лицей *). Въ 1790 г. львовскій университетъ представлялся въ такомъ видѣ:

Факультеты	Всѣхъ Русскихъ препод.		Всѣхъ Русск. слуш.	
	препод.	преп.	слуш.	слуш.
богословскій	11	5	375	192
юридическій	4	—	78	—
медицинскій	6	—	135	—
философскій	11	2	1004	84

Въ пору существованія русскихъ кафедръ на университетѣ, слушатели ихъ были принуждены много выносить отъ своихъ товарищей поляковъ и нѣмцевъ, прозывавшихъ ихъ „аллилуйками“, „псалтырниками“ и прч... Священниками, посѣщавшими на университетѣ русскія преподаванія, пренебрегали и имъ давали меньшее жалованье. Для того неудивительно, що вконцѣ и сами русскіи студенты стались для своего языка равнодушными.

По смерти Іосифа II въ 1790 г. его преемникъ Леопольдъ II сталъ благосклоннѣйше относиться къ католической

---

*) J. Lewicki: *Ruch Rusinów w Galicyi*, стр. 18.

церкви, и тогда стали католическіи епископы домогатись закрытія державныхъ генеральныхъ семинарій. Вслѣдствіе импер. рѣшенія отъ 20 мая 1790 г. были возобновлены прежніи епископскіи семинаріи и богословскіи науки въ монастыряхъ, генеральныи же семинаріи были закрыты. Тогда отправили галицко-русскіи епископы депутацію къ Леопольду II съ просьбою, чтобы генеральная львовская семинарія, смотря на ея благотворное вліяніе на воспитаніе духовенства, и дальше существовала, чтобы греческій обрядъ пользовался равными правами съ латинскимъ и щ. бы учреждена была галицкая митрополія. Императоръ позволялъ на дальшее существованіе семинаріи, подтвердилъ равноправность обонхъ обрядовъ, но учрежденіе митрополіи отложилъ до позднѣйшого времени.

Такъ воспитывалось молодое уніатско-русское духовенство въ іосифинскомъ дуѣ въ двохъ семинаріяхъ, въ дѣвьской и львовской. Его утверждали въ привязанности къ уніи и не допускали, чтобы въ немъ развилось національно-русское сознаніе. Такимъ образомъ изъ смѣси уніатско-польскихъ возрѣній и воздѣйствій австрійской политики образовался именно въ 1800 до 1848 годахъ типъ „рутенского“ священника. Такой священникъ былъ привязанъ къ уніи и душею-тѣломъ преданъ правительству. Приспикнувшись вліяніемъ австрійской политики, онъ сознавалъ свою принадлеж-

ность къ какой-то „рутенской націи“, но суть той національности онъ усматривалъ въ греко-уніатскомъ обрядѣ. Онъ говорилъ по польски, но былъ чуждъ польскимъ національнымъ стремленіямъ и въ каждую минуту правительство могло подвинуть его противъ поляковъ. Его въ семинаріяхъ не воспитывали по монашески, а для жизни. Вслѣдствіе того онъ полюбилъ веселую жизнь, сталъ охотникомъ до остротъ, пиршествъ и увеселеній и былъ любимымъ сотоварищемъ польскаго помѣщика и нѣмецкаго чиновника, которыхъ умѣлъ своимъ остроуміемъ забавляти. Прежній „повъ“, оравшій поле, и его сунруга съ хулкою на головѣ, работавшая въ огородѣ, сошли въ могилу. Ихъ потомокъ, воспитанный въ державныхъ школахъ, въ реверендѣ или въ модномъ сурдуть, уже лишь надсматривалъ за своимъ хозяйствомъ, въ праздничныя же дни веселился въ обществѣ друзей духовнаго и мірскаго званія. Въ Жолковскомъ вошло у священниковъ въ обычай устраивати во время масланицы польскія кулики, т. е. увеселительныя поѣзды на саняхъ къ сосѣду въ гости. Жены священниковъ стали одѣваться „по европейски“ и тщательно спрашивали въ сосѣднихъ мѣстечкахъ, какое платье въ модѣ, опасаясь быти осмѣянными женами нѣмецко-чиновниковъ или помѣщиковъ. Они научились кулинарному искусству, щобы, по желанію мужа, умѣти принимать гостей, и у нихъ нагрома-

дѣлась пѣлая библіотена предвсаній на испорченномъ польскомъ языкѣ, якъ приготовляти кушанья, печи торты и прч. Если же жена священника хотѣла блестѣти высшими великосвѣтскими манерами, то брала въ руки гитару и пѣла польскіи любовныи пѣсни, отписанныи у жены мѣстнаго эконома, или сѣдала къ столу для игры въ карты. Въ семьяхъ священниковъ розвилась и окрѣпла одна наклонность, присущая всему русскому племени, называемая психологами квіетизмомъ, т. е. наклонность къ бездѣйствію, спокойной, безпечальной жизни. Рутень такій избѣгалъ всякихъ споровъ, всякаго напряженія духа и тѣла; его восклицаніемъ стало: Миръ со всѣми.

Такъ проживало галицко-русское духовенство до 1848 г. Оно не обращало ніякого вниманія на то, що приходская церковь валилась, церковная утварь испортилась и прихожане стали прилѣжно посѣщати еосѣдній костель или даже переходити въ латинство.

Не смотря на то, що нѣкоторые воспитанники вѣденскаго Барбареума стали носитись съ мыслью приведенія уніатско-славянскаго церковнаго обряда до первоначальной чистоты, входило въ него все больше латинскихъ церемоній. Въ городскихъ церквахъ совершалось Богослуженіе при органахъ, трубахъ и барабанахъ, въ селахъ же дьяки, не зная Ирмологіона, пѣли, каждый на свой ладъ. Монстранціи и супликаціи, являю-

шіися въ польскіи времена въ Галичинѣ лишь тамъ и сямъ, стали теперь повсемѣстными *). Русскіи священники посѣщали латинскіи отпусты, помогали ксендзамъ исповѣдати латинянь и униатовъ и розрѣшали послѣднихъ латинскою формулою. При причащеніи исповѣдниковъ греческого обряда добавляли они къ молитвѣ Златоустого (Вѣрую Господи и исповѣдую) слѣдующіи слова изъ латинского мануэля: „Пане, не естемъ годенъ ни достоинъ, абысь вошолъ до прибытку сердца моего, але рекни слово, а будетъ забавлена душа моя“.

Въ пору занятія Галичины Австрією епископы (по крайней мѣрѣ къ сельскому духовенству) отзывались по русски; теперь официальнымъ языкомъ русско-униатскихъ консисторій возлѣ латинского сталъ исключительно польскій языкъ.

Въ венгерской Руси народное русское сознаніе стояло крѣпче. Покровительствуя русскимъ униатамъ, державшимъ всегда сторону правительства, Марія Тересія признала (въ 1773 г.) независимость мункачевской епархіи, считавшейся лишь викаріатомъ ягерского лат. архіепископства. Такъ якъ колонизація не могла охватити венгерской Руси, то въ домахъ угро русскихъ униатскихъ священниковъ и въ немногихъ дворахъ у-

---

*) Ю. Желеховскій: „Іоаннь Снѣгурскій, его жизнь и дѣятельность въ Галицкой Руси.“

погреблялся дальше русскій языкъ. Угро-россы обучались въ львовской духовной семинаріи; здѣсь въ 1823 г. кончилъ философскій курсъ историографъ Юрій Гуца, извѣстный подъ названіемъ Ю. Венелина. Велѣдствіе больше развитого національного сознанія, угро-россы стали раньше заниматься своею исторіею и роднымъ словомъ. Въ началѣ правленія Маріи Тересіи среди угорско-русского духовенства только три священники умѣли писать по латыни. *) Въ богословской школѣ въ Мункачевѣ, основанной около 1750 г., учили по славяно-русски, и когда она въ 1778 г. была въ характерѣ духовной семинаріи переведена въ Ужгородъ**), все-таки русскій языкъ остался въ ней преподавательнымъ. Но ровно якъ въ Галичинѣ, такъ и здѣсь по смерти Іосифа II послѣдовала реакція, неприклонная русской народности. Противъ преподавательного русского языка въ ужгородской семинаріи разразились происки и около 1809 г. въ семинаріи той введенъ былъ исключительно языкъ латинскій. Напрасно взывалъ еп. Бачинскій духовенство, защищать родное слово. Въ 1806 г. въ одномъ пастырскомъ посланіи указывалъ онъ на судьбу, постигшую моравскій и чешскій народъ „иже отъ св. от-

---

*) Феерчакъ: Очеркъ литер. движенія угорскихъ русскихъ. Одесса 1888.

**) Петрушевичъ: Сводная лѣтопись 1772—1800 стр. 119.

цовъ Кирилла и Меѳодія приѣмше свѣтъ восточнаго благочестія, въ началѣ быша славяно-русского языка, пѣсьма и набоженства, послѣ же, со залишеніемъ его, всячески перемѣнился (обгерманизовался). Но что на тѣхъ народахъ зриши, внемли и бодрствуй угро-россійская діецезіе, да не и тебѣ тое случится съ залишеніемъ отеческаго и матернаго языка. Уже теперь не только въ потуплєніе, но паче въ самое умалєніе день отъ дня приходятъ руцизна и наше русское набоженство“. Угро рускій народъ, лишенный дворянства и мѣщанства, и состоявшій единственно изъ крестьянъ и сельскихъ священниковъ, не былъ въ состояніи опиратись государственной политикѣ, придавлявшей національное движеніе у славянъ. Тою политикою объясняется переселеніе образованныхъ угро-россеовъ въ Россію, происшедшее въ началѣ 19-го вѣка. Въ числѣ пересѣлившихся были: Лодій, сотрудникъ гр. Сперанскаго Балудьяскій и Юрій Венелинъ. Русскіи въ Угорщинѣ были тогда больше численны, нежели сегодня. По статистическимъ даннымъ отъ 1781 г. *) было въ упомянутомъ году въ Угорщинѣ 8.242 селенія, изъ нихъ 742 русскихъ, 671 волошскихъ, 663 нѣмецкихъ, 396 хорватскихъ, 152 сербскихъ, 28 польскихъ, прочіи мадыарскіи. Такъ какъ всего населенія

---

*) По рукописи въ библ. музея въ Неаполѣ. „Другъ“ Львовъ 1877 стр. 14.

въ Угорщинѣ полагалось тогда на 6,300.000, то на долю русскихъ можно числѣти около половины миліона.

Когда Австрія заняла Буковину, нѣкоторые изъ присланныхъ сюда чиновниковъ, ознакомившись съ мѣстными отношеніями, обращали вниманіе правительства на мѣстныхъ русскихъ, яко на элементъ больше пригодный для государственныхъ цѣлей*). „Русскіи въ Буковинѣ“ — говорится въ одномъ изъ официальныхъ докладовъ — не такъ хитры, якъ румыны; они трудолюбивы и хороши земледѣльцы!...“ Однако австрійское правительство руководилось въ отношеніи къ Буковинѣ иными соображеніями чѣмъ къ Галичинѣ. Въ Галичинѣ правительство признало существованіе русского народа и даже короткое время поддержало его, чтобы получить въ немъ противъ польскихъ стремленій. Въ Буковинѣ поляковъ не было и австрійское правительство предпочтительно выдвинуло тамъ на первое мѣсто румыновъ передъ русскими, соединенными съ Россією языкомъ и православною религіею. Въ Галиціи всѣ русскіи были униаты, а въ Буковинѣ — православныи. О перевѣсѣ русскихъ надъ румынами въ Буковинѣ свидѣтельствуеъ составленный на русскомъ языкѣ императорскій рескриптъ отъ 20 февраля 1784 г. о введеніи метриче-

---

*) Bidermann: Die Bukowina unter oesterr. Verwaltung 1879 стр. 75.

скихъ книгъ и число русскихъ воспитанниковъ въ основанной въ 1786 г. духовной православной семинаріи. Въ 1800 г. на 54 воспитанники приходилось въ ней двѣ трети русскихъ. Не смотря на то, Буковина получила нѣмецко-румынскую окраску и въ училищахъ велось преподаваніе на нѣмецкомъ и волошскомъ языкахъ. Правительство пригласило въ новопріобрѣтенную область инородческихъ поселенцевъ: нѣмцевъ, мадьяръ и евреевъ; въ 1781 г. оно принало въ Буковину старообрядцевъ (Филипововъ) отъ Чорного моря, опредѣляя для нихъ мѣстность Бѣлокрыницу (Fontina alba). Щобы освободити православныхъ Буковины отъ подчиненія ясскому митрополиту, было епископство радовецкое въ 1781 г. переведено въ Черновцы и рескриптомъ отъ 30 сентября 1783 г. подчинено въ догматическихъ и духовныхъ дѣлахъ карловицкому митрополиту.

Русское мѣщанство держалось лишь въ посадахъ и въ меньшихъ городахъ. Во Львовѣ оно майже исчезло. Съ первыхъ поръ австрійскаго владѣнія членами львовской Ставропигіи являются чиновники, а не мѣщане. Институтъ Ставропигійскій хотя открылъ школу, дозволенную ему правительствомъ и хотя носилъ шумный титулъ „отцовъ русской націи“, ничѣмъ не причинялся къ воздвигненію церковнаго обряда и просвѣщенія. Его типографія мало объявляла жизни, управители же института заняты

были улучшеніемъ своихъ матеріальныхъ отношеній на счетъ институтскихъ фондовъ. Помѣщиковъ, придерживавшихся уніатской церкви, было лишь нѣсколько. Такими были: Игнатій Сабатовскій изъ Унятичь, умершій въ 1848 г. (его сыны продали помѣстье евреямъ), Винкентій Дверницкій изъ Дунковичекъ *) и нѣсколько другихъ. Въ Угорщинѣ остались вѣрными своей народности: Добрянскіи, Бачинскіи и Духновичи.

III.

Второй и третій роздѣль Польши. — Судьба уніатской церкви.

Послѣ первого своего роздѣла, Польша подъ покровительствомъ Россіи стала улучшати внутреннее свое устройство и устраивати анархію. Учреждено было, въ родѣ министерства, верховное вѣдомство подъ названіемъ „Безпрерывная Рада“, состоявшее изъ сенаторовъ и шляхты и роздѣленное на пять департаментовъ; стало подниматись земледѣліе, возникали фабричныя заводы и оживлялась торговля.

Вторая половина 18-ого вѣка была періодомъ, въ которомъ европейскіи державы и народы старались преобразовати

---

*) Желеховскій: Іоаннъ Снѣгурскій, стр. 52.

державныи и соціалныи отношенія и все больше проникались убѣжденіемъ, що всякое добро и зло въ обществѣ зависятъ отъ воспитанія молодого поколѣнья. Также поляки стали свое паденіе приписывати плохому воспитанію молодежи. Въ 1773 г., на предложеніе Іоахима Хрептовича, установлена была „эдукаційная комисія“, яко верховная законодательная и исполнительная власть въ дѣлахъ просвѣщенія. На фонды закрытаго ордена іезуитовъ основывались средніи учебныи заведенія, преобразовывались университеты въ Вильнѣ и Краковѣ, заводились учительскіи семинаріи и даже народныи школы. Составлялись учебныи планы, руководства и школьныи книги съ примѣненіемъ всеѣхъ приѣмовъ, добытыхъ современною педагогикою. Возникли новыи проекты совершеннаго преобразования польскаго государства и общества, примѣнительно къ идеямъ 18-ого вѣка.

Самое успѣшное вліяніе произвело сочиненіе Станислава Сташица п. з. „Примѣчанія надъ жизнью Іоанна Замойскаго“, въ которомъ авторъ домогался наследственности престола, законодательной власти въ непрерывномъ соймѣ, исполнительной власти въ державныхъ комисіяхъ (министерствахъ), постоянной военной силы, экономическихъ улучшеній и освобожденія крестьянъ отъ крѣпачества. Ту програму задумалъ исполнити соймъ, собравшійся 2 октября 1788 г. въ Вар-

шавъ подѣ предводительствомъ Станислава Малаховскаго. Понеже на обыкновенномъ соймѣ обязывало *liberum veto* и вслѣдствіе того часто не могло ніякое рѣшеніе устояться, то соймѣ объявилъ себе конфедерацію, въ которой имѣло рѣшати большинство голосовъ.

Новая партія реформы сорвала съ Россією и преклонилась на сторону Пруссіи, надѣясь, при ея помощи, уладити вознамѣряемое преобразование. Прусскій министръ Герцбергъ и прусскіи посланники въ Варшавѣ Бухгольдъ и впоследствии Лукезини, прикладали старанія, чтобы подстрекнути поляковъ противъ Россіи и Австріи, находившихся съ собою въ дружбѣ и заключавшихъ въ 1787 г. союзъ противъ Турціи. Въ 1787 г. началась новая война Россіи съ Турцією, и въ февралѣ 1788 г. двинулись австрійскіи войска на поле битвы. Тѣмъ воспользовалась Пруссія, въ которой по смерти Фридриха II (1786) вступилъ на престолъ Фридрихъ Вильгельмъ II, чтобы старой своей соперницѣ, Австріи, сдѣлати затрудненія. Пруссія якъ противъ Россіи, такъ и противъ Австріи, выдвинула поляковъ.

Въ Галичинѣ польская шляхта была роздѣлена роздѣломъ доминикальной и рустикальной земель въ 1786 г., видя въ томъ нарушеніе правительствомъ своего права собственности. Теперь новое теченіе политики изъ Варшавы подстрекнуло галицко-польскую шляхту еще

больше противъ Вѣднѣ. Въ своей ненависти противъ Іосифа II имѣла польская шляхта союзниковъ въ венгерскихъ дворянахъ, негодовавшихъ также на вѣденское правительство за его реформы и пробы германизаціи. Когда въ 1786 г. Іосифъ II находился въ карпато-русскихъ странахъ, мадьярскіи дворяне пустили въ русскій народъ слухи, що будтобы императоръ, вслѣдствіе своего нѣмецкаго происхожденія, большій любитель жабъ и по той причинѣ депутаціи отъ сельскихъ громадъ должны приносить ему въ даръ зеленныя жабы. И дѣйствительно, между Среднимъ и Михайловцами (Надь-Михали) явился крестьяне съ жабами для императора... *). То событіе докажетъ, до якихъ предѣловъ возросла была злоба мадьярскихъ дворянъ.

Прусскій министръ Герцбергъ предлагалъ Польшѣ заключеніе оборонительно-наступательнаго союза. По его проекту имѣла Польша отступить Пруссіи Гданскъ и Торунь и въ замѣнъ за то получить Галичину посредствомъ дипломатическихъ договоровъ или войны. Въ 1789 г. губернаторъ Галичины, Бригадо донесъ, що край готовится къ мятежу. Въ началѣ 1790 г. стануль на границѣ Силезіи прусскій обсерваціонный корпусъ, а при Вислѣ 16.000 польскаго войска. Австрія принуждена была среди самыхъ

---

*) Bidermann: Die ungarischen Ruthenen, стр. 101.

неблагоприятныхъ условій готовится къ войнѣ съ Пруссією. Современнo цѣлан Угорщина была возмущена и лишь ожидала приказа изъ Берлина, чтобы поднять мятежъ; нидерландцы забунтовались, австрійскія же войска на юзѣ поносили отъ турокъ поражение за поражениемъ. Посланцы мадыарскихъ вельможъ явились въ Берлинъ, и уже стали вырывать кандидатуры на венгерскій престолъ (французскаго принца Кроа-Шавель, одного изъ прусскихъ принцовъ и князя Карла Августа ваймарскаго). Въ защитѣ австрійской династїи выступили тогда сербы и валахи. Тѣ бѣдствїя сломали Іосифа II, одного изъ благороднѣйшихъ владѣтелей, и онъ умеръ 20 февраля 1790 г., отмѣнивши предъ кончиною многіи свои росноряженїя, возмутившіи мадыаръ, нидерландцевъ и католиковъ.

Братъ Іосифа II и его наслѣдникъ Леопольдъ II не могъ продолжать политику, обнаружившую сами неудачи. Въ Рейхенбахѣ примирился онъ (25 іюля 1790 г.) съ Пруссією, оставилъ союзъ съ Россією, заключилъ миръ съ Турцією въ Свистовѣ и во внутренней политикѣ старался успокоить элементы, возмущенныя реформами Іосифа II. Отъ галицкой шляхты явилась въ Вѣднѣ депутація, состоявшая изъ Станислава Яблоновскаго, Николая Потоцкаго, Іосифа Максимилиана Оссолинскаго и Яна Бонковскаго, требовавшая для Галичины конституціи

*

съ соймомъ и соймками *). Дальше домогались поляки удаленія всѣхъ нѣмецкихъ чиновниковъ и замѣщенія ихъ туземцами-поляками. Задѣтыи тѣмъ нѣмцы-чиновники возразили, що и поляки не туземцы, такъ якъ коренное населеніе Галичины „русское“ (Russen, Reussen), и для того національнымъ языкомъ Галичины не есть польскій. Въ виду такихъ аргументовъ нѣмецкихъ чиновниковъ, прошеніе польской депутація было безуспѣшно **).

Россія старалась между-тѣмъ скорше окончити войну съ Турціею, чтобы заняться польскими дѣлами. Въ 1792 г. (9 января) заключенъ былъ въ Яссахъ миръ, въ силу котораго Россія приобрѣла Крымъ и очаковскую степь между Бугомъ и Днѣстромъ. Событія въ Польшѣ домогались напряженного вниманія со стороны Россіи. За согласіемъ съ Пруссіею безпрерывный польскій соймъ рѣшилъ 3 мая 1791 г. новую конституцію, въ силу которой Польша объявлялась державою съ наследственною династіею изъ семьи саксонскаго курфюршта Фридриха Августа съ конституційнымъ образомъ правленія. Водвореніе нѣмцевъ и династія въ Польшѣ и очевид-

---

*) St. Starzyński : Projekt galicyjskiej konstytucyi 1790/1 Lwów 1893 (Przewodnik naukowy i literacki 1892).

**) Петрушевичъ : Сводная лѣтоп. 1790 г. стр. 801.

ный замысел Пруссіи, отняти у поляковъ ихъ западныя земли, чтобы ихъ толкнути къ востоку противъ Россіи — наполнили Екаерину II опасеніемъ. И между поляками были лица, недовѣрчиво смотрѣвшія на польско-прусскую дружбу. Конституція 3 мая была рѣшена лишь въ присутствіи 157 пословъ, а 327 отсутствовало. Противники польско-прусскаго союза, не прельщенные заманчивостію мнимого превосходства новаго государственнаго устройства, предпочитали въ союзъ съ Россіею искать опоры для своего отечества. Въ маѣ 1792 г., за соглашеніемъ съ петербургскимъ дворомъ, завязали Щенскій, Потоцкій, Косаверъ, Браицкій и Северинъ Ржевускій конфедерацію въ Тарговицѣ въ цѣли уничтоженія конституціи 3 мая и сохраненія давнѣйшихъ шляхетскихъ вольностей. На видъ казалось, что дѣло идетъ о вольности шляхетской и новой конституціи, но на дѣлѣ тутъ разыгрывалось соперничество между Пруссіею и Россіею и рѣшался вопросъ: потонутъ ли Польша въ нѣмецкомъ морѣ? Одновременно вступили въ Польшу русскія войска, чтобы помочи тарговичанамъ. Видя то, Пруссія велѣла своимъ войскамъ заняты западныя воеводства, но находясь въ войнѣ съ Франціею, не могла придиратися къ Россіи, а предпочитала примириться съ нею цѣною Польши. Въ 1793 г. (23 января) заключенъ былъ договоръ касательно втораго роздѣла Польши, въ силу

которого Пруссія получила остатокъ польскихъ Прусь и Великопольшу, Россія же Бѣлую и южную Русь съ изъятіемъ западной Волыни. Польское войско не могло превышать числа 15.000 чел.

Польского войска было однако 45.000 чел. Когда оное стали сокращати, первая бригада Мадалинского сопротивилась и за нею пошли другіи отряды. Подъ предводительствомъ генераловъ Эаддея Костюшка и Юсефа Водзицкого объявлено было въ Краковѣ 24 марта 1794 г. возстаніе и Костюшко назначенъ былъ верховнымъ вождемъ. Костюшко хотѣлъ борьбу за независимость Польши сдѣлать общенароднымъ дѣломъ и пригласилъ къ таковой не только шляхту, но также мѣщанъ и крестьянъ. Онъ обратился также къ униатамъ, которыхъ положеніе послѣ первого роздѣла Польши было самое печальное. Въ 1786 г. сочиненъ былъ безыменнымъ авторомъ „Голосъ“ или проектъ на польскомъ языкѣ о томъ, чтобы униатовъ въ Польшѣ и Литвѣ совсѣмъ искоренити и обратити ихъ въ латинство. Проектъ сей розосланъ былъ во все воеводства и повѣты, на сеймики и на вскорѣ потомъ собравшійся соймъ. Называя всѣхъ униатскихъ епископовъ глупцами и невѣждами, предлагалъ онъ: 1) униатскихъ епископовъ подчинити лат. архіепископу; 2) униатскіи школы уничтожити; 3) помѣщикамъ предписать, чтобы церковныи имѣнія отнимали у униатовъ; 4) усилити духовныи католиче-

скіи мисіи*). Кромѣ сего голоса, шляхта русскихъ воеводствъ и повѣтовъ предложила сойму 1786 г. другій отзывъ, подобнаго же содержанія. „Съ переходомъ русскаго дворянства въ латинскій обрядъ — говорилось въ немъ — остался только простой народъ въ греческо-славянскомъ обрядѣ. Слѣдовательно, настало уже время совсѣмъ уничтожить сей обрядъ. Нѣтъ нужды опасаться, чтобы зависимыи отъ помѣщиковъ крестьяне возвратились къ православію. Если крестьяне въ восточныхъ воеводствахъ будутъ такого же обряда, какъ нѣтъ помѣщики, тогда возникнетъ столь вождедѣнное единство польскаго народа, нужда народа прекратится и край заселится, ибо не будетъ двойныхъ праздниковъ и увеличится время для хозяйственныхъ работъ.“ На то возразили униаты отдѣльнымъ писемомъ и въ защитѣ уни выступилъ митрополитъ Смогоржевскій. Но, по видимому, совѣты, находившіеся въ проектахъ на уничтоженіе уни, привылись у польскихъ помѣщиковъ, ибо въ 1788 г. помѣщикъ Вирова на Подлясѣхъ отнялъ у церкви земли, гналъ насильственно своихъ крестьянъ въ костелъ и если кто изъ нихъ исповѣдался и причащался въ своей церкви, велѣлъ его сѣчь розгами, примѣчая: „Вотъ тебѣ закуска по просфорѣ**). Когда Пруссія за-

*) Петрушевичъ: Сводная лѣтопись 1786 г. стр. 238.

***) Петрушевичъ я. в. стр. 277.

ключила дружбу съ одною частью поляковъ и подстрекнула ихъ противъ Россіи, состояніе униатовъ стало невъносимымъ, ибо польскіи фанатики усмотривали въ униатахъ „шпіоновъ и бунтовщиковъ“. Въ луцкой епархіи стали униатскихъ священниковъ сажати въ тюрьму и двоихъ даже повѣсили*).

Костюшко изъ обоа подъ Поланомъ отправилъ 7 мая 1794 г. письмо къ холмскому епископу Важинскому, чтобы онъ повліялъ на униатовъ, станути за-одно съ поляками въ защитѣ независимости Польши. „Ты умѣешь найти приступъ къ сердцамъ народа — писалъ Костюшко — говори къ нему, учи его любви отечества, заставъ его ненавидѣти тирановъ и посовѣтуй ему, для его собственного блага соединитись съ поляками и освободити нашу землю... Священники греч. обряда! Ваша судьба подъ нашимъ владѣніемъ была и есть несправедлива и васъ презырали. Но вольныи поляки поправятъ ту судьбу и тѣхъ, которые будутъ усердными для нашего дѣла, сдѣлаютъ счастливыми. Я васъ отъ имени народа въ томъ увѣряю... Важинскій отвѣтилъ польскому вождю, що презыраемое униатское духовенство будетъ молити Бога о побѣду для польского оружія**).

*) *Ө.* Бродовичъ : *Widok przemocy na słabą niewinność zrogo wywartej*, Львовъ 1861.—
Петрушевичъ я. в. стр. 287.

**), Петрушевичъ я. в. г. 1794 стр. 365.

По порученію Костюшка прибуль въ маѣ 1794 г. во Львовъ И. Држевецкій въ характерѣ полковника, чтобы въ Галичинѣ составили отрядъ, имѣвшій вторгнути на Волинь. Вскорѣ составился комитетъ для того дѣла. Члены комитета, галицкіи помѣщики, дали Држевецкому совѣтъ, не таяти своего назначенія предъ австрійскимъ правительствомъ, но все дѣлати за его согласіемъ. Главнокомандующій ген. Арнокуръ соизволилъ, чтобы польскій отрядъ составлялся и вооружался въ Галичинѣ, подъ условіемъ лишь, дабы не было нарушено спокойствіе провинціи. Когда однако поляки понесли поражение подъ Щекочиномъ 4 іюня, австрійское правительство отмѣнило свое поведеніе и велѣло полковника взяти подъ арестъ, изъ которого онъ, по совѣту губернатора Калемберга, тайно бѣжалъ *).

Поляки совѣтовали Држевецкому дѣлати все съ согласія австрійскаго правительства, ибо у нихъ былъ планъ, приобрѣсти благоросположеніе вѣднеського двора для дѣла возстанія **). Въ той цѣли явились въ Вѣднѣ Оссолинскій и Солтыкъ, предлагавшіи, выслати въ Галичину арха князя яко будущаго польскаго короля. Послѣ благополучной вой-

*) Pamiętniki J. Drzewieckiego, Wilno 1858, стр. 27.

***) Polityka Austrii podczas trzeciego rozbioru Polski, kwartal. hist. V. стр. 240—259.

ны съ Пруссією имѣла Австрія, въ замѣну за Галичину, получить Силезію. Хотя Арнокуръ во Львовѣ позволилъ организовать рядъ повстанцевъ, однако всѣ признаки указывали на намѣреніе вѣденскаго двора, принять участіе въ новомъ роздѣлѣ Польши. Уже 3 мая было рѣшено, приготовить занятіе Кракова, Люблинскаго и Сандомірскаго воеводствъ. Пока-що объявила Австрія себе нейтральною. Но когда пруссаки заняли 15 іюня Краковъ, изъ Вѣднѣ вышелъ приказъ къ стоящимъ на границѣ войскамъ, овладѣти Сандоміромъ и линією Буга. Между-тѣмъ Костюшко былъ побитъ подъ Мацѣвицами 10 октября и попалъ въ плѣнъ, Суворовъ же взялъ приступомъ Прагу и занялъ 8 ноября Варшаву. Возстаніе было подавлено.

Между тремя сосѣдними государствами въ ту пору велись переговоры о границахъ удѣловъ, имѣющихъ выпасти на долю каждаго изъ нихъ. Пруссія ніякъ не хотѣла согласиться на занятіе Австрією Кракова и Сандоміра, ибо, по ея мнѣнію, тѣ позиціи были для нея же нужны для обезпеченія Силезіи, Австрія же въ овладѣніи оныхъ мѣстностей Пруссією, видѣла опасность для Галичины. Россія не хотѣла западную Волынь отступить Австріи. Послѣ долгихъ переговоровъ былъ заключенъ окончательный трактатъ (24 октября 1795 г.), въ силу котораго Австрія пріобрѣла 834 □ миль съ однимъ миліономъ жи-

телей, именно большую половину воеводства краковского, воеводства сандомирское и люблинское, часть Мазовша и Подлясья. Холмская Русь вошла въ составъ Австріи.

Паденіе Польши повліяло на дальшую судьбу униі. Послѣ первого роздѣла Польши распался василіанскій орденъ, подѣленный на двѣ провинціи: литовскую и русско-польскую—на четыре провинціи: литовскую, бѣлорусскую, польскую и галицкую. Послѣдняя была подчинена мѣстнымъ епископамъ. Польскіи василіане воспользовались нѣкоторымъ наслѣдствомъ изгнанныхъ въ 1773 г. изъ Польши іезуитовъ и постарались замѣнить ихъ собою для Польши. Хотя поляки преслѣдовали бѣлое униатское духовенство и нѣкоторые изъ нихъ задумали даже уничтожить унию, василіане такъ понравились ополяченной волинской шляхтѣ, що она въ 1789 и 1790 гг. на сеймикахъ своихъ, луцкомъ и житомирскомъ, поручила своимъ посланцъ ходатайствовать за василіанъ, дабы сей орденъ могъ стати духовнымъ руководителемъ русскаго народа и смирить его строптивость *). Василіане вполнѣ оправдали надежды, возлагавшіяся на нихъ поляками и участвовали въ польскихъ возстаніяхъ противъ русскаго правительства, которому они только-що клялись на вѣрность подданства. Овручскій ва-

*) Батюшковъ : Волинь, стр. 215.

силянскій архимандритъ Охоцкій въ 1794 г. содѣйствовалъ возстанію Костюшка и за то былъ сосланъ въ Пелинскъ. Когда василіане являлись столь горячими поборниками католицизма, бѣлое уніатское духовенство и южно-русскій народъ обнаружали склонность возвратиться къ православію. Въ 1785 г., по настоянію Россіи, была учреждена въ Польшѣ православная епископія, яко викаріатство кievской митрополіи и православнымъ епископомъ былъ назначенъ Викторъ Садковскій съ мѣстопробываніемъ въ Слуцку. Когда преосвященный Викторъ въ 1788 г. предпринялъ визитацію своей паствы, обнаружилось среди уніатовъ сильное стремленіе къ возвращенію въ православіе. Такое движеніе русско-го населенія въ пользу православія возбуждало въ полякахъ опасеніе народнаго бунта. Рознеслись слухи, що хлопцы готовятся рѣзати поляковъ и що ихъ къ сему поджигаютъ русскіи офени или коробейники, разносившіи по юго-западной Россіи мелочныя товары и во время странствованій нерѣдко ночевавшіи у священниковъ. Въ различныхъ городахъ происходили казни и истязанія надъ православными и уніатскими духовными, надъ русскими хлопами и росейскими подданными. Самъ Садковскій былъ арестованъ и привезенъ въ Варшаву. Видя, що православіе въ Польшѣ не дастся искоренити, безирерывный соймъ составилъ въ 1791 г. комисію, выработавшую

для православныхъ въ Польшѣ новыи постановленія. По тому проекту, православная церковь въ Польшѣ должна имѣти архіепископа и трехъ епископовъ и быти зависимою отъ царградскаго патриарха*).

Въ присоединенныхъ къ Россіи областяхъ униаты громаднo возвращались въ православіе. Въ 1784 г. въ могилевской и полоцкой губерніяхъ присоединилось около 117.116 человекъ, послѣ третьяго раздѣла Польни около 200.000 человекъ. Въ значительно большихъ размѣрахъ принимали православіе жители Подоліи. Въ 1794 г., въ теченіи одного мѣсяца съ небольшимъ, присоединилось къ православію 333.093 человекъ съ 463 священниками, въ 1794—1796 гг. въ одной брацлавской губерніи около 1,295.471 душъ обоюго пола съ 1442 церквами **). Въ 1796 г. приняло православіе въ Изяславско-волинской губерніи 145.726 душъ ***). Современнo съ распространеніемъ православія шла организація православной церкви въ новоприсоединенныхъ странахъ. Въ 1793 г. была учреждена минская епархія и ея епископомъ назначенъ выпущенный изъ плѣна Викторъ Садковскій; въ 1795 г. возни-

---

*) Костомаровъ: Последніе годы Рѣчи посполитой польской, (Вѣстн. Европы. 1869 апрѣль стр. 670—694). Батюшковъ: Бѣлорусія, стр. 310.

***) Батюшковъ: Подолія, стр. 210, 212.

***) Батюшковъ: Волинь, стр. 244.

кла брацлавская епископія для Подолін съ житоіірскимъ викаріатомъ для Во-лыни, въ 1799 г. волинская епархія. Въ 1795 г. была закрыта уніатская митрополія и ея настоятель митр. Теодосій Ростоцкій получилъ пенсію. Онъ отказался послѣ третьяго роздѣла Польши принести присягу русскому правительству, которое все-таки отнеслось къ нему человѣколюбиво, назначивши ему пенсію. Прекратились также полоцкая уніатская архіепископія и епископства луцкое, пинское и владими́ро-берестейское.

Со смертію Екатерины II (6 ноября 1796 г.), былъ задержанъ ростъ православія и рускости въ юго-западномъ краѣ, ибо сынъ и преемникъ Екатерины II, Павелъ I, сейчасъ по вступленіи на престоль, сталъ освобождать изъ ссылки поляковъ и возвращати имъ отобранныи у нихъ имѣнія, возстановилъ въ новоприсоединенныхъ отъ Польши областяхъ литовско-польское законодательство и даже позволилъ созывати сеймики для выбора маршаловъ и другихъ чиновныхъ людей. Павелъ I старался вообще поддерживать папство и католичество, яко оплотъ противъ разливавшагося въ западной Европѣ свободомыслія и невѣрія. Но на унію смотрѣлъ онъ неблагосклонно и даже не терпѣлъ ея. Онъ часто говорилъ могилевскому католическому архіепископу Сестренцевичу о уніатахъ: „Я не люблю ихъ; они ни то,

ни се, ни рыба, ни мясо.“ Однажды въ 1799 г. онъ сказалъ ему еще яснѣйше: „Я не терплю униатовъ; вы хорошо понимаете мене.“ Онъ совершенно въ душѣ польскихъ епископовъ считалъ униатовъ якъ бы подчиненныхъ латинскому духовенству.

Указомъ отъ 26 февраля 1797 г. учредилъ онъ отдѣльный департаментъ юстицъ-колегіи, изъ свѣтскихъ лицъ, для римско-католического и униатского исповѣданій, но не позволилъ униатскимъ епархіямъ имѣти своихъ представителей или членовъ въ томъ департаментѣ. Дня 28 апрѣля 1797 г. учреждены были въ новоприсоединенныхъ отъ Польши областяхъ шесть латинскихъ епархій, а для униатовъ три епископы и три епархій, именно: архіепископство въ Полоцку и епископства въ Брестъ и Луцку. Дня 3 ноября 1798 г. обнародованъ былъ регламентъ для католического духовенства обоюго обряда и униатскіи монахи василіане якъ бы признаны были латинскимъ монашескимъ сословіемъ. Впослѣдствіи, когда бывший униатскій митр. Ростоцкій сдѣлалъ императору представленіе о назначеніи униатскихъ представителей въ римско-католическую коллегію, Павелъ I отвѣтилъ: „Униаты, такъ какъ они присоединены или къ намъ, или къ католикамъ, а не сами по себѣ, членовъ въ римско-католической коллегіи не могутъ имѣть.“

Такимъ образомъ униаты въ Россіи

не имѣли ни митрополита, ни самостоятельнаго управленія. Они считались подвластными римско-католическому духовенству до такой степени, що во всѣхъ распоряженіяхъ василіане смѣшивались съ римско-католическими монашескими орденами. Лат. митроп. Сестренцевичъ представлялъ непосредственно отъ себе папѣ кандидатовъ въ уніатскіе епископы, на що не имѣлъ ніякого права даже по латинскому духовному вѣдомству. Въ виду того, латинское духовенство, захвативши въ свои руки уніатское управленіе, обращало уніатовъ прямо въ католичество, римско-католическая же коллегія отдавала уніатскіи монастыри католическимъ монахамъ *). По вознамъ іезуитовъ, уступилъ архіеп. Сестренцевичъ въ ноябрѣ 1800 г. и на его мѣсто назначенъ былъ его викарій Бениславскій. При немъ было составлено и обнародовано (11 декабря 1800 г.) новое положеніе о управленіи дѣлами латинской церкви, на основаніи котораго василіане не только отказали во всякой подчиненности епархіальнымъ епископамъ, но даже получили отъ епископа Бениславскаго, хотя и на самое непродолжительное время, соизволеніе созвать генеральный съѣздъ и избрати генерала ордена **).

*) Толстой: Римскій католицизмъ въ Россіи, II 146—355. Кояловичъ: Исторія воссоединенія западно-русскихъ уніатовъ старыхъ временъ, стр. 393.

***) Толстой: я. в. стр. 375.

населеніе приняла латинскій обрядъ для „больше свободной жизни въ монастыря“ и совершала Богослуженіе по латинскому обряду *).

Для русскаго населенія, отошедшаго послѣ третьяго роздѣла Польши къ Пруссіи, учреждена была въ 1799 г. Супрасльская униатская епархія, въ которой числилось до 40.000 униатовъ. Но въ 1807 г., по тильзитскому миру, Бѣлостокская область была возвращена Россіи, а черезъ два года упразднилась и Супрасльская епархія **).

Самое важное послѣдствіе для Галичины имѣло закрытіе униатской митрополіи въ Россіи. Австрійскому правительству предетояло теперь или подчинити своихъ униатскихъ епископовъ латинскимъ архіепископамъ, или учредить у себе новую униатскую митрополію. Еще въ 1774 г. требовали венгры, чтобы у нихъ былъ униатскій митрополитъ въ Мункачевѣ для цѣлой Австріи, въ 1779 же году львовская губернія предлагала вѣденскому правительству, чтобы львовскаго епископа возвести въ санъ митрополита для Галичины, Угорщины и Семиграда и ставила кандидатомъ на то достоинство мункачевскаго епископа Ба-

*) Петрушевичъ: Сводная летопись, г. 1796 стр. 387.

***) Батюшковъ: Бѣлоруссія и Литва, стр. 312. Супрасльскій Благовѣщенскій монастырь арх. Модеста, Вѣдья 1868.

чинского. Правительство, хотя и одобрило тотъ проектъ, но отерочило его осуществленіе до „удобнѣйшаго“ времени *). Теперь, послѣ закрытія польской униатской митрополіи, галицкіи епископы, опасаясь попасть подъ власть латинской іерархіи, все таки признавали Ростоцкого своимъ настоятелемъ и сообщались съ нимъ до его кончины, послѣдовавшей 25 января 1805 г. Такъ Николай Скородынский, поступая въ 1798 г. на львовское епископство, получилъ отъ него утвержденіе **). Скородынский собралъ въ 1803 г. епархіальный синодъ, который рѣшилъ просити правительство и Римъ о восстановленіи галицкой митрополіи и то дѣло поручилъ канонику Гарасевичу. По смерти Ростоцкого вѣденьеское правительство сейчасъ приступило къ учрежденію митрополіи во Львовѣ и назначило первымъ митрополитомъ перемышльскаго епископа Антонія Ангеловича 11 іюля 1806 г. (Львовскій епископъ Скородынский умеръ въ 1805 г.). Львовскому митрополиту были подчинены лишь два епископы: перемышльскій и холмскій, мукачевскій же остался въ связи съ венгерскою католическою іерархіею. Новой митрополіи отступило правительство державное имѣніе Уневъ (прежнюю архимандрію), щобы увеличити ея доходы ***).

*) Nagasiewicz: *Annales Ecclesiae Ruthenae*, стр. 880.

***) Петрушевичъ: *Сводъ лѣт.* стр. 410.

***) Malinowski: *Kirchen- u. Staats-Satzungen*, стр. 480.

Велѣдствіе раздѣла Польши необходимо было на-ново распредѣлити юго-западныя униатскія епархіи. Послѣ 1772 г. часть холмской и луцкой епархій вошла въ составъ Австріи, съ другой же стороны власть львовскаго епископа простиралась на польскую Подолію. Щобы освободити своихъ униатовъ отъ власти иностранныхъ епископовъ, Австрія предприняла новое распредѣленіе епископствъ. Въ 1784 г. были отдѣлены отъ холмскаго епископства благочинія: замостьское, грабовецкое, щебрешинское, городельское, грубешовское и белзское и присоединены къ епископству перемышльскому. Холмскій епископъ Порфирій Важинскій пересталъ титуловатись белзскимъ епископомъ. Но такъ якъ въ 1809 г. одна белзская земля осталась за Австрією, прочія же благочинія отошли къ ново-учрежденному варшавскому княжеству, то лишь белзское благочиніе осталось за перемышльскимъ епископствомъ. Въ 1786 г. отошли къ львовскому епископству: отъ перемышльской епархіи благочинія городецкое, стрыйское и скольское, отъ луцкой епархіи благочинія: стремилецкое, щуровицкое, радиховское и бужское. Въ замѣнъ отлучено отъ львовской епархіи благочинія жолковское, куликовское и горожанское и присоединено къ перемышльской. Перемышльская епархія потеряла кромѣ того въ Спижѣ приходы Ярабина, Якобяны, Каменку, Литманову и Сулинь, которыя

*

были присоединены къ мукачевской епархіи. Когда указомъ отъ 6 октября 1795 г. Екатерина II приказала остающіеся по губерніямъ въ униі монастыри и церкви подчинити бѣлорусскому униатскому архіепископу, прекратилась власть львовскаго епископа надъ униатами Подоліи, но, не смотря на то, писался онъ и дальше епископомъ Каменца подольскаго.

IV.

Устройство политическаго, судебнаго, экономическаго и школьнаго управленій.

Присоединіе Галичины къ Австріи совпало во времена величайшихъ реформъ во внутреннемъ устройствѣ той державы. Образъ правленія и распределеніе вѣдомствъ, установившіеся тогда, продолжались, съ малыми измѣненіями, даже до новѣйшаго конституціоннаго времени.

Въ Австріи съ 17 вѣка въ гражданскомъ и судопроизводномъ отношеніяхъ различали три первоначальныя организмы, уложившіеся въ продолженіи вѣковъ: сельскую громаду, помѣстье (Grundherrschaft) и державный городъ (landesfürstliche Stadt). Сельская громада находилась подъ судомъ и управленіемъ помѣщика (мірскаго или духовнаго), власть котораго называлась доминіею.

Такимъ образомъ непосредственно отъ государства были зависимы лишь помѣщики и державные города, образовавшіи разомъ съ духовенствомъ крайшия чины (Landstände). Чины, подѣленные на разряды пралатовъ, магнатовъ, дворянъ и мѣщанъ, собирались періодически по провинціямъ въ соймы, позволявшіи на поборъ податковъ и предлагавшіи правительству жалобы и проекты о улучшеніи отношеній края. Они изъ своей среды выбирали вѣдомство (выдѣлъ), приводившее въ исполненіе рѣшенія сойма. Для исполненія правительственныхъ дѣйствій были государственныя присутствія, во главѣ которыхъ стояли придворныя канцеляріи. Съ 1763 г. для всѣхъ чешско-нѣмецкихъ краевъ была одна соединенная чешско-австрійская придворная канцелярія, вторая же существовала для венгерскихъ земель. Въ 1774 г. правительство учредило отдѣльную галицко-владимірскую придворную канцелярію, но вскорѣ потомъ (въ 1776 г.) соединило ю съ австрійско-чешскою.

Независимо отъ придворныхъ канцелярій управлялась военная граница, учрежденная для защиты отъ Турціи въ 1746—1767 гг. Іосифъ II поселилъ въ ней 40.000 запорожскихъ козаковъ, слившихся впоследствии съ мѣстнымъ сербскимъ населеніемъ.

Австрія раздѣлялась въ цѣли администраціи на поодинокіи краи (Erbländer) или провинціи, во главѣ которыхъ

були вишіи присутствении мѣста, звавшия обыкновенно губерніями. Провинція роздѣлялась на округи (Kreise), называемыи въ Угорщинѣ комитатами и дисетриетами. Лишь комитаты имѣли свою репрезентацію чиновъ, округами же управляли правительственными чиновники. Галичина, тотчасъ по присоединеніи къ Австріи, подѣлена была на шесть округовъ, подраздѣленныхъ на 59 повѣтовъ. Въ 1785 г. послѣдовалъ новый администраційный подѣлъ Галичины на 18 округовъ: мысленицкій, бохенскій, новосандецкій, дужельскій, тарновскій, рещовскій, лѣсскій, самборскій, перемышльскій, замостьскій, жолковскій, львовскій, бродскій, бережанскій, тернопольскій, залѣщицкій, станиславовскій и стрыйскій. Становище начальника округа (Kreis-hauptmann), названнаго въ Галичинѣ съ польска старостою, было самое важное, ибо онъ непосредственно сносился съ населеніемъ и подъ своею властью имѣлъ помѣщиковъ и города. Ему вмѣняло правительство въ обязанность, прежде всего приобрѣсти благоросположеніе крестьянъ и привыти у нихъ австрійскій патріотизмъ, именно привязанность къ императору. Защищая крестьянъ отъ своеволія помѣщиковъ, старосты вскорѣ приобрѣли себѣ самое большее вліяніе на польскихъ и русскихъ крестьянъ. Чиновникъ старства въ шапцѣ съ австрійскимъ орломъ сталъ симпатичною личностью на селѣ и его слово значило

больше, нежели помѣщика и всенда. Старосты до того укрѣпили сознание государственной принадлежности среди низшихъ слоевъ населенія, що еще въ новѣйшее конституційное время польскіи крестьяне въ западной Галичинѣ не хотѣли признавати себе поляками, но считали себе единственно „австріяками“. Шляхта вскорѣ должна была убѣдиться, що возстаніе противъ Австріи въ Галичинѣ было немислимымъ.

Подѣлъ на сельскую громаду, помѣщичье владѣніе (Grundherrschaft) и державный городъ ввело правительство также къ Галичинѣ, що могло тѣмъ легче статись, такъ якъ и въ Польшѣ было подобное же средневѣковое устройство. Польская шляхта не знала лишь подѣла на вельможъ и простыхъ дворянъ (Herren und Ritter) и западныхъ титуловъ графа и барона. Графовъ въ Польшѣ было лишь нѣсколько и тѣмъ титуломъ пренебрегали польскіи шляхтичи, стремившіися къ сохраненію демократическаго равенства среди своего сословія. Патентомъ отъ 3 іюля 1775 г. распорядило правительство, чтобы всѣ воеводы, каштеляны и городскіи старосты произведены были въ графовъ, за оплатою четвертой части обыкновенной въ государствѣ таксы, чиновники же изъ польскихъ временъ получили титулъ бароновъ. Получившіи прежде отъ нѣмецкаго императора титулъ графовъ и княжескіи фамиліи, были утверждены

въ томъ достоинствѣ. Всѣ прочіи, имѣвшіи шляхетскіи грамоты или трема вельможами шляхтою признанныи особы, сгомосившіися съ своимъ притязаніемъ въ опредѣленномъ срецѣ, получили бесплатно достоинство рыцарей (Ritter). Одновременно патентомъ отъ 18 іюня 1775 г. установленъ былъ, по образцу другихъ провинцій, галицкій соймъ, имѣвшій состояти изъ рыцарей и магнатовъ. къ послѣднимъ причислялись епископы и инфулаты трехъ католическихъ обрядовъ. Изъ рыцарей могли имѣти въ соймѣ репрезентацію лишь платившіи 300 зол. реньскихъ податка. Геродъ Львовъ выбиралъ двоихъ депутатовъ. Предназначеніемъ того сойма было опредѣляти, какимъ образомъ должны императорскіи распоряженія приводитись въ дѣйствіе и предлагати императору прошенія въ дѣлахъ, касающихся Галичины, за посредничествомъ губерніи. Для исполненія рѣшеній сойма долженъ былъ выбиратись выдѣлъ становой (вѣдомство) изъ шести членовъ, избранныхъ по половинѣ магнатами и рыцарями.

Не смотря на установленіе сойма, его долшее время не созывали, и только въ 1780 г. состоялся онъ, но лишь въ той цѣли, щобы избрати свой выдѣлъ. Потомъ его совершенно не созывали, пока Францъ I въ 1817 г. не возобновилъ его патентомъ отъ 18 апрѣля. Не имѣя соймовъ, шляхта выхлопотала другого рода съѣзды для совѣщаній, такъ зовимыи

контракты, дозволенные ей въ 1778 г. Сельскія громады выбирали себѣ своихъ старостъ (войтовъ) и присяжныхъ для управленія своими дѣлами и рѣшенія поменьшихъ споровъ, но оставлены были подъ властью помѣщика, который исполнялъ ю не самъ, а въ лицѣ избраннаго собою и утвержденного правительствомъ мандатара. Мандатаръ былъ поставленъ надъ нѣсколькими селами, такъ же нѣсколько помѣщиковъ неоднократно выбирало и содерживало его. Мандатаръ былъ отвѣтственный предъ старостою, который его въ каждую минуту могъ удалить отъ должности. Мандатаръ имѣлъ надъ крестьянами судъ въ меньшихъ дѣлахъ, смотрѣлъ за общественнымъ порядкомъ и побиралъ съ крестьянъ государственныя податки и рекрутъ. Города получили новое устройство съ устраненіемъ магдебургскаго права. Они задержали судопроизводство въ первой инстанціи, однако примѣнительно къ австрійской процедурѣ. Во главѣ ихъ стали ново организованныя магистраты съ чиновниками, утвержденными или прямо назначенными отъ правительства. То касалось однако лишь такъ зовимыхъ вольныхъ городовъ, т. е. не состоявшихъ частною собственностью. Чтобы получить оный родъ самоуправленія, старались помѣщичьи города выкупить себе, или другимъ путемъ освободить себе отъ владѣльческой зависимости. Въ городахъ евреи все больше стали при-

ходити въ значенію. Марія Тересія не терпѣла ихъ и хотѣла даже ограничити ихъ права. Но Іосифъ II руководился либеральными взглядами. Онъ хотѣлъ сдѣлать жидовъ гражданами. Въ гг. 1781—1789 надалъ онъ касательно ихъ нѣсколько патентовъ, устраняя прежніи гетта (еврейскіи участки, внѣ которыхъ нельзя было евреямъ обитати) и позволяя имъ покупать дома, распространяться въ городахъ, заниматься торговлею, ремеслами и земледѣліемъ. Онъ предписалъ имъ нѣмецкую одежду и велѣлъ имъ принять нѣмецкіи названія. Чиновники старость въскорѣ переименовали галицкихъ евреевъ въ Розенфельдовъ, Фуксовъ, Фрелиховъ и т. п. Переѣзжая въ 1786 г. черезъ Львовъ, приказалъ Іосифъ II евреямъ, заселявшимъ участокъ, зовимый Зарваница, деревянныя свои дома перенести на краковское предмѣстье, гдѣ вокругъ церкви св. Феодора жили русскіи, внутри же города строити единственно каменные дома. Евреи въ своемъ участку построили каменные дома, и кромѣ того распространились въ деревянныхъ домахъ въ участку, имѣвшемъ прежде русскій характеръ, вытѣсняя постепенно оттуду русскихъ. Сегодня краковскій участокъ чисто еврейскій.

Съ 1774 г. австрійскій судебникъ сталъ обязывать въ Галичинѣ. Вслѣдствіе того въ 1775 г. учреждена была во Львовѣ апелляціонная судебная палата и шляхетское судилище (*forum nobilium*).

Такое же судилище было учреждено въ 1786 г. въ Станиславовѣ, позднѣйше въ Тарновѣ, и послѣ третьяго роздѣла Польши въ Краковѣ и Люблинѣ. Для карныхъ дѣлъ возникли окружныя суды. При Иосифѣ II австрійское судопроизводство подверглось реформамъ. Въ 1782 г. задана была судебная процедура для Австрійи, въ 1786 г. обнародованъ былъ сводъ карныхъ, въ 1787 г. сводъ гражданскихъ законовъ.

Австрійское правительство ввело въ Галичинѣ также и прочія свои вѣдомства. Въ 1773 г. учреждена была во Львовѣ головная таможня съ своими отдѣленіями на границѣ, въ 1773 г. монетное присутствіе, въ 1786 г., штемпельное управленіе для золотыхъ и серебряныхъ надѣлій, почта съ дилижансомъ въ 1775 г., цензура для рукописей и заграничныхъ книгъ въ 1776 г., вексельный судъ въ 1776 г. Стемпли и табачная монополія введены были въ 1784 г. Съ 1788 г. отъ картъ и календарей оплачивалась стемплевая налѣжитость. Въ 1780 г. заведены были ипотечныя книги для помѣщичьихъ имѣній. Въ 1787 г. учреждено во Львовѣ управленіе державныхъ имѣній и соляныхъ баней.

Въ 1785 г. открыта была во Львовѣ головная дирекція для дорожныхъ и водныхъ построекъ. Точно тогда обнародовала Екатерина II манифестомъ отъ

22 января 1784 г., що Черное море стоить открытымъ для купеческихъ кораблей всего міра и що туда должны народы Европы направить свои коммерческія сношенія. Тотчасъ одинъ изъ гр. Дьдушицкихъ соорудилъ нѣсколько лодей, нагружавшихся на 46 дѣймовъ (цалей) и славилъ на нихъ до Акермана 1700 сотнарей пшеницы. Когда Австрія въ союзѣ съ Россією начала войну противъ Турціи и австрійская армія явилась при Днѣстрѣ, чтобы разомъ съ россиянами вторгнути въ Молдавію, велѣло правительство въ Колодрубяхъ соорудити три большія корабли и четыре малыя, погружавшіяся на 18—20 цалей, чтобы Днѣстромъ доставляти продовольствіе для арміи. Правительство поощряло частныхъ предпринимателей устроить на Днѣстрѣ правильную навигацію. Въ 1802 г. построилъ Гаспари, начальникъ дорожно-водной дирекціи, при Залѣщикахъ парусный корабель, 60 футовъ (стопъ) долгій, 11 широкій, съ галерною лавкою въ 3 фута и палубою въ 6 футовъ 6 цалей высокою. Въ 1803 г. бар. Дяка совершилъ плаваніе съ 400 сотнарами ладунка до Маяка. Въ 1804 г. плавалъ по Днѣстру однимъ кораблемъ Бауэръ. Съ тѣхъ поръ пробы, устроить на Днѣстрѣ постоянную навигацію, не повторялись, ибо для приведенія въ порядокъ сей рѣки нужно было специальное соглашеніе съ Россією. Днѣстръ не отыскалъ своего прежняго значенія яко путь сообщенія

изъ русскихъ временъ *). Възето того дорожно-водная дирекція принялась за постройку большихъ проѣзжихъ дорогъ. Были проложены три головныя линіи путей: 1) сѣверная линія черезъ Краковъ, Вѣличку, Тарновъ, Ряшевъ, Радымно, Яворовъ, Львовъ, Золочевъ, и оттуда одною вѣтвью въ Броды, другою черезъ Тернополь, Чортковъ, Черновцы, Суцаву въ Молдавію; 2) средняя изъ Тѣшина черезъ Бялу, Гдовъ, Ясло, Перемышль, Городокъ, Львовъ, Рогатинъ, Галичь, Толмачъ, Городенку, Снятинъ въ Гура-Гумору; 3) южная горная изъ Живца на Иордановъ, Новый Соичъ, Дуклю, Сямокъ, Самборъ, Стрый, Станиславовъ, Коломыю въ Долгополе (Жимполунгъ). Тѣ три головныя линіи соединилъ посредствомъ нѣсколькихъ доперечныхъ. Щобы облегчить торговые сношенія съ югомъ Россіи, объявленъ былъ городъ Броды въ 1779 г. свободнымъ торговельнымъ мѣстомъ **).

Для поднятія промышленности въ Галичинѣ правительство не сдѣлало майже ничего. Оно, повидимому, имѣло намѣреніе, въ промышленномъ отношеніи оставить Галичину въ зависимость отъ чешско-нѣмецкихъ провинцій. Госу-

---

*) Kutscher: Ważność Dniestru. Rozprawy o. k. gal. towarz. gosp., Lwów 1858 XXIII стр. 72—80.

***) Sadok Barańsz: Wolne miasto handlowe Brody, Lwów, 1865.

дарственная власть не старалась о распространении среди населения технических свѣдѣній и о развитіи его профессиональных способностей и даже прямо мѣшала возникновенію фабричной промышленности въ семь краѣ. Такъ на пр. приказало правительство, чтобы галицкое сукно посылати для стемплеванія въ Силезію и не согласилось на открытіе стемпельного уряда въ Галичинѣ. Всѣ мѣропріятія правительства въ экономической области обнаружали его намѣреніе, не допустить къ финансовому и промышленному подъему сей провинціи. Въмѣсто того пособствовало оно поселенію въ Галичинѣ нѣмецкихъ ремесленниковъ, купцовъ, трактирщиковъ, кофейщиковъ и т. п. Вслѣдствіе прилива нѣмецкихъ чиновниковъ и людей различныхъ профессій, города стали принимать нѣмецкій характеръ. Въ нихъ раздавался въ публичныхъ мѣстахъ и частныхъ домахъ нѣмецкій говоръ. Однако на стражѣ полонизма стояло католическое духовенство, не допускавшее въ городахъ нѣмецкій языкъ въ костелы. Тѣмъ способомъ нѣмцы-католики легко могли полонизоватись и лишь протестанты сохраняли свою нѣмецкую національность.

На поприщѣ народного воспитанія годы 1774 и 1815 составляютъ поворотныя точки въ исторіи австрійской народной школы. Марія Тересія пригласила опытного педагога Фельбигера, опата саганского, въ Вѣдень и его предписанія объ-

вила патентомъ отъ 4 декабря 1774 г. обязывающими для чешско-нѣмецкихъ провинцій и Галичины. Въ Австріи завели три рода народныхъ школъ: приходскіи по селамъ, тривіальныи по мѣстечкамъ и нормальныи по городамъ, послѣдніи съ четырехлѣтнимъ срокомъ обученія. Задачею приходскихъ и тривіальныхъ школъ было: учить читать, писати и ариѳметики и въ нихъ обученіе шло на родномъ языкѣ учениковъ. Задачею нормальныхъ четырехкласныхъ школъ было головно: обучити нѣмецкому языку и вслѣдствіе того они назывались нѣмецкими. Въ 1805 г. распорядило правительство, чтобы въ каждомъ окружномъ и вообще большомъ городѣ была нормальная школа. Въ 1828 г. было норм. школъ въ Галичинѣ и Буковинѣ 31, въ 1847 г. 48. Они приготовляли также учениковъ для гимназій и реальныхъ училищъ. Для приспособленія нужного для народныхъ училищъ состава, открыты были препарандіи (учительскіи семинаріи) во Львовѣ, Тернополѣ и Ярославлѣ. Въ ономъ же 1805 г. народныи школы подчинены были вѣдомству латинскихъ консисторій и русскіи епископы лишились права надзора надъ ними. Въ такомъ состояніи находились русскіи народныи училища до 1815 г., въ которомъ ихъ опять отдано подъ вѣдомство русскихъ консисторій.

Въ 1815 г. рѣшено народныи школы наново организовать. Вслѣдствіе того

въ львовской губерніи составлена была специальная комисія изъ нѣмцевъ-чиновниковъ, которая предложила вѣденскому правительству, въ приходскихъ и тривіальныхъ школахъ ввести польскій преподавательный языкъ. Въ своемъ докладѣ къ придворной канцеляріи отъ 13 декабря 1816 г. выразилась она слѣдующимъ образомъ: „Для просвѣщеннаго, либеральнаго и справедливаго правительства, якимъ есть австрійское, нѣтъ политическихъ причинъ, которыя имѣли бы недопускати обучаніе въ Галичинѣ польской грамотѣ. Правительство не можетъ партійнаго духа (т. е. розъединенія русскіхъ отъ поляковъ) ни желати, ни вознамѣряти; если же розважити соображенія политическаго рода, то окажется менше желательнымъ вмѣсто польскаго распространяти малорусскій (ruthenisch) языкъ, который есть лишь нарѣчіемъ (Abart) великорусскаго языка.“

На основаніи упомянутого доклада начали въ 1817 г. устроиватись школы. Тогда выступилъ въ защитѣ малорусскаго языка митрополитъ Михаилъ Левицкій. Въ 1817 г. предложилъ онъ вѣденскому правительству прошеніе, чтобы въ народныхъ школахъ восточной Галичины учили по русски. Губернія составила опять новую комисію изъ десяти губернскихъ совѣтниковъ, лат. архіеп. Анквича, лат. канон. Минасевича, митрополита Мих. Левицкаго и рус. канон. Могильниц-

кого! Комисія рѣшила:*) Употребленіе русскаго языка при преподаваніи закона Божія есть необходимымъ, равно же не воспрещается настоятелямъ приходовъ и ихъ помощникамъ учить молодежь русскою грамотою. Однако малорусское нарѣчіе (ruthenische Mundart) не можетъ состояти предметомъ публичнаго обученія, ибо оно не имѣетъ въ образованномъ обществѣ ніякого значенія. Для тѣхъ причинъ вводится въ народныя школы безъ различія, для поляковъ и русскихъ, польскій преподавательный языкъ и признается сей послѣдній яко единственно краевый (Landessprache), на которомъ императоръ въ своихъ роспоряженіяхъ говоритъ къ народу. Впрочемъ не воспрещается громадамъ учреждати также русскія школы, однако они будутъ считатись частными заведеніями, не имѣющими ніякого права къ школьному фонду. Правительство, убольшая количество школъ, требуетъ прежде всего, чтобы безъ потребности не убольшати количество нарѣчій и письменныхъ знаковъ "... Лат. архіеп. Анквичъ во время совѣщаній утверждалъ, що въ случаѣ введенія русскаго языка яко головнаго предмета въ народныя школы, они перемѣнились бы въ церковныя школы, въ которыхъ могли бы образоватись лишь дьячки и церковный причетъ — Галичи-

---

*) J. Lewicki: Ruch Rusinów w Galicyi, стр. 25.

на же составляетъ часть древней Польши, въ которой краевымъ языкомъ бытъ польскій не смотря на то, що на цѣломъ ея пространствѣ отъ Силезіи до Молдавіи употреблялись многія нарѣчія. Если кто хочетъ крестьянину гр. кат. исповѣданія дати возможность читать свой катихизисъ и свои церковныя книги, нехай ихъ переведетъ на польскій языкъ или напечатаетъ латинскимъ шрифтомъ, а не умножаетъ изъ-за крестьянина безпотребно количество нарѣчій и письменныхъ знаковъ.

Митрополитъ Левицкій и канон. Могильницкій предложили протестъ противъ рѣшенія губернскаго совѣта, но вѣдѣнское правительство не обратило на него вниманія и въ 1818 г. ввело польскій языкъ яко преподавательный въ народныхъ школахъ для поляковъ и русскихъ. Такимъ образомъ колонизація посредствомъ народной школы продолжалась въ 1848 г.

Количество гимназій правительство постепенно уменьшало, устранивши изъ нихъ монаховъ и заступивши ихъ учителями мірянами. Буцацкая гимназія василіанъ была закрыта въ 1784 г., но они въ 1804 г. открыли ю опять въ характерѣ приватнаго заведенія. Сначала имѣла гимназія пять, потомъ шесть классовъ и преподаваніе въ ней шло на нѣмецкомъ языкѣ. Главными предметами науки были: латинскій и нѣмецкій языки, географія, австрійская исторія и ма-

тиматика. Естественныи науки пробова-ли вводити нѣскольократно, но опять устранили. Послѣ 1815 г. состоялъ и польскій языкъ предметомъ обученія. Законоучителями для латинниковъ и уніатовъ были латинскіи священники. Настоятелемъ гимназій былъ староста (Kreishauptmann), смотрѣвшій за поведе-ніемъ молодежи и управлявшій цѣлымъ заведеніемъ. Префектъ и учителя были зависими отъ него. Львовыхъ и непокорныхъ учениковъ имѣлъ староста право асентировати въ войско. Реальное училище было на всю Галичину лишь одно во Львовѣ, основанное въ 1817 г. Тутъ же возникла въ 1835 г. реально-торговельная академія съ тремя курсами. Послѣ окончанія гимназій, желавшій поступити на университетъ или на богословіе, долженъ былъ кончити дволѣтній лицей, въ которомъ кромѣ класической литературы преподавались исторія, математика, физика и философія. Лицеальныи класы были во Львовѣ, Перемышлѣ, Тарновѣ, Тернополѣ и Черновцахъ.

Съ самого начала французской революціи стали въ Австріи распространяться якобинско-республиканскіи идеи, соединяясь здѣсь съ религіиными заблужденіями. Уже въ 1793 г. открытъ былъ въ Вѣднѣ революціиный комитетъ, членовъ которого арестовали и отдали подъ судъ. Въ Угорщинѣ основали: членъ ордена францискановъ Іосифъ Мартиновичъ, писатель Іосифъ Гайночи и воен-

*

ный Іоаннъ Лачковичъ социальное-демократическое Общество, за що 20 мая 1795 г. были казнены смертью. Въ Австріи существовала съ прежнихъ временъ государственная полиція, теперь ю преобразовали. Именно правитель-ство составило толпу тайныхъ шпионовъ изъ лицъ всякихъ сословій, даже духовныхъ и профессоровъ университетовъ (Гошманъ, Ваттеротъ, Гетгарди)*). Тайную полицію довелъ до совершенства директоръ вѣденьской полиціи гр. Седлицкій (1817—1848), такъ що приѣзжаясь къ его способамъ, галицкая полиція могла узнавати о всѣхъ тайныхъ Обществахъ поляковъ. Въ Галичинѣ имѣла тайная полиція задачу наблюдать за умственнымъ и социальномъ жизнью и слѣдити за проявленіями французскихъ революціонныхъ идей, за польскимъ движеніемъ и внослѣдствіи (по 1830 г. за такъ зовимымъ панславизмомъ). Та полиція съ одной стороны предупредила не одну опасную для государства попытку, но съ другой стороны поставила Австрію въ поруганіе, яко полицейскую державу.

Изъ наведенного явствуетъ, що представителями государственной идеи въ Галичинѣ были собственно нѣмецкіи чиновники и учителя. Они были либералами, но въ силу своего званія поклон-

---

*) Krones: Gesch. der Neuzeit Oesterreichs, стр. 497.

никами абсолютной власти монарха. Съ 1809 г. поляковъ и русскихъ припускали лишь къ низшимъ чинамъ и то въ ограниченномъ количествѣ, такъ що чиновники и учителя середнихъ и высшихъ школъ въ большей части были нѣмцы. Иосифъ II старался у чиновничьяго сословія привыти сознаніе чести и долга и сдѣлати изъ него образецъ трудолюбія, приличія и человеколюбія. Но вышло иначе. Хотя многіи нѣмецкіи чиновники въ Галичинѣ на дѣлѣ отличались благородными свойствами, но большинство ихъ размышляло лишь о наживѣ. Польскіи помѣщики тѣмъ и воспользовались и въ всякихъ дѣлахъ склоняли оныхъ на свою сторону посредствомъ взятокъ. Шляхта, собиравшаяся съ 1817 г. на соймы, стала опять могущественною стихією въ Галичинѣ, ибо она съумѣла повліяти и на судъ, и на окружныя староства.

Въ Угорщинѣ, съ вступленія на престолъ Леополда II, устроились отчѣнныи отношенія. Щобы успокоити взволнованныхъ мадьяръ, былъ Леопольдъ принужденъ въ 1791 г. издати указъ, въ силу котораго ишла Угорщина съ Семиградомъ и Хорватією управлятись своими прежними законами. Вслѣдствіе того угорскій соймъ и комитатскіи собранія возобновились въ прежнемъ своемъ значеніи. Мадьяры развили у себе политическую жизнь и съ 1825 г. стали размышляти о приданіи государственной жизни въ своихъ земляхъ мадьярокой

окраски. Въ 1830 г. сказалъ въ соймѣ Стефанъ Сеченій: „Угорщины не было, она будетъ“... Съ тѣхъ поръ цѣлью мадьярской патриотической партіи было, подняти прежде всего экономическое благосостояніе, яко необходимое условіе для пріобрѣтенія полнѣйшаго самоуправства, возбудити и укрѣпити національное мадьярское сознание и омадьяршити славянъ и румуновъ. Мадьяры состояли главными поборниками конституціонализма, находившаго и находящаго еще сегодня въ нихъ главную свою опору. Конституційное преобразование имперіи въ новѣйшее время совершилось подъ давленіемъ мадьяръ и они сегодня неусыпно смотрять, чтобы въ другой половинѣ имперіи не вернулись времена абсолютизма.

Вслѣдствіе такого направленія мадьярской политики, славяне и румыны тѣснѣе примкнули къ вѣденскому правительству, которое однако, въ виду могущественнаго перевѣса мадьярскихъ вельможъ въ дѣлахъ управленія Угорщиною и германнаціоннаго направленія своей политики, ихъ національность подняти не могло. Относительно русскихъ, австрійское правительство, учреждая новую епископскую столицу въ Пряшевѣ (въ 1816 г.), имѣло намѣреніе вскрѣпити ихъ національность, но не смотря на то, у нихъ подъемъ народнаго духа ишолъ весьма вяло впередъ. Оба угорско-русскія епископы засѣдали въ соймѣ яко

члены палаты господъ. Въ Угорщинѣ аристократія руководила политическою жизнью и имѣла также вліяніе на судьбу карпато-русского народа.

V.

Движенія поляковъ въ 1795—1846 гг. и ихъ послѣдствія для галицкой Руси.

Второй и третій роздѣлы Польши совпали во времена великой войны, потрясшей майже всю Европу. Французская революція съ ея обликами противъ монархической власти, избіеніемъ аристократовъ и издѣвательствами надъ королевскою семьею, возмутили правительства другихъ европейскихъ державъ, особенно австрійскій дворъ, узами сродства соединенный съ французскою королевскою семьею. Леопольдъ II хотѣлъ спѣшнѣе съ помощью своему шурину (королева Франціи Марія Антоанета была сестрою Леопольда II) и старался въ той цѣли заключити союзъ съ Пруссіею, но закѣмъ состоялось соглашеніе касательно военныхъ дѣйствій, умеръ онъ 28 февраля 1792 г. Его преемникомъ былъ младшій братъ Францъ II, которому самъ же Людвикъ XIV, принужденный якобинцами, объявилъ войну 20 апрѣля 1792 г. Въ союзъ съ Австріею явилась на полъ битвы Пруссія и вкорѣ другія державы, именно Англія, Голландія, Испанія и Сардинія. Между

Францією и Польшею установились тѣснѣйшія связи въ пору барской конфедераціи, вслѣдствіе чего теперь, послѣ третьяго роздѣла, поляки стали громаднo прибывать въ Парижъ. Въ ихъ числѣ былъ Домбровский, предложившій планъ составленія изъ эмигрантовъ польской легіи въ Италію, усиленія ея перебѣжчиками изъ галицкихъ полковъ австрійской арміи и взволнованія славянскихъ народовъ Австріи*). Франція согласилась съ тѣмъ планомъ и вскорѣ, въ 1796 г., стало въ Италіи около 5000 польскаго войска. Одновременно организовалъ Михайлъ Огинскій въ Цареградѣ, при помощи французскаго посланника, изъ эмигрантовъ, собравшихся въ Молдавію, отрядъ, имѣвшій оттуда вторгнуться въ Галичину. Во главѣ его стануль яко бригадиръ Дениско, навязавшій сношенія съ галицкою шляхтою, между прочимъ съ Валеріаномъ Дѣдушицкимъ, Рациборскимъ и Тшецескимъ. Онъ вступилъ въ Покутье съ 2000 эмигрантовъ, но былъ разбитъ. Австрійскія власти попали на слѣдъ галицкаго заговора и вынудили на Рациборскомъ (посредствомъ палокъ) открытіе соучастниковъ, о мало не поплатившихся жизнью за свой патріотизмъ**). Между заговорщиками былъ ге-

*) J. Morawski: Dzieje narodu polskiego w krótkości zebrane, VI Poznań 1872, стр. 16.

***) St. Wodzicki: Wspomnienia 1768—1840, Kraków 1874 стр. 166, 422; Kronika domowa Dzieduszyckich, Lwów 1865, стр. 355—372.

ометръ Горжковскій, задумавшій, по я-
вобинскому образцу, вырѣзати шляху,
щобы освободити народъ. Не смотря на
ту неудачу, составлялъ Домбровскій
планъ новаго похода изъ Молдавіи въ
Галичину, но между-тѣмъ заключенъ
былъ миръ между Австрією и Францією
въ Кампо-Форміо 17 октября 1797 г.

Въ 1799 г. возобновилась война съ
Францією. На сей разъ союзницею Ав-
стріи была Россія, войска которой пере-
ходили чрезъ Галичину. Понеже въ И-
таліи стояли польскіи легіоны, то Ав-
стрія выслала галицкіи полки надъ
Рейнъ. Узнавши о томъ, Франція пору-
чила Князевичу составить при Рейнѣ
другій польскій легіонъ, который вскорѣ
заполнился поляками и русскими *) изъ
галицкихъ полковъ. Домбровскій предло-
жилъ тогда Наполеону соединити рейн-
скую польскую легію съ французскою
армією въ 20—30.000 человекъ и кину-
ти ю въ Чехію, щобы она оттуда вторг-
нула въ Галичину. Наполеонъ того пла-
на не одобрилъ. Поляки надѣялись те-
перь, що Наполеонъ по крайней мѣрѣ
въ имѣвшемъ заключити миръ усло-
вится съ Австрією и Россією о уступкахъ
для ихъ отечества. Но та надежда об-
манула. Люневильскій миръ въ 1801 г.
даже не упоминалъ о Польшѣ. Тогда
вспыхнуло въ легіяхъ неудовольствіе:
въ одинъ день оставило 300 офицеровъ

*) J. Morawski я. в. стр. 88.

французскую службу и многи изъ нихъ возвратились въ Россію. Щобы освободитись отъ хлопотовъ, которыя могли причинити недовольнымъ легіонисты, Наполеонъ выслалъ одну ихъ часть на островъ Санъ-Доминго.

Войны съ Франціею стоили Австрію многихъ територіальныхъ убытковъ и ослабили ю. Щобы, не смотря на то, обезпечити ея значеніе, яко первостепенной державы Европы, Франць II принялъ 11 августа 1804 г. титулъ императора Австріи. Точно тогда совѣтовалъ Адамъ Чарторыйскій императору Александру I, обратити оружіе противъ Пруссіи и провозгласити себе королемъ Польши. Съ проектомъ возстановленія Польши соглашался австрійскій архикнязь Кароль, совѣтовавшій отступить ей западную Галичину и задержать за Австріею лишь восточную ея часть. Симпатіи поляковъ склонились тогда на сторону Россіи, отъ которой они надѣялись возстановленія независимости своего отечества. Но едва окончилась новая война Австріи и Россіи съ Наполеономъ несчастливою для оныхъ битвою подъ Аустерлицомъ и Прешбургскимъ миромъ (1806), въ которомъ Австрія понесла громадныя убытки въ земляхъ — стали поляки свои надежды опять возлагати на Наполеона, готовившагося къ войнѣ съ Пруссіею. Наполеонъ позволилъ на образованіе новой польской легіи при Рейнѣ, имѣвшей дополняться перебѣзчиками изъ

прусской арміи, пригласилъ Домбровскаго изъ Италіи и велѣлъ ему составить воззваніе къ прусскимъ полякамъ, чтобы принялись за оружіе для борьбы за свою независимость. Послѣ пораженія Пруссіи, которой не помогла и помощь Россіи, тильзитскимъ миромъ въ 1807 г. учреждено было изъ прусскаго захвата княжество Варшавское, обнимавшее 1850 □ миль съ 2,000.000 жителей, подъ властью саксонскаго короля Фридриха Августа, яко наслѣдственнаго владѣтеля.

Установленіе Варшавскаго княжества подняло польскіи патріотическіи чувства въ Галичинѣ, съ другой же стороны новое польское государство промышляло лишь о присоединеніи другихъ частей прежней рѣчи-посполитой. Случай къ тому представился, когда Австрія въ 1809 г. объявила войну Наполеону, рѣсчитывая на испанцевъ и нѣмцевъ, у которыхъ пробудилось тогда національное чувство. Австрія надѣялась побѣдѣти и опять приобрѣсти потерянные провинціи (Венецію, Истрію, Тироль). Чтобы предупредить поляковъ, архикнязь Фердинандъ д'Эсте перешолъ 14 апрѣля рѣку Пилицу во главѣ 35.000 войска, побилъ кн. Понятовскаго подъ Рашнымъ (19 апрѣля) и вступилъ 23 апрѣля въ Варшаву. Но при атацѣ на Прагу ему не повезло, и съ той поры начинаются бѣдствія австрійцевъ.

Поляки, составивши три корпуса подъ Заюнчкомъ, Домбровскимъ и Поня-

товскимъ, стали напирати на австрійцевъ. Фердинандъ д' Эсте потерпѣлъ поражение при горѣ Кальваріи и принужденъ былъ отступить. Коцеувъ, Сѣдльцы, Люблинъ, Сандомиръ, Замость поочередно попадали въ руки поляковъ. Дня 25 мая заняли поляки Ярославъ и взяли австрійскаго генерала съ 500 воинами въ плѣнъ. Во Львовъ *) вступили они 28 мая и нашли радушный приѣмъ. Двѣ мили предъ городомъ ожидали жители Львова ген. Рожнецкаго, которому по пути сыпали цвѣты и окруженного молодежью вводили торжественно въ городъ. Особенно восхищенными были польскія женщины, вѣявшія платками и восклицаніями славившія побѣдителей. Возмущеніе противъ австрійскаго правительства и его приверженцевъ было столь великое, что русскій митрополитъ Ангеловичъ принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ въ Карпаты. Его сопровождалъ каноникъ Гарасевичъ. За привязанность къ Австріи отличило позднѣйше правительство обоихъ: Ангеловича орденомъ Леопольда, Гарасевича такимъ же орденомъ и титуломъ барона фонъ Нейштернъ.

Дня 7 іюня устроилъ Іосифъ Понятовскій въ головной квартирѣ въ Тржеени надъ Сяномъ польско-національное у-

---

*) Die Stadt Lemberg im Jahre 1809 unter oesterr., poln. und russischer Regierung. Tagebuch eines Augenzeugen, Lemberg 1862.

правленіе для Галичины, состоявшее изъ Станислава Замойскаго, Матушевича, Іоанна Вельгорскаго, гр. Яна Тарновскаго, Франца Грабовскаго и Левицкаго. Въ силу договора между Наполеономъ и Александромъ I въ Эрфуртѣ въ 1808 г., обязалась Россія, на случай войны Франціи съ Австріею, послать первую. И дѣйствительно переступило 35.000 русскаго войска Бугъ и приближалось къ Сяну, яко вспомогательное войско и союзникъ поляковъ, но оно двигалось медленно впередъ и повидному больше доброжелательствовало Австріи, нежели Франціи и въ рѣшительной битвѣ подъ Вржавами не доставило помощи полякамъ. Австрійскія войска опять стали занимать потеряныя позиціи, національно-польское правительство принуждено было оставить Львовъ и перемѣститься сначала въ Жолковъ, потомъ въ Люблинъ, французская же помощь, которой просилъ Понятовскій, не прибыла, хотя Наполеонъ поручилъ Понятовскому отвоеванныя у австрійцевъ земли занимать отъ имени Франціи и водружати въ нихъ французскія орлы. Самъ Понятовскій былъ Наполеономъ возванъ, сѣсть въ Моравію, и тогда русскія войска заняли большую часть Галичины. Головная ихъ квартира была въ Тарновѣ.

Исходъ войны, начатой Австріею, былъ для нея крайне неблагополучный. Въ шенбрунскомъ мирѣ (17 октября 1809 г.) Австрія потеряла одну третью

часть своихъ владѣній: Сольноградъ и часть Верхней Австрiи, Горицію, Триестъ, Крайну, Истрию, часть Каринтiи и Хорватiи, нѣкоторыя мѣстности Чехiи, цѣлую западную Галичину разомъ съ замостьскимъ округомъ и тернопольскiй и збаражскiй округи. Западная Галичина (не въ нынѣшнемъ значенiи—она бо обнимала Краковъ, Сандомирщину по Пиллицу и четырехугольникъ между Бугомъ и Вислою) разомъ съ замостьскимъ округомъ была присоединена къ Варшавскому княжеству, Тернополь и Збаражъ (400.000 жителей) получила Россiя въ награду за помощь, несенную Наполеону.

Вслѣдствiе многолѣтнихъ несчастныхъ войнъ обнищало населенiе Австрiи. Галичина должна была, кромѣ рекрута, доставляти 10,500.000 гульд. зол. ежегодно вѣденьской державной кассѣ. Правительство забрало изъ монастырей, костеловъ и церквей золотую и серебряную утварь, плата за ню процентными облигаціями. Паперовыхъ грошей пустило оно въ обращенiе на 1060 милiоновъ гульд., вслѣдствiе чего они упали до 8% нарицательной стоимости. Въ февралѣ 1811 г. правительство объявило банкротство и хотѣло посредствомъ новыхъ ассигнацій поднести ихъ курсъ по крайней мѣрѣ до 20% нарицательной стоимости, но ассигнаціи также падали дальше въ цѣнѣ. Шенбрунскимъ миромъ должна была Австрiя приступити къ такъ зовимому континентальному запору и замкнути

свою границу для англійскихъ товаровъ. То еще больше подорвало ея экономическое состояніе. Большая половина державныхъ имѣній въ Галичинѣ была продана частнымъ лицамъ.

Въ Варшавскомъ княжествѣ, увеличенномъ новыми приобретениями, собрался сеймъ 9 декабря 1811 г. Предъ открытіемъ его поручено было совершить торжественное молебствіе униатскому (не-слыханное дѣло!) холмскому епископу Цѣхановскому *). Засѣвши въ сенатѣ, держалъ Цѣхановскій рѣчь, въ которой припомнулъ исторію своей церкви, гарантіи Владислава III отъ 1448 г., Сигизмунда Августа отъ 1568 г., Сигизмунда III отъ 1595 г. и постановленія безпрерывнаго, четырехлѣтняго сейма и наконецъ прибавилъ: „Уже исчезли прежнія предрозсудки, Русь видитъ себе ровнянною съ братьями-поляками. Я передамъ ту благополучную вѣсть моей паствѣ, дабы она и въ позднѣйшихъ поколѣніяхъ вѣрна была отечеству, одарившему ю равными съ прочими братьями преимуществами.“

Якая была причина такого благоволенія къ униі? Точно тогда дѣлались приготовленія къ походу Наполеона на Россію. Генералъ Сокольніцкій совѣтовалъ Наполеону, ити съ арміею не прямо на Москву, а на Кіевъ. Наполеонъ

---

*) Петрушевичъ: Холмская епархія и ея святители, стр. 204—207.

отклонилъ сей проектъ. Когда Наполеонъ стануль предъ Смоленскомъ, князь Іосифъ Понятовскій опять предложилъ ему, выслати часть арміи на Украину и взволновати тамошнее малорусское население *) Наполеонъ воепротивился такому плану. Князь палъ на колѣна и просилъ о 100.000 войска, которымъ хотѣлъ заняти Украину. Императоръ разгорячился и загрозилъ укоретствующему розстрѣляніемъ.. Отходячи, сказалъ князь: „Сей человекъ погубитъ себе и насъ“... Когда походъ Наполеона на Москву принялъ печальный исходъ, среди поляковъ все больше стало укореняться мнѣніе, що Россія можетъ быть лишь въ такомъ случаѣ покорена, если у ней будетъ отнята Украина. Тотъ взглядъ имѣлъ важныя послѣдствія для умственной жизни украинцевъ и галичанъ, ибо въ немъ лежитъ источникъ позднѣйшого такъ зовимаго украинскаго сепаратизма.

По той причинѣ поляки стали иначе относиться къ униатамъ въ Галичинѣ и въ своемъ королевствѣ, установленномъ на вѣденскомъ конгрессѣ въ 1815 году. Не смотря на то, латинское духовенство по временамъ обнаружало недоброжелательство къ греческому обряду и около 1820 г. даже отказывало галицко-русскимъ священникамъ правъ къ религій-

---

*) Jenerał Dezydery Chłapowski z Kalinki Przegład Polski 1885 I стр. 30.

ному фонду, заставивши митрополита Михаила Левицкого составить пропамятное письмо къ львовской губерніи *). При томъ всемъ большинство образованного сословія поляковъ старалось сблизиться съ униатскими священниками, лестило молодымъ поповичамъ, посѣщавшимъ школы и внушало имъ польское патриотическое чувство. Проломъ въ отношеніи поляковъ къ униі послѣдовалъ собственно съ поры Костюшка и теперь заискиваніе униатского духовенства лишь усилилось. Молодшее поколѣніе галицко-русскихъ поповичей и мелкой русской шляхты, не находячи поддержки національного духа въ родной словесности и въ державныхъ учрежденіяхъ, легко примыкало къ польской стихіи, проникалось ея возрѣніями и стремленіями и отчуждалось отъ своего народа. Связь съ Кіевомъ и остальною Россіею была прорвана: русскіи книги не доставались въ австрійскую Русь, мѣстная же галицко-русская литература, начавшая развиваться съ концемъ 18-ого вѣка, заглохла съ прекращеніемъ русскихъ преподаваній на львовскомъ университетѣ. Точно въ пору, когда Костюшко писалъ свой манифестъ къ малороссамъ, приглашенъ былъ униатскій священникъ Михаилъ Гарасевичъ на редактора первой польской періодической газеты въ Галичинѣ,

---

*) Malinowski: Kirchen-und Staatssatzungen, стр. 485.

п. з. Dziennik patriotycznych polityków (1794—1797)*). То издание вскорѣ прекратилось и въ 1809 г. возникли два новыя: Gazeta lwowska и Rozmaitości. Сотрудниками ихъ были также русскіи галичане. Русское слово исчезло изъ среды интеллигентнаго сословія; чиновники и священники стыдились говорить по-русски, считая ту рѣчь хлопскою.

Поддержкѣ русской національности въ Галичинѣ мѣшала неопредѣленность рутенизма, понимаемого поляками и самими же русскими галичанами въ вѣроисповѣдномъ значеніи, т. е. значеніи принадлежности къ славянско-уніатскому обряду. Русскій галичанинъ считалъ себе прежде всего уніатомъ, разговорный же его языкъ и литература были для него маловажнымъ дѣломъ. Онъ не совѣстился и польское и нѣмецкое и мадьярское слово считать своимъ роднымъ. Не имѣя собственнаго національнаго сознанія, онъ, входя въ польское общество, бессознательно подвергся его вліянію.

Поляки, начавшіи еще послѣ перваго роздѣла Польши срывать съ прежними порядками, доведшими ихъ отечество къ утратѣ независимости, горячо принялись послѣ послѣдняго роздѣла за попеченіе о науцѣ, изящной словесности, воспитаніи молодого поколѣнія и экономическомъ состояніи. Въ Австріи и Прус-

---

*) Временникъ Ставроп. Инстит. 1898, стр. 149. 150.

оін ихъ давили и не позволяли національной ихъ дѣятельности поднятись. Но съ 1815 года было у нихъ свое королевство, лишь персональною униєю соединенное съ Россією, и при томъ также въ литовскихъ и малорусскихъ земляхъ, входившихъ прежде въ составъ рѣчнопосполитой, школы и уряды были польскіи. Императоръ Александръ I, будучи еще великимъ княземъ, сблизился съ молодымъ полякомъ, княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ, проникнулся симпатіями для поляковъ и сдѣлавшись государемъ Россіи, возстановилъ польское управление въ западной Россіи майже во всей ея давней полнотѣ. Дозволено было полное возстановленіе литовского статута съ сеймиками для выбора судей и различныхъ чиновниковъ, всѣ важнѣйшія отрасли управленія перешли въ руки поляковъ и императоръ Александръ I носился даже съ намѣреніемъ возстановити Польшу въ ея цѣлости, въ границахъ до первого ея раздѣла, но былъ отъ того намѣренія отклоненъ русскими людьми, къ числу которыхъ принадлежалъ также историкъ Карамзинъ. Въ своей записцѣ подъ названіемъ „Мнѣніе русскаго гражданина“ Карамзинъ прямо и мужественно объяснялъ государю, що всецѣлое возстановленіе древняго польскаго королевства не согласно ни съ законами государственнаго быта, ни съ священными обязанностями царя, ни съ его любовію къ Россіи и къ самой спра-

*

ведливости. „Возстановленіе Польши — говорилъ Карамзинъ — будетъ паденіемъ Россіи, или сыновья наши обогрять своею кровью землю польскую и снова возьмутъ штурмомъ Прагу.“

Въ 1803 г. было учреждено въ Россіи отдѣльное министерство народнаго просвѣщенія и затѣмъ образованы шесть учебныхъ округовъ. Чарторыйскій былъ назначенъ попечителемъ виленскаго учебнаго округа, обвинявшаго восемь югозападныхъ губерній. Управление учебнымъ дѣломъ сосредоточилъ Чарторыйскій въ своихъ рукахъ. Отъ него былъ зависимъ ректоръ виленскаго университета, отъ ректора зависѣли директоры гимназій, отъ нихъ настоятели уѣздныхъ школъ, отъ послѣднихъ учителя приходскихъ школъ *). Всѣ науки въ тѣхъ заведеніяхъ преподавались на польскомъ языкѣ. Въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ былъ преподаватель русскаго языка, но онъ считался младшимъ, ибо поставленъ былъ на ровнѣ съ учителями иностранныхъ языковъ и рисованія. Въ Вильнѣ при университетѣ была головная семинарія для образованія латинскаго и униатскаго духовенства. Въ Кременцѣ былъ лицей, въ Кіевѣ высшая польская школа. Василіане содерживали 11 учебныхъ заведеній, въ которыхъ учили польски. Польское направленіе народно-

---

*) Dr Antoni J.: Oświata na dawnych kresach.

го просвѣщенія въ Волыни и Подоліи дѣйствовало конечно, также на русскихъ галичанъ.

Прусскій канцлеръ Гарденбергъ писалъ 7 ноября 1814 г. къ одному изъ англійскихъ министровъ, що польское королевство, управляемое конституціоннымъ образомъ и соединенное персональною унією съ Россією, причинитъ императору Россіи не мало затрудненій*). То предсказаніе исполнилось. Когда Александръ I не удовлетворилъ желанію поляковъ касательно присоединенія Литвы, Волыни, Подолія и Украины къ конгрессовой Польшѣ и не хотѣлъ отказаться отъ своего права, быти верховнымъ толкователемъ закона — неудовольствіе овладѣло поляками: въ польской арміи, среди студентовъ виленского университета и помѣщиковъ юго-западного края стали образоватися тайныя Общества, имѣвшія цѣлью подготовити поляковъ къ возстанію противъ Россіи. Тѣ Общества вошли въ сношенія съ русскими заговорщиками, извѣстными впоследствии подъ названіемъ декабристовъ.

Въ началѣ 1825 г. состоялся въ Житомирѣ съѣздъ польскихъ и русскихъ заговорщиковъ, подъ названіемъ „славянского собранія“. Въ немъ участвовали изъ поляковъ: Петръ Мошинскій, маршалъ волынской шляхты, Станиславъ

---

*) Т. Morawski: Dzieje narodu polskiego VI стр. 213.

Карвідкій, Николай Ворцель, Людвикъ Собанскій, Мартинъ Тарновскій, Вацлавъ Ржевускій и Тома Падура, секретарь губернскаго маршала. Изъ русскихъ были оба Муравьевы и Рылѣвъ. Здѣсь въ засѣданіи выступилъ Тома Падура съ рѣчью, доказывавшею необходимость „для дѣла общей свободы“ возстановити независимость Малороссіи и изъявилъ свою готовность, въ такомъ направленіи вести пропаганду между малорусскимъ народомъ, представляя ему его прежнюю козацью славу. Всѣ присутствующіи — и поляки и русскіи — одобрили ту мысль, больше же всѣхъ восхитился нею Вацлавъ Ржевускій, сынъ гетмана Северина, воспитывавшійся въ Вѣднѣ и путешествовавшій по Востоцѣ. Онъ былъ восторженнымъ любителемъ козацкихъ пѣсенъ, наряжался по-козацки, устроилъ на своемъ дворѣ що-то въ родѣ козацьяго „коша“ и назвалъ себе „атаманомъ Ревухою.“

Вацлавъ Ржевускій пригласилъ послѣ сего собранія Падуру въ свой „кошъ“ и принялся разомъ съ нимъ за распространеніе среди южнорусскаго населенія*) мысли о независимости Малороссіи. Вскорѣ послѣ того (14 декабря) открытъ былъ заговоръ, а одновременно открылись и сношенія поляковъ съ декабристами и сдѣлалось извѣстнымъ существованіе

---

*) Prawdziwy żywot Tomazza Padurzy, Poznań 1875, стр. 84.

польскихъ тайныхъ Обществъ. Въ то время были арестованы до 20 человекъ пановъ волынской губерніи *), въ ихъ числѣ и Петръ Мошинскій, Станиславъ Карвицкій, Ржевускій и Падура. Два послѣдніи были послѣ дволѣтняго заключенія пущены на свободу и тогда они принялись опять за прежде задуманное дѣло, основавъ въ Саврани школу малорусской поэзіи подъ названіемъ школы лирниковъ. Къ ново составленнымъ пѣснямъ сочинялъ Ржевускій музыку. Когда ихъ лирники были подготовлены, пустили они ихъ въ народъ, и туда же пошолъ и самъ Падура съ лирою въ рукахъ, чтобы малороссамъ пѣти о козацкой славѣ. Въ Полтавѣ удалось ему найти слушателей среди учениковъ гимназій и познакомиться съ Котляревскимъ... „Херувинная твоя пѣсня — сказала Котляревскій Падурѣ — исторія наша отражается въ ней, но она не оживетъ, не оживетъ!“... Во время возстанія 1831 г. применилъ Ржевускій съ своими 220 козаками къ повстанцамъ и погибъ въ сраженіи на Дашовскихъ поляхъ. Падура опять попалъ въ тюрьму, освободился изъ нея и переселился въ Галичину. Свои стихотворенія издалъ онъ во Львовѣ въ 1842 г. и въ Варшавѣ въ 1844 г.**). Его пѣсни пѣлись русскими

*) Матеріалы для исторіи Волыни. Петровского стр. 291—306

***) Pienia Tomasza Padury. Lwów. Ukraini. Warszawa.

учениками и семинаристами въ Галичинѣ и пробуждали въ нихъ любовь къ протонародному нарѣчію и козацкимъ предаціямъ. Нѣкоторые изъ нихъ поютъ еще и теперь въ Галичинѣ и то не лишь поляками, но также и русскими.

Приготовлявшееся въ 1820-ти лѣтахъ возстаніе, не смотря на открытіе многихъ тайныхъ Обществъ, вспыхнуло (по наущеніи французскихъ республиканцевъ) при концѣ 1830 года и не замедлило отразиться и на Галичинѣ. Австрійское правительство въ силу протокола вѣденскаго конгресса отъ 7 апрѣля 1815 г. обязалось дати своимъ полякамъ репрезентацію и національныя учрежденія, соотвѣтственно политическому устройству Австріи и нуждамъ польскаго народа и самого же австрійскаго государства. Примѣнительно къ тому постановленію допущенъ былъ, какъ мы выше сказали, польскій языкъ въ начальныхъ народныхъ школы и въ гимназій яко предметъ обученія. Распоряженія правительства издавались на польскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Впрочемъ во всѣхъ державныхъ урядахъ дѣловодство велось по-нѣмецки и на томъ же языкѣ преподавались всѣ науки въ гимназій и на университетѣ. Въ 1817 г. возобновленъ былъ соймъ, права котораго были весьма ограничены. Членовъ сойма назначало правительство, принимая въ соображеніе чины магнатовъ, рыцарей и городъ Львовъ, яко представителя мѣщан-

ства. Соймъ собирался ежегодно на три дни, принималъ къ свѣдѣнію предложенія правительства, составлялъ адресъ къ императору, въ которомъ могъ выразити свои желанія и выбиралъ членовъ въ комитетъ (становый выдѣлъ). Такъ какъ назначеніемъ его было, собственно принять къ свѣдѣнію предложенія (постулаты) правительства, то и называли его постулатовымъ соймомъ. Соймъ не имѣлъ ніякого вліянія ни на управленіе, ни на просвѣщеніе края. Нѣмецкая школа и нѣмецкій университетъ во Львовѣ (съ 1817 г. — имѣлъ онъ лишь три факультеты: юридическій, философскій и богословскій) сблизили польскую молодежь съ нѣмецкимъ духомъ. Она охотно предавалась чтенію нѣмецкихъ романтиковъ, Гете и Шиллера, не меньше Байрона и Шекспира (въ нѣмецкомъ переводѣ) и проникалась взглядами философа Канта*). Польское общество въ Галичинѣ читало мало книгъ, не писало майже совершенно ничего и лишь одинъ польскій театръ оживлялъ духовную жизнь. Въ 1795 г. прибылъ Богуславскій съ своею труппою изъ Варшавы и давалъ представленія въ садѣ Яблоновскихъ. Австрійское правительство въ первыхъ годахъ своего правленія учредило во Львовѣ постоянный нѣмецкій театръ, и для того нерадо смотрѣло на польскія представленія и въ 1804 г. воспретило

*) *Literatura w Galicyi ustęp z pamiętników (Przewodnik naukowy i literacki, Lwów 1877).*

всякіи, даже приватни польскіи театральни представленія во Львовѣ. Когда Австрія послѣ наполеоновскихъ войнъ находилась въ самомъ большомъ ослабленіи, позволило правительство въ 1810 г. на учрежденіе постоянного польского театра во Львовѣ съ восьмью представленіями въ мѣсяцъ (послѣ съ 12), однако подѣ условіемъ, дабы благотворительное заведеніе гр. Скарба (домъ пріюта для бѣдныхъ дѣтей) содерживало нѣмецкій театръ. Та обязанность отягочала названное заведеніе до 1872 г., пока по настоянію поляковъ не была устранена. Вслѣдъ затѣмъ нѣмецкій театръ во Львовѣ прекратилъ свое существованіе. Кромѣ театра имѣлъ польско-національную жизнь поддерживати учрежденный въ 1817 г. институтъ Іосифа Максимилиана Оссолинского во Львовѣ. Тотъ патріотъ купилъ въ закрытыхъ Іосифомъ II монастыряхъ множество книгъ и рукописей латинскихъ, приобрѣлъ на собственность закрытый кляшторъ кармелитокъ, перестроилъ его и основалъ въ немъ, за соизволеніемъ правительства, институтъ съ музеемъ, бібліотекою, директоромъ, чиновниками и стипендіями для развитія польской науки и словесности. Названный институтъ развинулъ однако лишь послѣ 1830 г. живѣйшую дѣятельность. До 1830 г. польскій элементъ въ Галичинѣ едва дышалъ, но все таки онъ былъ въ выгоднѣйшемъ положеніи, чѣмъ русскій, ибо все-таки польскіи кни-

ги приходили изъ-за границы и поляки могли заграничныхъ своихъ писателей считать своими собственными и питатьею своею народною духовною пищею. Напротивъ между Россіею и галицкою Русью не было никакихъ сношеній и русскіи галичане не могли пользоваться русскою литературою. Пребываніе въ Галичинѣ русскіихъ войскъ въ пору наполеоновскихъ войнъ было весьма коротковременное чтобы могло завязаться близкое знакомство. Нѣмцы подозрительно смотрѣли на взаимныя сношенія между галицко-русскимъ народомъ и русскими воинами; офицеры же русскіи вовсе не интересовались состояніемъ страны, образомъ жизни и отношеніями галичанъ *).

Въ такомъ состояніи застало Галичину возстаніе 1830 г. Австрія не могла опасаться своихъ поляковъ, ибо они въ экономическомъ и умственномъ отношеніяхъ были слабы, русскіи же и вообще все крестьянство стояли на ея сторонѣ. Симпатіи крестьянъ заискивала она дальше. Указомъ отъ 14 октября 1815 г. было приказано, чтобы крестьянскіи земли покупали лишь крестьяне, львовскій же фискусъ одѣлалъ 22 октября 1815 г. не осуществившееся впрочемъ предложеніе, чтобы признати крестьянъ соб-

---

*) Я. Головацкій: Замѣтки и дополненія къ статьямъ г. Пыпина, напечатаннымъ въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1835 и 1836 годы. Вильно 1838, стр. 8.

ственниками занимаемыхъ ними земель*)).

Когда въ сѣверной сторонѣ Галичины разыгрывались кровавыя событія, Австрія заняла въ виду нихъ неутрадно-приклонное становище. Губернаторъ Галичины Августъ кн. Лобковицъ, являвшійся въ кунтушѣ на соймѣ и утверждавшій, що онъ полякъ, смотрѣлъ сквозь пальцы на помощь, несенную полякамъ въ Конгресовцѣ ихъ галицкими братьями. При самомъ вѣденскомъ дворѣ образовалась полонофильская партія, въ которой самую рѣшительную дѣятельность заявила архикнягиня Софія, мати нынѣшняго императора. Яко добровольцы отправлялись въ польское войско поляки изъ Галичины и также нѣкоторые изъ русскихъ галчанъ. Въ Конгресовцѣ военныя дѣйствія разыгрывались вблизи Варшавы; на Волини при галицкой границѣ пробоваль возбудити возстаніе Дверницкій, перешедшій сюда 29 марта 1831 г. черезъ Бугъ вблизи Порѣчка.

Станувши головною квартирою въ Дружкополь, возмущаль Дверницкій разомъ съ гр. Чапскимъ и Стецкимъ волинскихъ помѣщиковъ, но съ малымъ успѣхомъ, ибо составились лишь небольшіи отряды повстанцевъ. Самъ Дверницкій, удерживаемый русскимъ генераломъ Ридигеромъ, не могъ ни пробратись въ глубь Волини, ни перейти черезъ ню въ

*) Morawski: Dzieje narodu polskiego VI стр. 201.

Подолію и принужденъ былъ держатись пограничною линію, щобы, на случай натиска, уйти въ Австрію. При Боремлѣ атакował его Ридигеръ и заставилъ отступить въ Австрію *). Когда онъ съ отстанкомъ своего отряда уходилъ въ Австрію и проходилъ черезъ Почаевъ, василіане ничего не щадили для угощенія его и жертвовали ему извѣстныя суммы, а многіи изъ нихъ, оставивши иночество, пошли съ нимъ въ мятежъ. Послѣ того Дверницкій еще разъ пробовалъ пробратись черезъ Волинь въ подольскую губернію, щобы соединитись съ тамошними мятежниками, но опять былъ вытѣсненъ Ридигеромъ въ предѣлы Австріи **).

Въ отрядѣ Дверницкаго находился яко военный врачъ извѣстный послѣ и въ Галичинѣ Владиміръ Терлецкій. Онъ бѣжалъ изъ Дубна въ предѣлы Галичины, нашолъ пріютъ въ домѣ помѣщика Корсова, гр. Коморовскаго и оттуду былъ разомъ съ нѣсколькими другими повстанцами отправленъ на подводахъ, отъ одного помѣщика къ друго-

---

*) Л. Крушинскій: Историческій очеркъ Волини. (Труды волинскаго губернскаго статист. комит. на 1867 г. Житомиръ стр. 146—148. — Петровъ: Очеркъ исторіи православной духовной школы на Волини (Труды кievской духов. академіи февраль 1867 стр. 288.)

***) Батюшковъ: Волинь, стр. 276 — Записки архим. Владиміра Терлецкаго (Русская Старина 1869 LXIII июль глав. II.)

му, къ границѣ польскаго царства, гдѣ еще возстаніе было въ полномъ розгарѣ. Въ Наролѣ роздалъ имъ гр. Дось ружья, снабдилъ всѣмъ необходимымъ, однимъ словомъ снарядилъ въ походъ и съ проводникомъ отправилъ къ границѣ. Пограничная австрійская стража не дѣлала имъ ніякихъ препятствій и ограничилась только тѣмъ, що послѣ совершеннаго уже ними вполне благополучно перехода черезъ границу стала кричать: „Гальтъ, верь-да? (кто идетъ?)“). Прервавшись черезъ Вислу, Терлецкій былъ опредѣленъ въ конный полкъ, названный „русскою яздою“ Карла Ружицкаго, въ которомъ служилъ поручникомъ Михаилъ Чайковскій (Садыкъ-паша). Съ тѣмъ полкомъ впоследствии, когда возстаніе кончилось, Терлецкій переправился черезъ Вислу въ Галичину и былъ австрійскими властями переведенъ въ Подгорье близъ Кракова.

Дня 8 сентября 1831 г. сдалась Варшава и польскіи войска, не попавшіи въ плѣнь, искали убѣжища въ Пруссіи и въ Галичинѣ. Еще 18 августа генер. Раморино съ 10.000 войска и 40 пушками переступилъ подъ Хваловицами австрійскую границу. Галичина наполнилась бѣглецами, къ которымъ австрійское правительство относилось снисходительно. Во Львовѣ губернаторъ Лобковицъ приглашалъ эмигрантовъ на пиры,

*) Записки Терлецкаго, стр. 8, 9.

балы и всячески объявлялъ имъ свою благосклонность. По улицамъ города Львова скакали на коняхъ польскіи офицеры, приводя въ восторгъ польскіи дамы*). Здѣсь виднѣйшіи изъ эмигрантовъ совѣщались надъ дальшою судьбою своего отечества. Общимъ было желаніе, чтобы члены варшавскаго сойма перенесли гдѣ нибудь за границу и представляли собою верховную власть польскаго народа. Депутація отъ эмигрантовъ поблагодарила губернатора за гостепримство, галицкая же шляхта учредила въ честь императора нѣсколько стипендій для учащейся молодежи. Но такъ какъ всѣхъ эмигрантовъ (ихъ было около 30.000) не возможно было помѣстити въ Галичинѣ, то правительство совѣтовало имъ отправиться въ другіи государства, ибо въ случаѣ дальшого ихъ пребыванія въ предѣлахъ Галичины могли возникнуть недорозумѣнія съ Россіею. Они удалились въ большей части во Францію.

Послѣдствія мятежа 1830/1 гг. нанесли польскому дѣлу самый чувствительный ударъ. Конгрессовая Польша потеряла свою конституцію и свое войско и ея управленіе было въ 1832 г. преобразовано, хотя все-таки сохраняло свой прежній польскій характеръ. Языкомъ школы и всѣхъ урядовъ остался дальше польскій языкъ. Но въ дѣлопроизвод-

*) Jełowicki: *Moje wspomnienia*, 3 wydanie Kraków 1891, стр. 378—382.

ствѣ всего юго-западнаго края былъ введенъ русскій языкъ. Виленскій университетъ былъ перенесенъ въ Кіевъ, а въ Вильнѣ оставлена только медицинская академія съ ветеринарнымъ отдѣленіемъ, существовавшая до 1842 г. На Волини были закрыты кременецкій лицей и польскія школы и вмѣсто нихъ открыты русскія. Почаевскій монастырь былъ отнятъ въ 1831 году у василіанъ и переданъ православнымъ, съ переименованіемъ его въ лавру. Омъ сдѣлался мѣстопребываніемъ волинскаго православнаго архіерея и его консисторіи. Въ подольской губерніи были секвестрованы имѣнія Адама Чарторыйскаго, Вацлава Ржевускаго и другихъ. Саврань, гдѣ была школа украинскіхъ лириковъ, была перемѣнена въ военное поселеніе *) Въ цѣломъ юго-западномъ краѣ увеличено было въ учебныхъ заведеніяхъ число ежедневныхъ преподаваній русскаго языка и распоряджено преподавати исторію и статистику на русскомъ языкѣ. Вообще русское правительство принялось за вскрѣпленіе русскаго элемента въ областяхъ, которыя поляки считали своими.

Впечатлѣніе, произведенное розгромомъ польскаго возстанія, отразилось и на вѣроисповѣдномъ поприщѣ. Отдѣльными лицами изъ униатовъ и поляковъ-католиковъ стали по немногу принимать православіе и становитись на русскую сторону. Око-

*) Батюшковъ : Подолія, стр. 288.

до 200 католическихъ монастырей было закрыто. Въ 1834 г. устроила униатская іерархія соборъ, на которомъ было рѣшено немедленно ввести въ униатскую церковь православное устройство: иконостасы, утварь, священныя облаченія и употребленіе православныхъ книгъ московской печати. Въ началѣ 1838 г. униатскіи дѣла были переданы изъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ вѣдомство оберъ-прокурора св. синода. Наконецъ, когда въ 1838 г. умеръ униатскій митрополитъ Булгакъ, въ слѣдующемъ 1839 г. послѣдовало всеобщее воссоединеніе униатской церкви юго-западнаго края съ православною. Всѣхъ униатовъ воссоединилось съ православною церковью около 1¹/₂ миліона, въ томъ числѣ выше сто тысячъ на Волыни и въ Подоліи *). Дня 4 декабря 1840 г. послѣдовало распоряженіе о введеніи въ дѣйствіе русскаго свода законовъ въ юго-западныхъ губерніяхъ.

Воссоединеніе униатовъ Литвы, Подоліи и Волыни съ православною церковью поразило римскую курію и воздѣйствовало на галицкую Русь. Еще въ 1822 г. Римъ повидимому, носился съ мыслью латинизаціи униатовъ, ибо 30 іюля позволилъ принимать въ орденъ

---

*) Записки Іосифа митр. литовскаго, Ч. I. стр. 126—129.

василіанъ латинниковъ *). Теперь началъ онъ иначе сморѣти на унию. Августинъ Тейнеръ, статскій референдарій въ коллегіи de propaganda fide по дѣламъ восточныхъ униато-католиковъ, обратился въ двухъ письмахъ (отъ 5 іюля 1840 г. и 15 января 1842 г.) къ львовскому униатскому священнику о. Михаилу Малиновскому съ прошеніемъ, чтобы онъ предложилъ ему откровенное и обстоятельное изложеніе нуждъ униатовъ въ епархіяхъ холмской, львовской, перемышльской, мукачевской и пряшевской. Малиновскій, удовлетворяя тому требованію, составилъ пропамятное письмо въ дѣлѣ униіи около Свѣтлаго Воскресенія 1842 г.**) Въ томъ письмѣ обратилъ онъ вниманіе римской куріи на гоненія униатовъ латинянами во время польской рѣчи-посполитой, на пониженіе, испытываемое униатскою церковію со стороны польскаго духовенства, на похищеніе у-

*) *Juris pontificii de propaganda fide pars prima, cura et studio Raphaelis de Martinis Romae 1888 -1892 Tom IV p. 617.*

**) *Malinowski: Kirchen u. Staatssatzungen, стр. 501—516.* Тѣ свои убѣжденія высказывалъ и поддерживалъ покойный М. Малиновскій всегда и всюду и наконецъ палъ ихъ жертвою, когда въ 1882 году польскимъ политикамъ удалось получить въ Римѣ *carte blanche* въ виду униатской церкви въ Галичинѣ и убѣдiti римскіи сѣеры, що униатскій обрядъ въ Галичинѣ долженъ быти уничтоженъ.

ніатскихъ церквей и ихъ имѣній и на всякого рода обиды, наносимыи униатамъ. „Уніаты привыкли — откровенно сказали Малиновскій — видѣти въ католической церкви не свою мать а мачиху; унія была могилою для ихъ національности“ *). Яко средство для утверженія оставшихся въ католичествѣ униатовъ предлагалъ Малиновскій: а) галицкому (львовскому) митрополиту дати титулъ кардинала или патріарха; б) учредить два новыя епископства въ Тернополь и Станиславовѣ; в) воспретити переходъ изъ обряда униатского въ латинскій и приказати латинскому духовенству, почитати греко-восточный обрядъ на равнѣ съ римскимъ; г) отступленіе униатского церковного обряда отъ первоначальной его чистоты и уподобленіе его латинскому обряду не вышло — по мнѣнію Малиновского — въ пользу уніи; лучше будетъ, возстановити въ униатской церкви первоначальную чистоту греко-восточного обряда, ибо такимъ образомъ будетъ возможно воздѣйствовать на православныхъ Востока и привлечь ихъ въ унію; впрочемъ необходимость сохраненія неприкосновенности восточного обряда признала вѣдь сама же конгрегация своимъ заявленіемъ отъ 13 іюля 1803 г. д) униатскихъ священниковъ не допускаютъ къ должности законоучителей въ учебныхъ заведеніяхъ; законоучителей

*) Тамъ же стр. 504.

совѣтъ несправедливо назначають единственно латинскіи консисторіи, уніатскіи же не имѣють въ томъ дѣлѣ ніякого голоса, которую несообразность слѣдуетъ устранить.

Митрополитъ Михайлъ Левицкій и перемышльскій епископъ Іоаннъ Снѣгурскій издали 10 марта 1841 г. пастырскіи посланія съ заявленіемъ, що они твердо будутъ стояти за унію, съ воззваніемъ къ паствѣ, дабы и она послѣдовала ихъ примѣру. Первый составлялъ молитву о укрѣпленіи въ католической вѣрѣ, которую приказалъ въ каждую недѣлю послѣ литургіи произносить въ голосъ*). Совѣты Малиновского о столько удостоились вниманія, що въ 1848 г. митрополитъ Левицкій получалъ титулъ примаса Галичины (тотъ титулъ могъ прежде прислужовати лишь латинскому архіепископу), послѣ же былъ произведенъ въ кардиналы. Переходъ изъ уніатского обряда въ латинскій былъ воспрещенъ только въ 1863 г. Послѣ 1848 г., подъ вліяніемъ политическихъ событій того же года, греко-славянскій обрядъ въ Галичинѣ получилъ отъ правительства и другіи облегченія.

Римско-уніатскій духъ началъ въ ту пору между молодшимъ поколѣніемъ русскихъ галичанъ ослабѣвати. Въ то время былъ въ Вѣднѣ посвященъ въ пряшевскіи епископы Іосифъ Гаганецъ.

*) Gazeta kościelna 1844 н-ръ 21.

Чинъ посвященія совершался въ часовнѣ императорской палаты въ присутствіи императора Фердинанда и всего императорскаго двора. При принесеніи присяги рукополагаемого на латинскомъ языкѣ были, какъ обыкновенно, произнесены слова: *persequor hereticos et schismaticos* (буду преслѣдовати еретиковъ и православныхъ). Православныи воспитанники вѣденской семинаріи соблазнились тѣмъ. Между ними возникъ споръ, какъ понимать тѣ слова. Одинъ изъ латинскихъ семинаристовъ (полякъ изъ тарновской епархіи) утверждалъ, що ихъ слѣдуетъ понимать въ буквальному смыслѣ. Тогда одинъ изъ галицко-русскихъ семинаристовъ, Тома Полянскій (впослѣдствіи учитель и директоръ гимназій) крикнулъ въ гнѣвъ: *Exsecrabilis sit ecclesia, quae talia jubet* (проклята буди церковь, учащая таковое)!. Въсть о такихъ словахъ, произнесенныхъ уніатскимъ семинаристомъ, поразила латинскую іерархію и государственныи лица. Но они поступили весьма осторожно. Колеблющогося молодого уніата дали, послѣ оконченія богословія, въ 1844 г. въ богословское заведеніе Фринтанеумъ, котораго учителями были придворныи капеланы, сами доктора богословія — настоятелемъ же придворный приходникъ (*Burgpfarrer*). Ему читали лекціи изъ церковной русской исторіи и доказывали, що хотя отъ временъ Керуларія греческая церковь находилась въ рос-

колѣ съ римскою, однако же кіевская митрополія оставалась въ связи съ папою и никогда открыто не отпадала отъ Рима*).

Дальшее веденіе униатскихъ дѣлъ находилось въ рукахъ ново-основанного ордена смартыхвстанцевъ (1841), о которыхъ будемъ говорить поздѣйше. Теперь возвратимся къ польской эмиграціи, которая, хотя находилась далеко внѣ предѣловъ Россіи и Галичины, все-таки продолжала производить вліяніе на южно-русскій народъ.

Эмиграція считала себе представителемъ польскаго народа и верховною властію, которой должны были безпрекословно покоряться поляки. Она подѣлилась на двѣ головныя партіи: Чарторыйскаго и демократовъ. Чарторыйскій, прежде другъ императора Александра I и министръ Россіи, послѣ одна изъ виднѣйшихъ личностей во время польскаго возстанія 1830/1 годовъ, еще въ варшавскомъ соймѣ 1831 г. былъ въ розладахъ съ демократами; теперь вражда на чужбинѣ усилилась. По его мнѣнію возстановленіе независимой Польши могло произойти лишь посредствомъ великихъ державъ, якими были: Франція, Англія, Австрія и Турція. Убѣдити тѣ державы о томъ, що для равновѣсія между ними необходима самостоятельная Польша и склонити

*) „О. Оома Полянскій“ Литерат. Сборникъ Галицко-русской Матицы. 1883 I стр. 105, 106, 108.

ихъ къ войнѣ въ пользу поляковъ — было головною задачею его политики. На его сторонѣ стояло большинство галицкой шляхты, желавшей его имѣти королемъ *). Но большинство эмиграціи пронянуто было иными воззрѣніями. По мнѣнію того большинства, вольная Польша могла быти восстановлена лишь на развалинахъ Россіи, Австріи, Пруссіи и другихъ великихъ державъ — путемъ всеобщей мировой революціи. По той причинѣ считало оно своею задачею: повсюду возбуждати неудовольствіе и подстрекати всѣ сословія населенія противъ ихъ правительствъ **). Въ манифестѣ своемъ отъ 1832 г. говорило упомянутое большинство эмиграціи: „Европа скидаетъ изъ себе послѣднюю одежду узкого самолюбія и умирающаго прошлаго. Она расходитя во вѣки съ прежними понятіями и всякаго рода преимуществами. Отъ теперь можетъ существовати лишь демократическая Польша. Представителемъ Польши есть лишь тотъ, кто хочетъ соединити интересъ Польши съ интересомъ человѣчества, кто хочетъ въ Польшѣ видѣти миліоны счастливыхъ, вольныхъ и благами природы

*) Krones: Geschichte der Neuzeit Oesterreichs стр. 551.

**) В. Limanowski: Józef Zaliwski (Dodatek literacki do Kuryera lwow. 1991 Nr 12—16. Wiktor Heltman. Dodatek do Kuryera lwow. 1891 Nr 26—34 — Heltman. Demokracya polska na emigracyi. Lipsk 1866.

пользующихся жителей, безъ различія сословій и вѣроисповѣданій, а не горсть привилегіованныхъ, живущихъ трудомъ другихъ.”

Въ 1832 г. польскіи демократы соединились въ Франціи въ одно общество, которое, въ мѣру того, якъ возросло количество членовъ, дѣлилось на секціи. Одна изъ секцій имѣла право старшинства и управляла другими. Такою была въ 1834 г. секція въ Поатѣ и она развила усердную дѣятельность въ отношеніи къ Галичинѣ. Однако того рода организація оказалась непрактичною и по той причинѣ въ 1836 г. выбрано было управленіе изъ всѣхъ секцій подъ названіемъ „Централизація“. Ея мѣсто-пребываніемъ былъ сначала городъ Поатѣ, а съ 1840 г. Версаль. Демократическое общество высылало въ Познанщину, Галичину и по части также въ Россію тайныхъ агентовъ и книжки польско-патріотическаго и революційнаго содержания. Въ Россіи агитація шла вяло по поводу строгихъ полицейскихъ мѣръ, предпринятыхъ русскимъ правительствомъ. Въ Галичинѣ и Познанщинѣ агитація выдала громаднй успѣхъ. Собщаясь съ карбонаріями и всякаго рода заговорщиками, польскіи эмигранты изучили всѣ приемы агитаціи, якъ вліати на личности въ психологическомъ отношеніи, якъ скрывать себе и прч.

Въ 1833 г. эмигрантъ Заливскій изъ Галичины пробоваль возмутити на-

селеніе въ Конгресовцѣ, но его дѣятельность не имѣла успѣха. Самъ онъ былъ арестованъ австрійскими властями и въ 1837 г. приговоренъ къ 20-лѣтней тюрьмѣ. Когда явились первыи эмисаріи отъ эмигрантовъ изъ Франціи, австрійское правительство приказало эмигрантамъ, пребывавшимъ въ Галичинѣ съ поры возстанія 1830/1 г., удалиться въ Америку, ибо въ 1833 г. во Львовѣ замѣчалось нѣкоторое броженіе умовъ и полиція узнала о тайныхъ сходкахъ и роспространеніи революційныхъ книгъ и брошуръ. Молодежь стала пѣти патріотическіи пѣсни *), дали слышатись даже воззванія къ избіенію шляхты **). Вскорѣ составились тайныи Общества, устроенныи по примѣру карбонаріевъ, т. е. пять заговорщиковъ составляло кружокъ, которою предводитель сообщался съ предводителемъ другою кружка, такъ що прочіи члены кружка не знали заговорщиковъ другихъ кружковъ. Въ случаѣ открытія одного кружка, могли быти другіи кружки безпечными. Не смотря на такую предосторожность, полиція узнавала о тѣхъ Обществахъ и производила арестованія въ громадныхъ размѣрахъ. То однако ніякъ не устрашало другихъ составляти новыи Общества. Въ сходкахъ принимали участіе и женщины въ мужескомъ убранствѣ. Они образовали свое

*) Wspomnienia z ubiegłych lat Andrzeja Józefczyka. Przegląd Polski XV, стр. 78 сл.

**.) Тамъ же стр. 97.

отдѣльное Общество, „Товарищество сестеръ“. Вотъ имена нѣкоторыхъ обществъ: Соединенныя карбонеры, Товарищество польскаго народа, Конфедерація (основанная Малиновскимъ въ Тарновѣ съ террористическими примѣтами, съ паролемъ: рѣзати шляхту), Молодая Сарматія и прч.

Членами тайныхъ Обществъ состояли: студенты университета и гимназій, воспитанники духовныхъ семинарій, городскіе чиновники, помѣщики и подофицеры, особенно изъ перемышльскаго полка Мацугели. Въ школахъ довольно было матеріала для демократическаго движенія, ибо мѣщане и жители посадовъ и мѣстечекъ, особенно въ западной Галичинѣ, охотно давали своихъ сыновъ въ гимназію, желая имѣти ихъ священниками, особенно съ поры, явъ буллою отъ 16 августа 1822 г. папа Левъ допустилъ до капитульныхъ достоинствъ (каноника и епископа) въ Польшѣ лицъ не шляхетскаго происхожденія*). Эмисаріи эмиграціи заставили свои сѣти также на русско-уніатскихъ семинаристовъ и священниковъ. Во Львовѣ въ русской духовной семинаріи явились революціонныя книжки, которыя семинаристы скрывали подъ поломъ. Выходившихъ на прогулку семинаристовъ брали эмисаріи (Ценглевиць и поэтъ Лозинскій) въ бернардинскій кляшторъ и тамъ внашали имъ

*) Juris pontificii de prop. fide IV стр. 619.

революційныи идеи*). Узнавши о томъ, приказала губернія митрополиту устроить въ зданіяхъ семинаріи лекціи о австрійскомъ патріотизмѣ. Лекціи тѣ читались обыкновенно разъ въ мѣсяць (въ четвергъ) однимъ изъ способнѣйшихъ семинаристовъ, представлявшимъ въ своемъ розсужденіи благодаренія австрійскаго правительства для галицкой Руси**). Не смотря на то, революційныи мысли вселились въ русскую семинарію. Даже одинъ изъ настоятелей семинаріи (свящ. Нисолай Городинскій) состоялъ членомъ управленія одного изъ тайныхъ Обществъ, семинаристъ же Климентій Мохнацкій былъ членомъ оного Общества. Къ другимъ обществамъ принадлежали русскіи семинаристы: Гречанскій, Охримовичъ, Покинскій, Кульчицкій, Мѣйскій, два Минчакевичи, Крижановскій, Гадинскій. Одинъ изъ нихъ, Гречанскій, въ 1838 г. выдалъ своихъ товарищей старостѣ въ Стрыгѣ, и они были арестованы. Два семинаристы: Лапчинскій и Кущикевичъ основали разомъ съ Людвикомъ Вильгельмомъ „Союзъ свободныхъ галичанъ“ съ паролемъ: „Независимая Польша, вонъ аристократія, уничтоженіе панщины, равенство имѣній, существующій строй истребить огнемъ и мечемъ“...

„Товарищество польскаго народа“

*) І. К. Сѣнкевичъ. Начало ютжнаго дѣнія въ галицкой Руси (Всѣда, Львовъ 1888 стр. 59.

**) Тамъ же стр. 59.

выслало въ 1835 г. въ Польшу эмисаріевъ, которымъ было поручено убить царя Николая въ пору, когда онъ дѣлалъ смотръ войскамъ въ Калишѣ. Но тѣ эмисары были арестованы по доносу Беренса, бывшего офицера польскихъ войскъ. Въ 1839 г. рознеслись во Львовѣ слухи о преднамѣряемыхъ новыхъ убійствахъ и покушеніяхъ. Вслѣдствіе того австрійская полиція усилила свою бдительность, и попавши на слѣды нѣкоторыхъ Обществъ, предприняла предохранительныя мѣры. Одна рота полка Мацугели была розоружена; одинъ батальонъ полка Леммингъ переведенъ изъ Самбора въ Перемышль. Въ 1841 г. правительство знало уже о всѣхъ Обществахъ и стало арестовати членовъ *). Богатшіи изъ помѣщиковъ указывали правительству на эмисаріевъ **).

Русское населеніе волновали головнымъ образомъ Ценглевичъ и нѣкій Попель. Первый былъ польскимъ вонномъ 1831 г. и чиновникомъ магистрата въ Самборѣ. Въ 1836 г. арестовали его, но онъ бѣжалъ изъ тюрьмы и скрывался въ золочевскомъ и жолковскомъ округахъ между крестьянами, для которыхъ, по примѣру Падуры, составлялъ пѣсни на малорусскомъ нарѣчїи, выставляя въ нихъ на видъ нужду сельского народа, панцину, податки, рекрутчину и прч.

*) Послѣ Юзефчика я. в.

***) Mazurkiewicz: Demokracja polska i jej przeciwnicy 1869 стр. 23.

Нѣкоторые изъ его пѣсенъ поются до сихъ поръ, именно: „Ой роле моя, роле“... „Далѣй братья въ руки косы“... Въ 1839 г. его опять арестовали и приговорили къ 20-лѣтней тюрьмѣ.

Не смотря на разбитіе Обществъ, броженіе умовъ продолжалось. Готовились серіозныя событія. Даже аристократическая партія Чарторыйскаго, въ которой принадлежали члены шляхетскаго сейма, стала преклоняться на сторону демократовъ и въ статьѣ 5 рѣшениій сеймовыхъ отъ 1845 г. сдѣлала предложеніе правительству, чтобы панщину выкупило. „Централизація“ опредѣлила годъ 1846 яко срокъ, въ которомъ одновременно должно было вспыхнуть возстаніе во всѣхъ польскихъ областяхъ. Слова: „возстаніе, отчизна, независимая Польша“, съ долгихъ поръ волшебнo дѣйствовали на поляковъ. Такъ и теперь стали готовиться къ мятежу и демократы, и социалисты и аристократы, не разбирая, якъ и къ якимъ цѣлямъ повести дѣло. Но прежде чѣмъ возстаніе вспыхнуло, возникъ споръ о томъ, кто долженъ нимъ руководити? Галицкая шляхта хотѣла, чтобы нимъ управлялъ будущій „король“ Чарторыйскій, но на то возразили демократы: Польское дѣло есть съ природы революціоннымъ, монархамъ же противенъ революціи*)... Мѣрославскій требовалъ диктатуры, но де-

*) Wiktor Helman а. в. к-ръ 30.

мократы рѣшили, чтобы возстаніемъ управляло „національное правительство“ (rząd pańodowy), въ которое избрали: Алцъята, Либельта, Весоловского, Горжковского и Гельтмана. Въ Познанщину въ концѣ 1845 г. прибылъ Мѣрославскій. Въ половинѣ февраля 1846 г. издадо краковское національное правительство манифестъ къ полякамъ, начинавшійся со словъ: „Часть возстанія уже ударилъ, цѣлая Польша движется и соединяется. Есть насъ двадцать миліоновъ“...

Губернаторомъ Галичины былъ въ ту пору архикнязь Фердинандъ д' Эсте, его же помощникомъ баронъ Кригъ фонъ Гогенфельденъ, виртенбержецъ, прибывшій въ Галичину въ молодомъ возрастѣ съ родителями. Кригъ былъ другомъ селянъ и русскихъ, архикнязь же спріялъ шляхтѣ. Первый требовалъ усиленія вооруженной силы въ Галичинѣ, второй считалъ ту мѣру излишнею *). Директоромъ полиціи во Львовѣ былъ тогда Сахеръ-Масохъ, розвинувшій съ старостами Брейнлемъ въ Тарновѣ и Мильбахеромъ во Львовѣ самую горячую дѣятельность. Старосты въ цѣлой Галичинѣ получили тайныя указанія и прежде чѣмъ возстаніе вспыхнуло, приглашали къ себѣ тайно крестьянъ, приказуя имъ, каждого зывающаго ихъ къ борьбѣ за свободу

*) Кроня стр. 551.

Польши, арестовати и отставляти вла-
стямъ *).

Возстаніе въ Галичинѣ опредѣлено
было на 18 февраля и въ тотъ же день ста-
ли въ западной Галичинѣ собираться въ
помѣщачьихъ дворахъ вооруженны от-
ряды шляхты и прочихъ заговорщиковъ,
взвывая одновременно крестьянъ, соеди-
ниться съ ними для борьбы за отчизну**).

Тутъ-то обнаружилось, якъ ловко умѣ-
ло австрійское правительство склонити
галицкаго крестьянина на свою сторону.
Бартошовъ-Головацкихъ и Килинскихъ
съ времени Костюшка не было — вмѣ-
сто нихъ явился Якубъ Шеля.

Когда 18 февраля шляхта возвала
мазурскихъ крестьянъ въ западной Га-
личинѣ въ возстанію, кинулись на ню
крестьяне, ранили, вязали, клали на вс-
зы и отставляли старостамъ. Первый
фактъ того рода случился въ Лысой го-
рѣ вблизи Тарнова. Здѣсь возстанцы по-
ощряли собравшихся въ корчмѣ селянъ,
соединитись съ ними. Хлопы отвѣтили,
що охотно будутъ битись за отчизну и
пойдутъ на австрійское войско, если имъ
дадутъ оружіе... Но едва они получили
оружіе, сейчасъ кинулись на пановъ,
повязали ихъ и отставили старостѣ Брейн-
лю въ Тарновъ.. Въ тарновскомъ окру-

*) G. Goehring-Szwejkowski: *Historya
narodu polskiego* Lwów 1861 IV стр. 114.

***) A. Tessarczyk: *Rzeź galicyjska* 1846.
Kraków 1848 — W. Czaplicki. *Powieść o Horo-
żannie*. Lwów 1862.

зѣ крестьянинъ Яковъ Шела разомъ съ сыномъ своимъ Сташкомъ, зятѣмъ, шуринами, сродниками и многими отпускными воинами образовали шайку, которая больше всѣхъ совершила убійствъ. Между мазурекими селянами рознесся слухъ, що правительство платитъ за убитого пана 10 гульденовъ золотомъ, за живого же 5 гульд. То поощрило селянъ къ тѣмъ большой свирѣпости. Больше всего было шаекъ въ ряшевскомъ округѣ, гдѣ и погбло наибольше шляхты. Польскіи хлопы выдумали тогда презрительное названіе для шляхты: цяраха. Ген. Легедицъ оставилъ ряшевскій округъ съ западной стороны военнымъ кордономъ, щобы охранити тарновскую шляхту отъ совершенного избіенія. „Галицкая рѣзня“ продолжалась отъ 19 до 22 февраля и обнимала кромѣ ряшевскаго и тарновскаго, также бохѣнскій, ясельскій, ново-сандецкій и сяноцкій округи. Вообще пало двѣ тысячи жертвъ.

Во Львовѣ происходили волненія отъ 14 до 16 февраля, но были подавлены, при чемъ произошли численныя арестованія. 25 февраля пробовалъ еще Теофиль Висневскій возмутити населеніе, но безуспѣшно. Военныи силы для подавленія возстанія пришлось употребити лишь въ западномъ концѣ Галичины, ибо здѣсь вторгнули изъ Кракова большіи отряды повстанцевъ. Туда былъ высланъ съ особеннымъ полномочіемъ ген. Бенедекъ, который, собравши большіи воен-

ныи силы воѣругъ Велички, побилъ 26 февраля повстанцевъ подъ Гдовомъ и помогъ ген. Коллину взяти приступомъ Подгурже воадъ Кракова. Дня 3 марта вступило австрійское войско въ Краковъ, куда прибыло также прусское и русское войско. Мятежь былъ совершенно подавленъ.

Первымъ послѣдствіемъ мятежа 1846 г. было паденіе вольной республики краковской, установленной на вѣденскомъ конгресѣ 1815 г. и находившейся подъ опекою Австріи, Пруссіи и Россіи. Она служила головнымъ притономъ для эмисаріевъ эмиграціи и по той причинѣ уже разъ (въ 1836 г.) занята была союзными войсками. Тогда много эмигрантовъ, между ними и извѣстный галицко-русской публици монахъ чина св. Вас. вел. Владиміръ Терлецкій, были насильственно подъ военною эскортою вывезены въ Триестъ и оттуда во Францію*.) Теперь, договоромъ отъ 6 ноября 1846, между Австрією, Россією и Пруссією, краковская рѣчь посполитая была присоединена къ Австріи. Въ Краковѣ существовала съ 1803 г. униатская церковь, перестроенная изъ костела св. Норберта**).

Дальшимъ послѣдствіемъ возстанія 1846 года были численныи арестованія и кары за участіе. Правительство распо-

*) Записки Вл. Терлецкаго стр. 16.

**) Русская церковь въ Краковѣ (Червоная Русь, Львовъ 1889 и-ръ 255, 256.)

рядило, чтобы на имѣніяхъ помѣщиковъ, помогавшихъ мятежникамъ, обезпечити ипотекою всѣ державныя убытки и военныя расходы, вызванныя мятежемъ. Нѣкоторымъ помѣщикамъ отняло правительство ихъ имѣнія*). Изъ арестованныхъ были 31 іюля 1847 г. во Львовѣ повѣшены Теофілъ Висневскій и Іосифъ Капусцинскій, другіе вывезены въ крѣпости Моравіи, Чехіи, Венгріи и Тироля.

Третьимъ послѣдствіемъ возстанія были новыя патенты въ пользу крестьянъ, которымъ правительство хотѣло вознаградити за ихъ вѣрность. Уже 13 апрѣля изданъ былъ патентъ, устраняющій далекія подводы и помощничіи дни. Но такъ какъ тотъ патентъ не удовлетворилъ крестьянъ, то 12 ноября 1846 г. обнаруженъ былъ новый, низводившій панщину до самыхъ малыхъ предѣловъ. Но пока послѣднее распоряженіе вошло въ дѣйствіе, произошли волненія 1848 г.

Четвертымъ послѣдствіемъ возстанія была ненависть галицкой шляхты и вообще интеллигентнаго польскаго сословія къ австрійскому правительству. Поляки прямо обвиняли австрійскихъ чиновниковъ въ подстреканіи хлопозъ и кровопролитіи. То самое говорили въ французскомъ парламентѣ Ларошжаklenъ и Монталамберъ. Австрійское правительство видѣло себе принужденнымъ 7 марта 1846 г. выслати всѣмъ кабинетамъ циркулярную депешу, оправдыва-

*) Goehring-Szwejkowski V стр. 1.

ющую себе въ очахъ Европы. Ненависть поляковъ усилилась, когда предводитель тарновской рвани Шеля, переселившись въ Буковину, надѣленъ былъ золотымъ крестомъ за услуги и купилъ помѣстье. Галицкая шляхта стала предпочитать австрійскому русское правительство. Въ Галичинѣ стали рассказывать о одномъ русскомъ полковнику въ Царствѣ польскомъ, который, собравши крестьянъ изъ нѣсколькихъ селъ, спросилъ ихъ: кто изъ васъ готовъ такъ, какъ въ Галичинѣ, рѣзати пановъ? Выступило напередъ нѣсколько десятковъ крестьянъ. Тогда полковникъ обставилъ ихъ воинами и приказалъ всѣхъ высѣчи палками.

Когда въ Европѣ разразился шумъ по поводу галицкихъ происшествій, архикнязь Фердинандъ д' Эсте отказался въ апрѣлѣ 1846 г. отъ должности губернатора и его мѣсто занялъ гр. Рудольфъ Стадіонъ. Но сей, видя ненависть поляковъ, не дававшихся никакъ задобрить, и не могучи помочи населенію, которое уже осенью страдало отъ голода, добровольно отказался отъ должности, въ которую вступилъ братъ его гр. Францъ Стадіонъ.

Австрійское правительство, видя ненависть поляковъ, постановило сблизиться къ русскому населенію Галичины. Въ *Augsburger Allgemeine Zeitung* появилась въ 1846 г. статья, озаглавленная „Отъ Двѣстра“ *), обратившая вниманіе

*) *Kronen* стр. 558.

на жалкое положеніе русскихъ жителей въ Галичинѣ. Въ томъ же году Григорій Яхимовичъ, съ 1841 г. епископъ-суфранганъ митрополита Левицкаго, ставшій вокругъ себе соединити галицко-русскихъ патриотовъ, предложилъ вѣденскому правительству пропамятное письмо въ дѣль положенія русского населенія въ Галичинѣ. Вскорѣ потомъ (въ 1846 г.) появилась въ Липску на нѣмецкомъ языкѣ брошура Я. Головацкаго п. з. *Zustände der Russinen in Galizien, von Nawgujo Rusyn*, въ которой авторъ совѣтовалъ австрійскому правительству опирати свою власть въ Галичинѣ на русскомъ народѣ, яко самомъ надежномъ въ государствднномъ отношеніи элементъ. И Яхимовичъ, и Головацкій станули на становищѣ малорусского сепаратнама, предлагая Австріи, вмѣсто бунтующихся поляковъ употребити галицкую Русь яко политическое орудіе противъ Россіи. По ихъ мнѣнію галицкая Русь могла въ видахъ австрійской политики вліяти на украинскихъ малороссовъ.

Такое проявленіе малорусскихъ сепаратистическихъ пробъ въ Галичинѣ слѣдуетъ объяснить съ одной стороны развитіемъ малорусской литературы, съ которою точно тогда стали познакомляться галичане, съ другой же стороны чистыми политическими соображеніями первыхъ дѣятелей среди русскихъ галичанъ. Они видѣли, якъ съ начала 19-ого вѣка правительство мѣшало національ-

ному подъему ихъ народа, якъ не позволяло даже печатати русскіи книги и издавати русскіи газеты. Они наглядно могли убѣдиться, що точно по поводу сродства галичанъ съ великоруссами правительство предпочитало польскій элементъ русскому и къ послѣднему относилось подозрительно. Въ виду сказанного неудивительно, если Яхимовичъ и Головацкій, желая помочи своему народу и приобрѣсти ему благоволеніе вѣдѣнскаго правительства, прибѣгнули къ такой уловцѣ.

Воззрѣнія Яхимовича и Головацкого, выраженные въ 1846 г., стоятъ въ связи съ стремленіями третьей партіи среди польскихъ эмигрантовъ, которая не выступала тогда публично по поводу своей малочисленности, но вмѣсто того дѣйствовала на литературномъ поприщѣ. Галичане не сознавали тогда той связи, хотя они и поддавались вліянію оной партіи.

Среди польскихъ эмигрантовъ были лица, не примкнувшіи ни къ демократамъ, ни къ партіи Чарторыйскаго, а избравшіи иной путь, чтобы возстановити независимую Польшу. Къ нимъ принадлежали: Янскій, Целинскій (уроженецъ Волыни и бывшій ученикъ кременецкой школы), Семеновъ (сынъ православнаго офицера лейбъ-гвардіи, женившася на польцѣ, которая сына окрестила въ латинскомъ обрядѣ), Богданъ и Юсифъ Залескіи, Стефанъ Витвицкій,

Цезарь Плятеръ, Велогловскій, Козмянъ, Адамъ Мицкевичъ, Владимиръ Терлецкій*). Душею того кружка былъ сначала Янскій, основавшій въ 1835 г. „братство народной службы“. Возрѣнія того кружка были слѣдующіи: Польша пала вслѣдствіе грѣховъ, вслѣдствіе испорченности высшихъ слоевъ польскаго народа. Прежде чѣмъ думать о останіяхъ и попыткахъ возстановленія Польши, нужно искоренити зло, внѣдрившееся въ польскій народъ, именно легкомысліе, самолюбіе, лѣнь, сварливость, развратъ и прочіи пороки. То можно совершити лишь на религійномъ, католическомъ основаніи. Единственно католицизмъ можетъ спасти Польшу. „Служите Богу, поляки, а Богъ спасетъ Польшу“. „Ищите прежде всего царствія Божія и Божьей справедливости“ — вотъ такіи оклики должны служить руководствомъ для поляковъ. Католицизмъ освободитъ Польшу, ибо онъ: 1) консервативенъ, слѣдственно сбережетъ польскую національность; 2) единственно онъ можетъ подвинуть поляковъ къ героическимъ, полнымъ посвященія дѣйствіямъ; 3) посредствомъ него можно осудити заблужденія и демократовъ и аристократовъ; 4) онъ научитъ поляковъ согласія и по-

---

*) P. Smolikowski. Początki odrodzenia religijnego na wychodźstwie. (Przegląd Polski 7. CI н-ръ 302 стр. 371—378, 627—654. — Записки Влад. Терлецкаго стр. 19, 20.

рядка, чего имъ до сихъ поръ недоста-
етъ ; 5) онъ соединитъ поляковъ съ дру-
гими славянскими народами, располо-
женными къ свободѣ... Задачею поля-
ковъ, яко католиковъ, есть: приня-
ся за укрѣвленіе и распространеніе вла-
сти папы, такъ чтобы она обняла весь
міръ, ибо лишь въ такомъ мировомъ у-
стройствѣ можетъ воскреснути Польша.
Второю обязанностию поляковъ есть:
поборывать православіе и старатися, що-
бы славянскіи народы стались католиче-
скими, ибо они выступаютъ теперь на
всемирное поприще „внося въ него свѣ-
жій силъ.“

Для исполненія оныхъ задачъ долж-
ны между поляками образоватися брат-
ства и Общества, имѣющіи дѣйствовать
на всѣхъ поприщахъ: школьномъ, лите-
ратурномъ, научномъ, художественномъ,
политическомъ и военномъ. Прежде все-
го слѣдуетъ старатися о польско-като-
лической университетъ. Поляки должны
избирати своими покровителями и осо-
бенно почитати свв.: Яцка, Яна Кантога,
Станислава и Иосафата.

Сей кружокъ называютъ обыкно-
венно кружкомъ Яяского или Мицкеви-
ча. Характеръ его, якъ видимъ, былъ
католическо-славянофильскій. Въ поли-
тической жизни онъ ничѣмъ не отли-
чился, но такъ якъ въ его составъ вхо-
дили лучшіи польскіи поэты и писатели,
то сочиненія ихъ съ временемъ произ-
вели переломъ въ духовной жизни поля-

ковъ и далѣ направленіе польскимъ мыслямъ. Для приведенія въ дѣйствіе идей кружка Янскаго, основана въ 1841 г. ордень з м а р т в ы х в с т а н ц е в ь.

Кружокъ Янскаго и Мицкевича нашолъ первыхъ покровителей въ Велико-Польшѣ и въ Украинѣ. Члены его особенно интересовались возникавшею тогда украинскою литературою. Мицкевичъ назвалъ малорусскій языкъ самымъ милозвучнымъ и считалъ Украинну землею „нерозгаданныхъ назначеній, посредствующимъ и нейтральнымъ мѣстомъ между Польшею и Россіею, на которомъ уже начали состязаніе поэты двохъ народовъ“ *). Особенно стоялъ за этнографическую и политическую самостоятельность Украины Семененко, надъ которымъ польскіи демократы съ той причины подшучивали, называя его изобрѣтателемъ новаго русскаго народа въ Польшѣ **). Ближшія сношенія парижскаго кружка Мицкевича съ малороссами, особенно съ Шевченкомъ, выяснять, можетъ быти, корреспонденціи, до сихъ поръ не обнаруженныя, особенно корреспонденція Шевченка съ Бр. Залескимъ. Исслѣдованія Дашкевича, Франка и Третьяка ***) доказываютъ вліаніе Миц-

*) Przegład Polski 1887 III стр. 99, 100.

***) Pólmoc. Paryż 1835 н-рѣ 16.

***) П. Дашкевичъ. Отзывъ о сочиненіи Петрова: Очерки исторіи украинской литературы XIX стол. 1884 стр. 174—174. — Франко

кевича на Шевченка по отношеніи къ политическимъ вопросамъ и крѣпацтву. Если въ кружку кievскихъ украиннофиловъ въ 1840-выхъ годахъ былъ въ обращеніи малорусскій переводъ сочиненія Мицкевича п. з. *Księgi pielgrzymstwa narodu polskiego*, въ которомъ слово „Польша“ замѣнялась словомъ „Украина“ и послѣдняя представлялась порабощенною „москалемъ“, то слѣдуетъ полагати, що и на этнографическія воззрѣнія украинцевъ имѣлъ вліяніе парижскій кружокъ *). Одинь католицизмъ ніякъ не могъ привитись у украиннофиловъ. Поэмы Шевченка были направлены протівъ папы и римской церкви и для того усилія парижскихъ эмигрантовъ въ отношеніи къ украиннофиламъ были не вполне удачны.

Як. Головацкій сознаеть, що онъ въ первый разъ обратилъ свое вниманіе на украинскую словесность тогда, когда, розсмотривая *Tygodnik petersburgski*, случайно попавшій въ львовскую бібліотеку Оссолинскихъ, нашолъ въ отдѣленіи „Библиографія“ заглавіе Котляревского Энеиды и исторіи Бантышъ-Каменского. Онъ тотчасъ пожелалъ приобрѣсти тѣ сочи-

---

Перебендя Шевченка съ переднимъ словомъ Львовъ 1889. *Franko Mickiewicz w literaturze ruskiej*. Kraj 1886 Nro 46. *Tretjak Pro wpływ Mickiewicza na Szewczenka* Kraków 1894.

*) „Дѣло“ 1893 ч. 39 (фейлетонъ.)

ненія *). О Маркіанѣ Шашкевичѣ извѣстно, що ему въ 1832 г. помѣщикъ Княжого, совѣтникъ губерніи Василевскій, дававъ польскихъ, сербскихъ и малорусскихъ писателей и доставлялъ также другіи книги изъ бібліотеки Оссолинскихъ. Шашкевичъ читавъ у Василевского въ первый разъ Энеиду Котляревского, сборникъ украинскихъ пѣсенъ Максимовича, Слово о полку Игоревомъ, Краледворскую рукопись, Судъ Любушинъ, сочиненія Дубровского, Древности Шафарика, письма Вука Степановича, Раковецкого Русскую Правду и съ тѣхъ поръ сталъ изучати народный языкъ **).

Несомнѣвно, що къ пробужденію малорусского духа у галичанъ въ немалой части причинились поляки, и то подъ вліяніемъ той партіи, которой первы слѣды видимъ въ начинаніи Падуры и Вацлава Ржевуского въ 1825 г., дальнейшее же развитіе того духа поддерживалось парижскимъ кружкомъ Янского и Мицкевича. Пѣсни Падуры пѣлись уже тогда въ Галичинѣ, поэзіи же Богдана Залеского, писанныи на основаніи козацкихъ преданій, радо читались галичанами и обращали ихъ взоры къ Днѣпру и запорожской Сѣчи. Конечно, направленіе, которое приняло малорусское движеніе въ Галичинѣ и на Украинѣ, не

*) Я. Головацкій: Замѣтки и дополненія къ статьямъ г. Пышина. Вильна 1888 стр. 54.

**) Родный Листокъ 1881 стр. 27.

оправдало надеждъ поляковъ въ политическомъ отношеніи. Галичане и украинцы, хотя они и проникнулись любовью къ областнымъ своимъ нарѣчіямъ и развили у себе родъ мѣстнаго патріотизма, но для мысли возстановленія Польши не воодушевлялись, напротивъ же, относились въ послѣдствіи къ полякамъ больше враждебно, нежели коренныи великороссы.

Такъ въ періодъ отъ 1832—1846 г. вліяли на галицкихъ русскихъ польскіи демократы и католики-славянофилы изъ парижскаго кружка Явскаго, Мицкевича и обоихъ Залескихъ. Послѣдніи основали Общество Zjednoczenie (Соединеніе), издававшее газету „Бѣлый Орелъ“ и прекратившееся въ 1846 г. Безпристрастность исторической науки велить намъ отмѣтити, що и польскіи демократы подерживали національное движеніе у русскихъ галичанъ. Во первыхъ помѣщики, посесоры имѣній и мандаторы, сочувствовавшіи демократической идеи, не мѣшали народному просвѣщенію и даже наклоняли крестьянъ и посадскихъ людей посылати своихъ сыновъ въ гимназій, вслѣдствіе чего число русскихъ образованныхъ людей убольшилось; — во вторыхъ они обращали вниманіе униатскихъ священниковъ, проникнувшихся — подъ вліяніемъ рутенизма — за надто сословнымъ духомъ, на простонародіе и сблизжали ихъ съ народомъ. Вліянію демократовъ подверглось было нѣсколько

лицъ, отыгравшихъ потомъ виднѣйшую роль на поприщѣ народнаго возрожденія галицкой Руси, какъ на пр.: нок. Ив. Наумовичъ, просвѣтитель галицко-русского народа, и здравствующій нынѣ Іоаннъ В. Гавришкевичъ, приходникъ въ Каменцѣ Лѣсной.

Католики-славянофилы изъ среды эмигрантовъ не производили тогда большого вліянія на Галичину, которая составляла поприще для дѣятельности демократовъ и Чарторыйскаго. Обученіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и въ университетѣ велось въ рационалистическомъ направленіи. Вслѣдствіе того въ Галичинѣ въ періодъ до 1848 г. не было усиленной католической пропаганды. Лишь по мѣстечкамъ и городамъ, вслѣдствіе нерадѣнія мѣстныхъ русскихъ приходниковъ, латинскіи ксендзы и монахи перетягали русскихъ мѣщанъ и чиновниковъ на латинскій обрядъ. Правленіе Іосифа II, не смотря на его либерализмъ, все-таки старалось на сѣверо-восточныхъ окраинахъ государства распространяти римскій католицизмъ.

Въ пору занятія Буковины Австріею въ томъ краѣ не было ни одного католическаго костела, ни одного католическаго прихода, ни одного ксендза, ни одной протестантской кирки, ни еврейской синагоги. Съ 1778 г. стали строиться тамъ костелы на счетъ государства. Въ 1778 г. возникъ католическій приходъ Садогура, 1784 Вашковцы, 1785

Гура-Гумора, Иштенсегичъ, Фогоди Иштень, Кимпогунгъ, Качика, Новый Солянецъ, Люнзенталь (8 въ одномъ году). Въ 1792 г. при императорѣ Леопольдѣ II учрежденъ былъ лишь приходъ Радовцы; при Францѣ I: 1794 Гадикъ-Фальва, 1812 Коцманъ, Выжница, Арасна, Заставна, 1818 Якобени. При Фердинандѣ I: 1842 Карльсбергъ, 1843 Андрасфальва. Въ Галичинѣ основаны католическіи приходы при Маріи Тересіи и Иосифѣ II: 1775 Радеховъ, 1776 Пѣстынь, 1777 Маркова, 1780 Микулинцы, 1786 Брукенталь, 1787 Ганчова, 1788 Витковъ, 1790 Снятинъ. При Леопольдѣ II: 1791 Милатинъ, 1792 Оброшинъ, Вайсенбергъ, Фельдбахъ. При Францѣ I: 1798 Качановка, 1807 Бѣлгора (Вайсенбергъ), 1814 Пеняки (?). Въ 1814—1842 не учреждено ни одного латинского прихода въ восточной Галичинѣ. Только въ 1842 г. вознъ приходъ Махлинецъ, 1843 Фелиціенталь, 1846 Велдѣжъ*).

Въ западной Галичинѣ учредилъ Иосифъ II въ 1783 г. епископство въ Тарновѣ, желая освободити своихъ подданныхъ отъ зависимости краковского епископа, засѣдавшего въ сенатѣ польскаго королевства. Въ 1807 г. было то епископство закрыто, но въ 1816 г. возобновлено яко епископство Тынецкое. Въ 1826 г. переселился епископъ изъ Тынца въ Краковъ.

*) Я. Головацкій: Народныя пѣсни галицко-й и угорской Руси ч. I стр. 644, 668.

Въ то время былъ восстановленъ орденъ іезуитовъ буллою Пія VII: *Sollicitudo omnium ecclesiarum* (отъ 10 августа 1814 г.) Съ поры его кассаты — орденъ сей держался единственно въ Россіи, гдѣ выбиралъ себѣ своего генеральнаго викарія. Но такъ якъ онъ, послѣ восстановления своего, началъ въ Россіи открытую католическую пропаганду, то русское правительство изгнало іезуитовъ (въ 1817 г.) изъ Петербурга и Москвы, а въ 1820 (указомъ отъ 25 марта) изъ цѣлаго государства. Часть прогнанныхъ изъ Россіи іезуитовъ поселилась въ Галичинѣ, основавъ монастыри въ Тернополѣ и Новомъ Сончѣ. Тернопольскіи іезуиты перевели въ 1830-ти годахъ около 1000 лицъ униатовъ на латинскій обрядъ.

VI.

Духовная жизнь австрійской Руси въ
1772—1847 гг.

Не имѣя политической независимости, ни дворянскаго сословія, ни зажиточнѣйшихъ мѣщанъ, австрійская Русь не могла въ государственной области громко проявити свою жизнь. Она должна была ограничати свою дѣятельность на отстаиваніи своей національности на церковномъ и литературномъ поприщахъ. Въ томъ отношеніи начали сперва трудиться угро-россы, которые, не смотря на свою малочисленность, въ концѣ 18

и началъ 19-ого вѣка располагали большимъ количествомъ образованныхъ и свою національность сознающихъ лицъ, нежели галичане.

Первое мѣсто между угро-русскими дѣятелями въ оную пору принадлежитъ епископу мукачевскому Андрею Бачинскому, интересовавшемуся великорусскою литературою и собравшему на свои собственные средства библіотеку въ 9000 томовъ *). Изъ русскихъ поэтовъ онъ прежде всего любилъ Ломоносова, которого называлъ „патріархомъ русскаго языка.“ Его сподвижникомъ былъ монахъ Базиловичъ, напечатавшій на латинскомъ языкѣ трудъ п. з. *Brevis notitia fundationis Koriatovics* (Короткая записка объ учрежденіи Коріатовича). Сочиненіе то имѣло большое вліяніе на пробужденіе національной жизни въ венгерской Руси. Умственный перевѣсъ угро-россовъ надъ галичанами окажется также изъ того, что правительство принуждено было приглашати изъ Угорщины учителей для русскихъ преподаваній во Львовѣ. Угрососомъ былъ Венелинъ (Юрій Ивановичъ Гуца), ученикъ ужгородской (унгарской) гимназіи, послѣ студентъ львовскаго университета, впоследствии переселившійся въ Россію и издавшій кромѣ нѣсколькихъ историческихъ разсужденій — сочиненіе п. з. „Древніе и нынѣшніе

---

*) Жизнеописаніе Андрея Бачинскаго въ унгарскомъ Мѣсяцесловѣ за 1864 г.

болгаре* Москва 1829. Последнее сочинение обратило на себе внимание болгаръ и поощрило ихъ, заниматься своею родною исторіею. Венелина считаютъ пробудителемъ національного болгарскаго духа **). Сверстникомъ Венелина былъ священникъ Лучкай, написавшій: *Historia Carpatho-ruthenorum in Hungaria* (Исторія карпато-россовъ въ Угорщинѣ), которая однако осталась въ рукописи. Сверхъ того въ 1830 г. Лучкай напечаталъ на латинскомъ языкѣ первую угорско-русскую грамматику подъ заглавіемъ: *Grammatica slavo-ruthena* (Славяно-русская грамматика). Онъ подчинился совершенно современному славянофильскому теченію въ Австріи и вслѣдствіе того въ своей грамматикѣ обработалъ мѣстное угорско-русское нарѣчіе, ибо современная славянофильская школа настаивала на томъ, чтобы ввести въ словесность простонародную рѣчь. Славянофилы требовали однако также общаго славянскаго литературнаго языка. Лучкай въ предисловіи къ своей грамматикѣ совѣтовалъ принять старо-славянскій языкъ яко общелитературный для всѣхъ славянъ *). Усиліямъ Бачинскаго и Лучкай удалось поддержати національность своихъ соплеменниковъ, подвергавшихся до 1830

**.) Историко-критическія изысканія Юрія Венелина Т. I. Москва 1856 I—XLVIII.

*) П. Феерчакъ: Очеркъ литературнаго движенія угорскихъ русскихъ. Одесса 1888 стр. 15.

г. латинизаціи и съ 1830 года мадьяризаціи.

Въ Галичинѣ вліяли на развитіе и ходъ русско-народной жизни правительственными мѣропріятіями, польское общество, личности епископовъ и другіи славянскіи народы Австріи. Единственнымъ представителемъ вліянія великороссовъ на развитіе русскаго народа въ Галичинѣ можетъ считатися Погодинъ.

Польское общество въ Галичинѣ, послѣ паденія Польши, не предавалось, якъ мы выше сказали, серіозному умственному или экономическому труду, но до 1830 г. безпрестанно мечтало о возстановленіи Польши съ помощью Наполеона или Александра I. Послѣ 1830 г. оно составляло тайныя заговоры. При такихъ обстоятельствахъ не могъ выйти отъ польскаго общества толчекъ, который подвинулъ бы русскіихъ галичанъ къ якому нибудь успѣшнѣйшему труду на общемъ поприщѣ. Галицкіи поляки на столько жили и мыслили по-польски, на сколько они получали патріотическо-польскіи побужденія отъ эмигрантовъ или отъ русскіихъ поляковъ. Та духовная дремота галицкихъ поляковъ свойственна была также галиццамъ рутенцамъ, которыя только послѣ 1831 г. стали пробуждаться изъ летаргическаго сна.

Личность галицкихъ униатскихъ іерарховъ отыгрывала не малую роль въ исторіи сего періода. Епископъ львовскій Левъ Шептицкій (1748—1779), а съ

1778 г. митрополитъ кіевскій съ мѣсто-
 пребываніемъ во Львовѣ, былъ усерд-
 нымъ защитникомъ самостоятельности у-
 ніатской церкви. Отнявши у василіанъ
 управление львовской епархіи, спасъ онъ
 русскую народность въ Галичинѣ отъ
 гибели. Его ненавидѣло латинское духо-
 венство и навѣрно подъ внушеніемъ по-
 слѣдняго нѣмецкіи чиновники назвали
 его кутилою и интригантомъ *). Его на-
 слѣдникъ Петръ Бѣлянскій (1780—1791),
 первый уніатскій епископъ изъ бѣлого
 духовенства, принужденъ былъ (по на-
 стоянію римского престола) предъ по-
 священіемъ въ епископы принять для
 вида монашество. Онъ издалъ три па-
 стырскіи посланія (въ 1781, 1782, 1790)
 по польски, одно въ 1794 г. по русски**).
 У правительства выхлопоталъ онъ рус-
 скіи каѳедры на львовскомъ универси-
 тетѣ и слѣдовательно надо его считать
 проникнутымъ русскимъ національнымъ
 духомъ. Онъ любилъ читати славянскіи
 богословскіи книги и совершати богослу-
 женіе среди самого большого блеска.
 Литургію и вечерню служилъ онъ въ
 сопровожденіи музыки съ флетами и ба-
 рабанами. Во все время своего правле-
 нія велъ онъ борьбу съ василіанами,
 которыя, хотя устраненныя отъ власти
 надъ епархією, все-таки обитали въ зда-

*) И. Заневичъ: Літературні стремленя
 галицкихъ русинів (Житє и Слово 1894 II.)

***) Encyklop. Orgelbranda: Piotr Bielański biskup.

ніахъ кафедральной церкви и не хотѣли уступить. Василянѣ не давали епископу и крылошанамъ употреблять церковныя книги, церковныя ризы, утварь и свѣчи при богослуженіи, утверждая, що все то есть ихъ собственностью и вслѣдствіе того епископъ и крылошане принуждены были приносить съ собою книги, ризы и свѣчи. Когда епископъ или крылошанинъ совершалъ литургію, неоднократно сидѣвшіи въ лавкахъ василянѣ прерывали такую восекликомъ: „Свѣнтокрадцы (святотатцы).“ Вообще положеніе уніи въ началѣ австрійскаго владѣнія было тяжкое, однако такіи знаменитыя личности, якъ Левъ Шептицкій и Петръ Бѣлянскій, умѣли преодолѣти препятствія, ставляемыя греко-славянскому обряду. Къ сожалѣнію, не такой былъ преемникъ послѣдняго епископа, Николай Скородынскій (1798—1805), не знавшій по русски и всецѣло преданный польскому дѣлу.

Въ Перемышлѣ, въ пору занятія Галичины Австрією, былъ русскимъ епископомъ Аѳанасій Шептицкій (1762—1779), устроившій епархіальную духовную семинарію. Его преемникомъ былъ Максимилианъ Вѣнява Рылло, епископъ холмскій, сначала въ характерѣ администратора, впоследствии (1785 г.) въ характерѣ каноническаго епископа. Будучи администраторомъ, хотѣлъ онъ монаха чина св. Василя вел., Юліана Спонтинга, сдѣлать перемышльскимъ еписко-

помѣ, чтобы самому остаться въ Холмѣ, но Іосифъ II отказалъ его просьбѣ и онъ долженъ былъ переселиться въ Перемышль, гдѣ умеръ въ 1794 г. При немъ правительство носилось съ мыслью, учредить во Львовѣ униатскую митрополию*). Въ Холмѣ, гдѣ Рылло былъ епископомъ съ 1756 г., основалъ онъ дух. семинарію. Онъ былъ покровителемъ монаховъ чина св. Вас. вел. и великимъ аристократомъ. Въ пору каноническаго осмотра своихъ епархій, не гостилъ онъ у сельскихъ священниковъ, ибо смотрѣлъ на нихъ съ высока и принималъ гостепріимство лишь у помѣщиковъ. Одинъ сельскій священникъ сказалъ ему: „Былъ у насъ Шумланскій — не шумѣлъ; былъ Шептицкій — не шипѣлъ, а ты Рылло — не рылъ!“ При немъ въ 1784 г. подарилъ правительство закрытый костелъ кармелитовъ въ Перемышль русскимъ и позволило перестроить его въ соборную церковь. Оно согласилось также на учрежденіе капитула, опредѣляя на содержаніе канониковъ державныя имѣнія. Но Рылло просилъ о жалованіи для своего капитула, имѣній же принять не хотѣлъ.

Въ 1795 г. назначенъ былъ епископомъ перемышльскимъ Антоній Ангелловичъ, воспитанникъ вѣденьскаго Барбауреума, рожд. въ 1756 г. Онъ былъ проникнутъ іосифинскимъ либерализмомъ и любилъ естественныя науки, но въ на-

*) Петрушевичъ: Холмская епархія и святители ея, стр. 187—138.

ціональному отношеніи былъ равнодушный, ибо далъ упасти русскимъ преподаваніямъ во львовскомъ лицѣѣ. При немъ стала галицкая Русь замѣтно полонизоватись*). Когда онъ въ 1808 г. сталъ галицкимъ митрополитомъ, правительство хотѣло назначити перемышльскимъ епископомъ военного капеллана Іоанна Костецкого, но Ангеловичъ воспротивился тому и предложилъ на то достоинство Михаила Левицкого, каноника львовского капитула, съ чѣмъ наконецъ правительство согласилось (1810 г.) Ангеловичъ умеръ въ 1814 г., и его мѣсто на митрополіи занялъ епископъ перемышльскій Михаилъ Левицкій (1816 г.), епископомъ же перемышльскимъ назначенъ былъ Іоаннъ Свѣгурскій (1818 г.) Между русскими духовными достойниками былъ въ ту пору одинъ даровитый и съ исторіею церковной уніи отлично ознакомленный человекъ — Михаилъ Гарасевичъ, каноникъ львовского капитула. Въ 1810 г. былъ онъ между кандидатами на перемышльское епископство. Но правительство, хотя и надѣлило его орденомъ и титуломъ барона, по неизвѣстнымъ причинамъ не благоволило ему. Онъ написалъ (около 1810 г.) сочиненіе: *Annales ecclesiae Ruthenae* (Лѣтопись русско-уніатской церкви), изданное въ 1862 г. стараніемъ пок. крылошанина Мих. Малиновского.

*) Jahrbücher für slav. Literatur, Kunst u. Wissenschaft 1844, стр. 184.

Миханль Левицкій проникнуть былъ русскимъ національнымъ духомъ и, якъ выше было сказано, во время переустройства народныхъ школъ стоялъ за русскій языкъ. Объявши перемышльское епископство, составилъ онъ въ 1816 г. (при содѣйствіи Іоанна Могильницкого, приходника Дроздовичъ) Общество, имѣвшее: обдумывати способы распространения просвѣщенія въ простонародіи и раздавати для него книжки. Предсѣдателемъ сего Общества, утвержденного правительствомъ, былъ названный Могильницкій, знавшій *) современное славянское движеніе. Но сіе Общество не могло найти сочувствія у людей, погруженныхъ въ духовное оцѣпенѣніе. Не могли пріобрѣсти больше членовъ, оно развѣвалось. Самъ Могильницкій издалъ лишь въ 1815 и 1816 гг. Катихизисъ и Букварь для народныхъ школъ. Но не смотря на ту неудачу, все-таки былъ данъ толчокъ къ стараніямъ о народномъ просвѣщеніи. Доказательствомъ того служатъ фактъ, що явился спросъ за учебниками для народныхъ школъ и таковыи стали печатати типографіи Пиллера и Ставропигіи **). Митрополитъ Левицкій, попавшій вполсѣдствіи въ сѣти

*) Ю. Желеховскій: Іоаннъ Свѣтгурскій стр 36.

**) Въ представленіи литературного движенія придерживаемся галицко-русской Библиографіи XIX в. И. Е. Левицкого т. I Львовъ

якой-то женщины, съ причины несоотвѣтствующихъ духовному званію сношеній съ нею, чувствовалъ себе связаннымъ и не могъ на народномъ поприщѣ дѣйствовать*). Въ львовской епархіи не было никого, кто могъ бы народное движеніе взять въ свои руки. Только около 1846 г. львовская Русь стала групповаться въ округѣ епископа-суфрагана Григорія Яхимовича. Въ перемышльской епархіи въ ту пору засіяло ясное солнце въ лицѣ епископа Іоанна Сѣбургскаго, котораго справедливо называютъ возобновителемъ Галицкой Руси.

Іоаннъ Сѣбургскій, рожд. въ 1784 г., посѣщаль науки богословія въ вѣдѣнскій семинаріи Барбареумъ, рукоположенъ былъ въ іереи въ 1808 г. Еще епископомъ Левицкимъ былъ онъ привлеченъ къ труду въ пользу народа, ибо поступилъ въ члены основаннаго въ 1816 г. просвѣтительнаго Общества. Практическій его умъ прозрѣлъ, що для противодѣйствія колонизаціи русскаго народа посредствомъ польской народной школы, покровительствуемой правительствомъ, необходимо учреждати церковно-приходскіи школы, въ которыхъ бы у-

---

1888 и статья „Литературное движеніе и народное возрожденіе галицкой Руси въ 19 столѣтіи“. Бесѣда 1890.

*) Zustände der Russinen von Hawryło Rusyn Leipzig 1846.

чили дьяки. Онъ самъ содерживалъ того рода школы на свой счетъ въ трехъ селахъ *). Но для такихъ школъ необходимы были соответственно приспособленные учителя. Чтобы удовлетворити той нуждѣ, епископъ Свѣтурскій основалъ въ Перемышлѣ въ 1818 г. (тогдашъ по вступленіи своемъ на владычій престолъ) институтъ дьяко-учителей и купилъ на содержаніе его за 4000 дукатовъ село Новоселки. Въ томъ институтѣ учили два его придворныя священники и лучшіе приходники изъ сосѣднихъ сель слѣдующіи предметы: катехизисъ, изъясненіе евангелій и апостоловъ недѣльныхъ и праздничныхъ, грамматику церковно-славянскаго языка, библіиуну и исторію, изъясненіе чина утрени и вечерни, географію, ермологіонъ и церковное пѣніе, типикъ и обчисленіе движимыхъ праздниковъ посредствомъ Руки Дамаскина **). Вышедшіи изъ того заведенія дьяко-учители, знавшіи церковный уставъ лучше священниковъ, были наставниками другихъ дьяковъ, заклоняли крестьянъ къ учрежденію церковно-приходскихъ школъ и пробуждали у населенія охоту къ грамотности. И священники, видя образованнѣйшихъ и знающихъ уставъ церковный дьяковъ, не желая дати себе застыдати и не хотя уронити значенія у

---

*) Желеховскій: Іоаннъ Свѣтурскій стр. 12.

**.) Тамъ же стр. 36.

прихожанъ, стали изучати греко-славянскій обрядъ и согласно предписаніямъ церковнымъ совершати всенощное, утреню, литургію преждеосвященныхъ и прч.

Вслѣдствіе паденія русскихъ преподаваній во львовской семинаріи, русскіи семинаристы, явившіися къ рукоположенію въ 1820—1830 гг. часто не знали ни одной русской буквы. Щобы умѣти совершати богослуженіе, просили они знавшихъ славянское письмо, надъ поодинокими словами въ церковныхъ книгахъ вписовати ихъ произношеніе латинскимъ абецадломъ, щобы же изучити по крайней мѣрѣ славянскіи буквы, на то не было у нихъ наименьшого желанія. До такихъ предѣловъ посунулась была рутенская лѣнь! Семинаристовъ учили лишь по-латини, по нѣмецки и по польски, о славянскомъ же языкѣ они не имѣли ни малѣйшого понятія. Одинъ изъ священниковъ окрестилъ дитяну, родившуюся 16 января, именемъ „Верига“, такъ якъ въ тотъ день предписано поклоненіе честнымъ веригамъ (оковамъ) св. ап. Петра. Слово „верига“ считалъ онъ именемъ святой. Второй назвалъ мальчика „Трусомъ“, такъ якъ онъ родился въ день св. Димитрія, въ котормъ греч. церковь празднуеть воспоминаніе великого страшного труса (землетрясенія), случившогося въ Цареградѣ въ двадцать четвертое лѣто царствованія Льва Изаура. Въ дѣловодствѣ львовской

и перемышльской консисторій водворились исключительно латинскій и польскій языки, епископы принуждены были издавати свои посланія и распоряженія по-польски; даже по селамъ стали священники произносить проповѣди по-польски.

Сыны галицкихъ униатскихъ священниковъ учились тогда въ школахъ весьма неохотно, и иначе быти не могло, ибо молодежь не могла ни въ родительскомъ домѣ, ни въ польскомъ обществѣ найти поощренія къ умственному труду. Галицкое общество смотрѣло на школу якъ на державное учрежденіе, существующее для привилегіованного сословія людей, чтобы ихъ сынамъ подати извѣстные свѣдѣнія и обезпечити имъ выгодное положеніе въ Обществѣ, безъ труда и хлопотовъ. Слова Баторія: *Disce puer latine, faciam te mości rap* (Учись, мальчикъ, по-латини — сдѣлаю тебе паномъ) — повторялись тогда родителями и учителями. Отецъ, поощряя сына къ науцѣ, обыкновенно говорилъ: Учись, хотя наука для тебе теперь горькая, но послѣ будетъ тебѣ солодко и ты не будешь трудиться, но поживешь припѣваючи. Если же не будешь учиться, такъ дамъ тебе къ купцу или ремесленнику... Селянинъ, посылая своего сына въ гимназію, говорилъ: Учись, не будешь такъ тяжело трудиться, якъ я; твои прихожане нанесутъ тебѣ курей, гусей, качокъ — ты будешь ихъ съѣдати и лежати до

горы животомъ. Трудъ представлялся тогда въ галицкомъ Обществѣ (за изъятіемъ нѣмецкихъ мѣщанъ) самымъ большимъ несчастьемъ. Молодой человекъ предпочиталъ за 10—12 гульд. быти переписчикомъ, нежели продавати товары или роботати въ рукодѣльнѣ. Ни одна попадья не дала бы тогда свою дочь учити кравецтва, даже если бы ей грозила крайняя нужда. (И теперь къ сожалѣнію, еще часто такъ у насъ бываетъ. — ред.)

У галицкихъ униатскихъ священниковъ розвился своеобразный самолюбивый псевдо-аристократизмъ. Священникъ, на ровнѣ съ помѣщикомъ и евреемъ въ корчмѣ, считалъ свою паству яко предметъ эксплуатаціи и предъ прихожанами выставлялъ на видъ, сколько грошей стоили его школы и сколько онъ долженъ былъ ломати себѣ голову, пока его не поставили въ іерей. Священникъ совершенно отчуждился отъ народа. Онъ говорилъ по-польски, потребности и жизнь его паствы были для него равнодушны. Попадья, прежде разомъ съ крестьянками работавшая на полѣ, теперь отсунулась отъ нихъ и о жителяхъ села часто выражалась словами: Хлопъ, пся кровь! Между священниками и народомъ произошолъ разломъ и жалобы на приходниковъ отъ ихъ паствы входили ежегодно масою въ обѣ консисторіи. Изъ преданій, сохранившихся въ священническихъ семьяхъ, слѣдуетъ, що поколѣніе священниковъ въ 1772—1820 гг. было бе-

режливимъ и оставляло своимъ потомкамъ домы по городамъ и мѣстечкамъ и наличны гроши (обыкновенно дукаты), поколѣніе же 1820—1848 гг. промотывало тѣ наслѣдія.

Задача, за которую принялся Снѣгурскій, была средн. такихъ обстоятельствъ весьма трудна, ибо необходимо было вести борьбу съ равнодушіемъ и духовною дремотою русской интеллигенціи. Его дѣломъ было: прежде всего поставить греко-католическую церковь въ такое состояніе, дабы она была на дѣлѣ источникомъ просвѣщенія и ублагородненія галицко-русского народа. Держа свое духовенство въ строгой дисциплинѣ, епископъ Снѣгурскій былъ при томъ для него снисходительнымъ и не обращался съ нимъ такъ грубо, якъ митрополитъ Левицкій. Онъ приказовалъ совершати богослуженіе точно по уставу, держати проповѣди и обучати народъ катихизису. Онъ устранилъ давны скверныи обычаи, вкравшіися въ униатскую церковь, якъ на пр. гощеніе въ церкви водкою изъ звонка тѣхъ, которыи присутствовали при отпѣтїи парастаса. Соображаясь съ влеченіями городского населенія, щобы мѣщанъ удержати при греческомъ обрядѣ — Снѣгурскій устраивалъ въ Перемышлѣ боголуженія съ виѣшнимъ блескомъ, крестными ходами, супликаціями, выстрѣлами изъ мортирей и съ нотнымъ пѣніемъ. Понеже музыка въ латинскомъ костелѣ привлекала униатовъ, Снѣгурскій

рѣшился въ 1829 г. (по совѣту своего капеляна и професора богословія, Іосифа Левицкаго) ввести въ богослуженіе нотное пѣніе и въ той цѣли выписалъ изъ Петербурга творенія Димитрія Бортнянскаго. Для составленія хора и обученія пѣвцовъ принялъ онъ чеха Алоїзія Нанке за 300 зр. жалованья въ годъ. Пѣвцовъ доставили дьяко-учительское заведеніе и молодежь гимназій. Не найдя между ними баса, Снѣгурскій принялъ для того голоса опернаго хориста съ 200 зр. годичнаго жалованья и свободною квартирою. Такимъ образомъ Снѣгурскій положилъ начало не только церковной, но и вообще русской музыцѣ въ Галичинѣ. Изъ его школы вышли первыя галицко-русскія музыки и композиторы *). Когда въ перемышльскомъ соборѣ сталъ пѣти хоръ, были изъ него органы выкинены. Изъ Перемышля нотное пѣніе было перенесено ученикомъ дьяко-учительскаго заведенія Стефаномъ Матезонскимъ въ Угорщину, гдѣ въ Ужгородѣ основался первый хоръ. Другій угро-россъ Стефанъ Шепегій, ученикъ перемышльской пѣвческой школы, основалъ первый хоръ во Львовѣ среди тамошнихъ семинаристовъ. Сначала настоятели львовской семинаріи и львовская капитула были противны нотному пѣнію и предпочитали прежній кievскій напѣвъ, но

---

*) І. Х. Снѣкевичъ: Начало нотнаго пѣнія въ галицкой Руск. „Всѣда“, Львовъ 1888.

когда они въ 1838 г., по случаю посвященія Поповича въ мукачевскіи епископы, услышали одно твореніе Бортнянскаго, ихъ сопротивленіе было сломано и нотное пѣніе нашло также приютъ во Львовѣ. Однимъ изъ послѣдствій введенія нотнаго пѣнія въ Галичинѣ было также и то, що русскіи галичане стали познакомлятися съ великорусскою музыкою и духовно сближаться съ Россією, отъ которой совершенно прежде отчуждились.

Щобы оживити умственную жизнь, Свѣтурскій учредилъ въ 1829 г. типографію въ Перемышлѣ, которую онъ подарилъ собору крылошанъ. На всю австро-угорскую Русь была до 1829 года лишь одна типографія Ставропигійскаго Института во Львовѣ, но она имѣла лишь черенки кириллицы, и то сбитыя, старыя и истертыя. Старѣйшины Института — въ большой части чиновники — были польскаго духа и вели дѣловодство попольски. Кромѣ того они были корыстобивы. Они не старались о Институтѣ, содерживали лишь при немъ школу съ однимъ учителемъ, а на средства Института куповали для себе помѣстья и, или сами, или ихъ сыны переходили въ латинство *). Перемышльская типографія стала съ 1829 г. издавати Буквари, Молитвословы, Катихизисы, Литургіконы, требники и прч.

---

*) Ю Желеховскій: Іоаннъ Свѣтурскій стр. 40.

Щобъ воспитати себѣ хорошихъ священниковъ, Сѣвгурскій постарался у правительства о переведеніи семинаристовъ четвертого года богословія своей епархіи изъ Львова въ Перемышль, для которыхъ устроилъ при своей епископской столицѣ дух. семинарію. Такъ по крайней мѣрѣ будущіи священники его епархіи оставались одинъ годъ подъ его руководствомъ. Онъ настаивалъ на то, чтобы они въ семъ послѣднемъ году своихъ семинарскихъ наукъ изучили церковно-славянскій языкъ и ввѣрилъ преподаваніе сего предмета сначала Іоанну Лавровскому, послѣ же Антонію Добрянскому*). Они учили по Граматицѣ Мразовича, пока А. Добрянскій въ 1837 г. не издалъ своей Граматки церковно-славянскаго языка на польскомъ языкѣ. Вѣроятно подъ вліяніемъ Сѣвгурскаго стали въ 1835 г. также во львовской семинаріи преподавати церковно-славянскій языкъ. Когда настоятель семинаріи Іоаннъ Ильницькій сталъ во львовской семинаріи читати первую лекцію церковно-славянскаго языка, семинаристы взбунтовались. „Не хотимъ быти варварами, азіатами“ — кричали они и одинъ изъ нихъ винулъ въ лектора полѣномъ... Въ такое бѣшенство привело будущихъ представителей славянскаго обряда введеніе науки церковнаго языка, при чемъ,

---

*) Б. А. Дѣдицкій: Антоній Добрянскій его жизнь и дѣятельность. Львовъ 1881.

конечно, требовалось немного труда и напряжения ума. То и взбѣсило молодых рутенцевъ, думавшихъ лишь о томъ, какъ бы чѣмъ скорше окончить семинарію, жениться, рукоположиться и послѣ играть въ карты и развлекатися. Уніатскіи іерархи видѣли, що знаніе церковного языка есть для уніатского священника необходимостію, ибо народъ сталъ уже шутити изъ священниковъ-невѣждъ и пѣлъ:

Былъ себѣ Грицько, родомъ съ Коломыи,
 Учился барзѣ мудро на филосоіи,
 Пятнадцать лѣтъ въ письмѣ гмираль,
 А все по-латыни гдыраль,
 А на шестнадцатомъ и псалтыри
 Перехитрити не зналъ.

Снѣгурскій первый изъ уніатскихъ іерарховъ сталъ постоянно употребляти въ разговорѣ русскую рѣчь и наклонялъ священниковъ, чтобы говорили въ церкви къ народу по русски, въ чемъ однако встрѣчалъ сопротивленіе, ибо священники привыкли къ польскому языку. Во Львовѣ еще въ 1847 г. соборныи крылошани говорили по-польски и письмо Снѣгурского къ митрополиту Левицкому въ 1847 г. писано было по-польски*). Въ томъ году состоялось освященіе церкви въ Хировѣ, во время которого выше названный Ант. Добрянскій сказалъ проповѣдь на народномъ русскомъ языкѣ. То изумило присутствующихъ. Латин-

*) Ю. Желехожскій стр. 126.

скіи ксендзы соблазнились, русскіи же священники упрекали проповѣдника въ томъ, що онъ „компромитуетъ интеллигенцію“... Такіи успѣхи сдѣлала колонизація во время 1805—1847 г. Не смотря на упрямство своихъ земляковъ, Снѣгурскій все-таки старался пробудити въ нихъ народное сознаніе. Состоявшихъ на правительственной службѣ въ Перемышлѣ чиновниковъ русского происхожденія приглашалъ онъ въ свой домъ, привывалъ въ нихъ розговорами любовь къ своему народу и поощрялъ ихъ къ труду на литературномъ поприщѣ. Молодому Ян. Головацкому, занимавшемуся русскою словесностью, подарилъ Снѣгурскій 50 зр., суму, на тогдашніи времена значительную.

Щобы обезпечити существованіе вдовъ и сиротъ по священникахъ, Снѣгурскій склонилъ свое духовенство въ 1840 г. основати Общество въ той цѣли. Того рода Общество завязалось уже прежде въ 1820 году въ львовской епархіи. Снѣгурскій обратилъ также вниманіе на воиновъ русской народности и выхлопоталъ для нихъ установленіе въ 1847 г. военныхъ капелановъ гр. кат. обряда. Когда свящ. Юсефъ Левицкій въ 1839 г. хотѣлъ издавати церковную газету „Библиотека бесѣдъ духовныхъ“ — Снѣгурскій сочувствовалъ сему начинанію и поощрялъ къ нему. Но правительство и (по его внушенію) также митрополитъ Левицкій

воспротивились изданію такой газеты и она не появилась.

Сяѣгурскій представляетъ своею личностью, послѣ Льва Шептицкого и Петра Бѣлянскаго, первую яснѣйшую зарю на галицкомъ небосклонѣ. Онъ превосходилъ первыхъ національнымъ сознаніемъ, опредѣленностью задуманныхъ собою цѣлей, практичностью ума и самопожертвованіемъ. Онъ жилъ въ труднѣйшихъ обстоятельствахъ нежели первыи, ибо тогда полонизмъ пригнеталъ тяжкимъ бременемъ галицкую Русь и правительство было противно всякому русскому движенію. Не смотря на то, Сяѣгурскій положилъ основаніе національному возрожденію галицкой Руси и уже при немъ замѣтна была русская умственная жизнь.

Та жизнь, конечно, была еще безсильна. Въ 18-томъ вѣцѣ, при польскомъ правленіи, русскихъ школъ въ Червонной Руси не было, ибо не было князей въ родѣ Острожскихъ, Тышкевичей, Сангушковъ, которые бы ихъ на свои издержки учреждали, русское же населеніе той земли было крайне бѣдное. Когда при Іосифѣ II стали промышляти о русскихъ школахъ, обнаружилась прежде всего потребность въ Букваряхъ и другихъ учебникахъ школьныхъ. Учители русскихъ курсовъ на львовскомъ университетѣ въ 1786—1805 гг. должны были учить своихъ учениковъ читать по-русски и писати для нихъ учебники,

вѣдствіе чего о изящной словесности, поэзіи, романахъ и научныхъ разсужденіяхъ они и думати не могли. Потомъ русскій языкъ былъ изгнанъ изъ учебныхъ заведеній и русскую грамоту можно было себѣ усвоити лишь частнымъ путемъ, а тому опять мѣшала рутенская лѣнь. Желая научиться по русски, нужно было начинать съ „Букваря“ а о изящной словесности и науцѣ и думати не можно было. Для того въ началѣ австрійскаго владѣнія издаются прежде всего Буквари, Катихизисы и другіе учебники для школѣ. Если же кто научился славянскихъ буквѣ, то не имѣлъ що читати. Произведенія закордонной русской литературы не доходили въ Галичину и едва нѣсколькимъ лицамъ могли быти извѣстны. Русскій галичанинъ, знающій по-русски, могъ читати единственно лишь церковныя книги и составители „Букварей“ и учебниковъ должны были примѣняться къ тому. Ихъ языкъ могъ быти, слѣдовательно, лишь смѣсью церковно-славянскаго съ мѣстными нарѣчїями и польскимъ. Когда въ Австріи въ 1815—1817 стали организовати народныя школы, оживилось у русскихъ галичанъ движеніе на поприщѣ издаванія учебниковъ школьныхъ для первоначальной науки. Видно то изъ сохранившихся рукописей*), що къ пе-

---

*) Петрушевичъ: „Временникъ Ставроп. Ист. 1898 стр. 143.

чати приготавливалось больше того рода трудовъ. Такъ на пр. заглавіе одной рукописи гласить: „Букварь словенскаго языка роду россыаному издался 1815 г. — составленъ учащимся дѣтямъ своимъ и парохъянъ, изданъ отъ іерея Щавинскаго Николая, пароха Болоховець, питающаго (?) въ академіи львовской, составленной отъ Іосифа II, императора. Тубомъ издася року божія лѣдѣ. Тотъ же Щавинскій оставилъ вторую рукопись подъ заглавіемъ: Поученіе о числѣ, обще нарицаемомъ ариметикою ради чадъ своихъ и парохіи дѣтей издася слѣдующая чрезъ іерея мірскаго Щавинскаго пароха Болоховець *) 1815 г.

Изящною словесностью сталъ заниматься первый слушатель философіи и впоследствии богословія въ Вѣднѣ Іосифъ Левицкій въ 1820 г. **). Воспитанный въ нѣмецкомъ городѣ и на нѣмецкой литературѣ, сталъ онъ переводити нѣмецкіи поэмы. Въ 1822 г. издалъ онъ у мехитаристовъ въ Вѣднѣ переводъ „Das Heimweh der Verbannten“ (Тоска по роди нѣ изгнаниковъ) Такими же переводами занимался другій слушатель богословія Кириллъ Блонскій. Поселившись въ характерѣ сельскаго приходника въ Галичинѣ, Іосифъ Левицкій перевелъ Шиллера „колоколь“ (1839), „Борьба съ драко-

*) Повѣтъ дрогобыцкій.

***) Jahrbücher für slawische Literatur, Kunst u. Wissenschaft. II 1844 стр. 207.

номъ“, „Порука“ и издавъ ихъ разомъ съ оригинальными своими поэмами.

Юсифъ Левицкій не имѣлъ вліянія на своихъ соплеменниковъ, ибо онъ стануль на чужую для нихъ нѣмецкую почву. Пробужденіе національного духа у галичанъ вышло преимущественно отъ такихъ писателей, которые сблизились съ современнымъ романтизмомъ и славянофильскимъ движеніемъ. Романтизмъ, водворенный въ польскую литературу Казиміромъ Бродзинскимъ (1791—1835) и Адамомъ Мицкевичемъ (1798—1855), обратилъ вниманіе поляковъ на простонародіе, его пѣсни, преданія и весь бытъ. Польская газета *Pielgrzym lwowski* (1821—1823) стала помѣщать русскія народныя пѣсни и переводы розказовъ Квитки-Основьяненко. Вацлавъ Залескій, состоя преподавателемъ львовскаго университета, помѣстилъ въ 1833 г. въ львовскихъ *Rozmaitościach* статью: *O pieśniach ludu galicyjskiego*, въ которой высказалъ теплое сочувствіе простонародію и его поэзи, ставляя народныя пѣсни рус. галичанъ въ поэтическомъ отношеніи выше вѣсенъ польскаго народа. Вслѣдъ затѣмъ издавъ былъ нимъ подъ псевдонимомъ „Вацлавъ изъ Олеска“ толстый томъ народныхъ пѣсенъ, преимущественно галицко-русскихъ. Залескій предугадывалъ, що тѣ пѣсни могутъ статися началомъ духовнаго возрожденія галицкихъ русскаихъ и для того говоритъ: „Неужели мы, поляки, должны желати, що-

бы русины имѣли свою отдѣльную литературу?.. Кто мене въ томъ пунктѣ не понимаетъ, тому я помочи не могу, такъ якъ мнѣ неудобно яснѣйше говорити.“ Якъ поляки ни смотрѣли на русско-народныя пѣсни, но все-таки обнародованіе оныхъ посредствомъ печати и приписываніе имъ достоинствъ заставило молодшее поколѣніе русскихъ галичанъ иначе смотрѣти на „хлопскую“ рѣчь, которую они до сихъ поръ видѣли презрѣнною поляками и которой они вслѣдствіе того стыдались... Даровитѣйшии изъ воспитанниковъ львовской семинаріи, якъ Яковъ Головацкій и Иванъ Вагилевичъ, стали въ 1835 г. употреблять въ разговорѣ галичко-русское нарѣчіе и заниматься простонародною повзїєю. То ввело ихъ товарищей въ крайнее изумленіе. Они сдвигали лишь плечами и говорили: Вотъ вамъ чудаки, недоумки, недостаетъ имъ чего-то въ головѣ... *) Они считали польскую рѣчь знаменемъ приличія и благо-розумія.

Романтизмъ, касательно своихъ воззрѣній на простонародную повзїю, сходный былъ съ славянофильствомъ, заставлявшимъ славянскихъ писателей изучити древне-славянскіи памятники и простонародную жизнь своего племени. Вліаніе западныхъ славянъ могло затѣмъ лишь усилити направленіе, данное польскими

---

*) Желеховскій: Іоаннъ Сибѣгурскій стр. 109.

романистами галицко-русской духовной жизни. О Маркіанъ Шашкевичъ известно, что кромѣ поляка Василевскаго повлиялъ на него чешскій писатель Каубекъ*), обратившій его вниманіе на умственное движеніе славянскихъ народовъ и познакомившій его съ чешскою литературою.

Николай Л. Устіяновичъ въ своей автобіографіи признаетъ, что на него вліяли народныя стремленія чеховъ, хорватовъ, сербовъ, и украинцевъ**). Яковъ Головацкій получалъ въ 1835 въ Пештѣ книги отъ Коллара, священника тамошней словацкой лютеранской церкви и автора поэмы: *Slávu dšega* — и былъ нимъ введенъ въ кружокъ славянскихъ писателей и дѣятелей***). Маркіанъ Шашкевичъ, Яковъ Головацкій, Николай Устіяновичъ и Иванъ Вагилевичъ составляли въ 1832—1833 г. въ львовской дух. семинаріи кружокъ первыхъ галицко-русскихъ людей, задавшихъ цѣлью, создати галицко-русскую изящную словесность на народной основѣ. Они изготовили въ 1836 г. сборникъ пѣсенъ и статейъ подъ заглавіемъ „Русалка Днѣстровая“ и послали рукопись Копитару, директору у-

*) „Родимый Листокъ“: Черновцы 1881, стр. 27.

***) Родимый Листокъ. Черновцы 1880 стр. 280.

***) Литературный Сборникъ гал. русск. Матицы 1886 I стр. 97.

ниверситетской бібліотеки въ Віднѣ и цензору для славянскихъ изданій, ибо во Львовѣ не было цензора для русскихъ книгъ. Копитаръ отвѣтилъ, что вскорѣ такой цензоръ будетъ установленъ во Львовѣ — и для того нехай немного подождутъ съ печатаніемъ. Но молодые люди были нетерпѣливы; они рѣшились съ помощью Коллара напечатати книжку въ Пештѣ. Нашли они также мецената въ лицѣ директора народной школы въ Коломыѣ Н. Верещинского, давшего на изданіе средства. „Русалка“ была напечатана въ Пештѣ, но предъ розпродажею должна была перейти еще австрійскую цензуру (въ Угорщинѣ были иные цензурныя отношенія чѣмъ Австріи). Между-тѣмъ установленъ былъ во Львовѣ цензоръ для русскихъ книгъ въ особѣ Венедикта Левицкого, профессора богословія на университетѣ. Тотъ рѣшилъ, что новая книжка способна нарушити общественное спокойствіе и должна быти запрещена. Камнемъ преткновенія были для Левицкого стихи:

Заспѣваю, що минуло,
 Передсвѣцкій згану часъ,
 Якъ весело колись було,
 А якъ сумно днесъ у насъ.

Для авторовъ писательскія ихъ пробы имѣли неприятыя послѣдствія. Они, яко заподозрѣнныя въ подстрекательствѣ населенія къ неудовольствію, были поставлены подъ полицейскій надзоръ. Молодые люди своимъ выступле-

ніемъ все-таки дали толчокъ къ движенію на поприщѣ родного слова. Маркіянъ Шашкевичъ держалъ въ 1836 г. первую русскую проповѣдь въ церкви св. Юра во Львовѣ и заохотилъ другихъ вступить въ свои слѣды. До оныхъ поръ по русски проповѣдалъ во Львовѣ лишь Яковъ Геровскій въ церкви св. Николая. Они хотѣли также въ 1840 г. разомъ съ крылошаниномъ Михаиломъ Куземскимъ издавати во Львовѣ галицко-русскую газету, но не могли найти никого, кто хотѣлъ бы быть отвѣтственнымъ редакторомъ. Поезіи на галицко-русскомъ нарѣчій стали все чаще появлятися. По сохранившемуся изъ схоластическихъ временъ обыкновенію были то преимущественно случайныя стихотворенія въ честь знатныхъ лицъ или надгробныя стихи. Въ 1841 г. явился въ печати „Мотыль“, сборникъ поезій Рудольфа Моха, и Илькевича „Сборникъ галицкихъ пословицъ и загадокъ.“

Едва явились начатки галицко-русской изящной словесности, тотчасъ произошла распря между литераторами, и то не о що другое, лишь о языкѣ. Оно иначе и быти не могло. Молодые писатели не знали ни исторіи своего народа и его культурнаго развитія, ни литературнаго, ни престонароднаго русскаго языка. Они въ молодомъ возрастѣ слышали вокругъ себе польскій языкъ, на которомъ съ собою разговаривали. Русское чувство пробудилось у

нихъ лишь по толчку, данному отъ другихъ славянъ. И неудивительно, що они сначала блудили въ потемкахъ, потолкивали другъ друга — другими словами сказавши, они должны были начати съ собою споръ. Одни — во главѣ ихъ стояли Я. Головацкій и Вагилевичъ (Маркіянъ Шашкевичъ умеръ въ 1843 г.) — требовали, чтобы такъ писати, якъ говоритъ галицко-русскій народъ и брати себѣ образцы изъ простонародной повѣи. По ихъ мнѣнію, слова: вещи, холмы, всегда (!), тогда (!), судьба (!), опасность — непонятны для галицкого крестьянина (!) *) Другіи (во главѣ ихъ стояли Сѣмашъ и члены львовской митрополитальной консисторіи, начавшей по почину Куземского, Малиновского и Яхимовича интересоватися народными дѣлами) стояли въ защитѣ церковно-славянскаго языка, требуя, чтобы названія отвлеченныхъ понятій и даже нѣкоторыя грамматическія формы заимствовати изъ него. Введеніе мужиковатости въ литературную рѣчь казалось имъ быти пониженіемъ словесности. Последней партіи сочувствовалъ ученый Денисъ Зубрицкій, занимавшійся сначала сельскимъ хозяйствомъ и при томъ помѣщавшій въ періодическомъ изданіи *Pielgrzym lwowski* въ 1822 и 1823 гг. галицко-русскія народныя пѣсни, съ 1830 же года посвя-

*) *Jahrbücher f. slav. Lit. Kunst. u. Wiss.* 1844 стр. 226.

тившійся историческимъ изслѣдованіямъ. Зубрицкій писалъ сначала по-польски и по нѣмецки*), но когда онъ въ 1829 г. поступилъ въ члены Ставропгійскаго Института и познакомился съ хранящимися въ его архивѣ отечественными актами, въ немъ пробудился русскій духъ и онъ применилъ къ первымъ галицко-русскимъ дѣятелямъ на словесномъ поприщѣ, хотя все-таки до сороковыхъ годовъ писалъ только по-польски и по-нѣмецки, не владѣя ни простонароднымъ, ни литературнымъ русскимъ языкомъ. Больше обстоятельное изученіе Зубрицкимъ русскаго языка совпадаетъ съ 1849 г., когда въ Галиціи стояли русскіи войска. Въ 1840 г., повидимому, хотѣлъ Зубрицкій начать писать по-русски, но не зная, на какомъ русскомъ языкѣ писать, обратился съ запросомъ къ ученѣйшему изъ украинцевъ, Михайлу Максимовичу въ Кіевѣ**).

Максимовичъ отвѣтилъ Зубрицкому между прочимъ: Возрожденіе русской словесности въ Червоной Руси есть явленіе утѣшительное; дай Богъ, чтобъ обстоятельства къ тому благопріятствовали и чтобы молодое ваше духовенство не прекращало сего прекраснаго и до-

---

*) Его біографія въ соч. „Письма къ М. П. Погодину изъ славянскихъ земель“ (1835—1861) вып. I Москва 1879 стр. 536—545.

***) Галичанинъ Литературный Сборникъ Львовъ 1862 I 2 стр. 107.

стопамятнаго начинанія. На какомъ бы ни писали языкѣ галичане, все ровно, лишь бы писали они о своей милой Руси; но молодому — нынѣшнему и будущему поколѣнію, надо писать на своемъ родномъ языкѣ, подобно нѣмцамъ, французамъ, чехамъ и всѣмъ почти другимъ націямъ. У насъ, въ имперіи русской, русскимъ языкомъ сталъ великорусскій языкъ, которымъ и говоримъ и пишемъ и думаемъ, какъ языкомъ общимъ, живое употребленіе и въ Украинѣ (въ образованномъ классѣ народа) имѣющимъ. Потому все, что у насъ пишется по-малороссійски, сѣтъ нѣкоторымъ образомъ уже искусственное, имѣющее интересъ областной только, какъ у нѣмцевъ писанное на аллеманскомъ нарѣчій. У насъ не можетъ быть словесности на южно-русскомъ языкѣ, а только могутъ быть и есть отдѣльныя на ономъ сочиненія — Котляревскаго, Квитки, Гребенки и другихъ. Южно-русскій языкъ у насъ есть уже какъ памятникъ только, изъ котораго можно обогащать великорусскій, или по преимуществу у насъ, русскій языкъ. Но для русиновъ австрійской имперіи живой языкъ южнорусскій; пора языка польскаго для нихъ давно прошла, пора великорусскаго языка для нихъ еще не наступила. Потому весьма желательно, чтобы они подобно Вамъ усвоили себѣ великорусскій языкъ; но ваша червонорусская словесность — по моему мнѣнію — должна

быть на Вашемъ родномъ русскомъ языкѣ, — т. е. на южнорусскомъ; и только въ Галиціи она можетъ быть на этомъ языкѣ. И потому для вашихъ молодыхъ писателей наши народныя пѣсни должны быть не только какъ памятники прекрасныя, но и какъ живые образцы языка русскаго; тамъ и формы уже готовыя для галицкихъ стихотворцевъ. Это хорошо поняли Головацкій, Вагилевичъ, Устіановичъ и Шашкевичъ и потому ихъ стихи читаю съ большимъ удовольствіемъ и сочувствіемъ, чѣмъ стихи Левицкаго и прочихъ мнѣ извѣстныхъ, кои отъ своего народнаго отбываются, а къ великорусскому не пристали и плаваютъ между ними на искусственной срединѣ, весьма неблагоприятной ихъ поэзіи. Ваши молодые писатели должны писать чистымъ южнорусскимъ языкомъ, какой представляется особенно въ пѣсняхъ и думахъ украинскихъ и старинныхъ червонорусскихъ; а этотъ языкъ пополнять могутъ изъ старинныхъ письменныхъ памятниковъ галицкихъ и украинскихъ, гдѣ много есть словъ и оборотовъ — а потомъ уже пополнительнымъ источникомъ пусть будетъ великорусскій языкъ, преимущественно передъ другими словенскими.“

Яковъ Головацкій, обнародовавшій то письмо, утверждаетъ*), що совѣтъ

---

*) „Галичанинъ“, Литер. Сборникъ 1862. стр. 111.

Максимовича понравился галичанамъ и они поступили по его указаніямъ, принимая также его этимологическое правописание. Н. Устияновичъ сознаетъ въ своей автобіографіи*), що онъ уже въ началѣ своей литературной дѣятельности промышлялъ о сближеніи галицкой литературной рѣчи съ общерусскою, въ чемъ не лзя не усмотрѣти примѣненія совѣтовъ Максимовича.

Если внимательнѣйше рассмотримъ взгляды Максимовича на галицко-русскую словесность, то тотчасъ представляется намъ противорѣчія и запутанность понятій въ оныхъ. Онъ говоритъ, чтобы писати чистымъ южнорусскимъ языкомъ, но тутъ же прибавляетъ, чтобы тотъ языкъ пополняти словами изъ старинныхъ галицкихъ памятниковъ (т. е. церковныхъ) и великорусского языка. Такъ поступалъ Левицкій и его сторонники, но точно ихъ языкъ не понравился Максимовичу. Онъ говоритъ дальше о южно-русскомъ языкѣ яко реальномъ, существующемъ на дѣль-веществѣ — между-тѣмъ, южно-русского, въ постоянныи граматическіи формы унятого и опредѣленнымъ запасомъ словъ и оборотовъ рссполагающаго языка не существовало и не существуетъ, а есть лишь южно-русскіи говоры съ общими примѣтами, изъ-за которыхъ ихъ можно считать одною отвлеченною цѣльностью.

*) Родимый Листокъ 1880 стр. 280.

Если бы тѣ общіи примѣты изобразити въ одномъ, граматически правильномъ языкѣ, то все-таки вышолъ бы не „живый южно-русскій“, а искусственный южно-русскій языкъ. Максимовичъ говоритъ, що пора великорусского языка для галичанъ еще не наступила, слѣдовательно наступити должна. Съ якой причины та пора не наступила, онъ не объясняетъ. Если, по его мнѣнію, та пора когда то наступити должна, такъ не лучше-ли было бы, если бы галичане, вмѣсто напрасно теряти время на составленіе не имѣющаго будущности языка, немедленно принялись за изученіе литературного общерусского языка и на немъ писали? Не вышла бы отъ того польза для народнаго просвѣщенія и всей культуры галичанъ, которымъ вмѣсто споровъ о языкѣ можно бы было предложить больше свѣдѣній изъ всѣхъ областей человѣческаго познанія? Непонятно также, для чего не можетъ быти южно-русской словесности на Украинѣ, а лишь въ Галичинѣ. Кромѣ того въ языкѣ австро-угорской Руси вкралось много польскихъ, нѣмецкихъ, мадьярскихъ и даже еврейскихъ словъ. Вводити ли ихъ также въ литературу?

Если придерживатись живаго южно-русского языка, то сочиненіе, писанное на украинскомъ нарѣччі, не будетъ вполне понятно для червоноруссовъ — сочиненіе на червонорусскихъ говорахъ

будеть непонятно для угро-русовъ и т. д. Русскіи галичане поступали по указанію Максимовича, но изъ того вышли лишь споры и крайнее розъединеніе. Во время львовской выставки въ 1894 г. они должны были посредствомъ своего павильона сознаться предъ австрійскими министрами и прч., що у нихъ есть нынѣ лишь начала культуры, своей же питомой культуры у нихъ не существуетъ.

Лишь въ одномъ отношеніи совѣтъ Максимовича былъ основательный, именно изъ взгляда на политическое положеніе австрійской Руси и ея настроеніе относительно Россіи. Австрійское правительство, не допускавшее въ пору Меттерниха духовной связи русскихъ галичанъ съ Россією, не согласилось бы на введеніе великорусского языка въ школы, направленіе же тогдашней внутренней политики въ Россіи не могло найти сочувствія у галицкихъ писателей. Въ Россіи было тогда крепачтво и сыны крестьянъ якъ и вообще людей низшихъ сословій не допускались въ школы. Въ Австріи же русское населеніе состояло единственно изъ крестьянъ, одаренныхъ личною свободою и знавшихъ лишь умѣренную панцину, дальше изъ сельскихъ священниковъ и бѣдныхъ ходачковыхъ шляхтичей и солтысовъ. Австро-русская интеллигенція могла пополняться лишь изъ такой среды, которая въ Россіи находилась въ пренебреженіи. Та интели-

генція, не сочувствуя общественнымъ порядкамъ въ Россіи, недоброжелательно относилась къ велико-русскому языку и великорусской литературѣ, предпочитая оной польскій языкъ и польскую словесность, представлявшуюся ей въ больше прогрессивномъ видѣ. Желая ту интеллигенцію отклонити отъ полонизма и направить къ своему родному слову, необходимо было ей представляти мѣстный руссинизмъ яко что-то обособленное, самостоятельное, не имѣющее ничего общаго съ „москвитизмомъ“. Станувши разъ на вародной, хотя и провинціальной почвѣ, та интеллигенція съ временемъ, ознакомившись съ исторією своего народа, должна была постепенно сближаться съ великороссами и освобождаться отъ предупрежденій относительно „москвитизма.“

Съ того времени, якъ Галичина досталась подъ владѣніе Австрій и закрытъ былъ послѣдній русско-православный монастырь въ Скитѣ Манявскомъ, духовная связь русскихъ галичанъ съ Россією была прервана. Общество въ Россіи ими не интересовалось. Возобновленіе оной связи произошло въ 1830-ти годахъ на почвѣ славянофильства. Въ 1835 г. профессоръ московскаго университета М. П. Погодинъ получилъ отпущъ за границу и сталъ посѣщать славянскіи земли. Проѣзжая черезъ Львовъ и не зная никого изъ мѣстныхъ жителей, зашолъ онъ къ на-

дателямъ двоихъ мѣстныхъ газетъ: польской Яну Неп. Каминскому и нѣмецкой Александру Завадскому*). Первый принялъ русскаго путешественника сухо, второй же приобѣщаль постаратись для него о церковно-славянскихъ рукописи и старопечатныи книги. Возвращаясь въ томъ же году изъ-за границы чрезъ Львовъ и случайно проходя по жолковскому предмѣстью, Погодинъ увидѣлъ колокольню, на которой красовались икона свв. Антонія и Θεодосія Печерскихъ съ церковно-славянскими надписями**). Погодинъ замѣтилъ, що то должно быти русская церковь или русскій монастырь. Онъ и его русскіи сопутники поднялись по каменнымъ ступенямъ и выйдя на площадку, увидѣли большую каменную плыту съ славянскою надписью: раба Божія львовскаго мѣщанина Золотаренка — имя извѣстное и въ исторіи малорусскаго казачества. Сомнѣній больше не оставалось и русскіи путешественники зашли къ настоятелю свято-онуфріевского монастыря, провинціалу василіянскихъ монастырей въ Галиціи, Варлааму Компаневичу. Погодинъ заключилъ съ нимъ знакомство и прислалъ впоследствии въ монастырь русскіи книги, между ними Карамзина „Исторію государства російскаго.“ Посредствомъ

*) Письма къ Погодину изъ славянскихъ земель I стр. 531.

***) Тамъ же стр. 584.

Компаневича познакомился Погодинъ съ другими лицами, къ числу которыхъ принадлежалъ также Юсифъ Блеймъ, чиновникъ галицкой бухгалтеріи. Блеймъ впоследствии, въ 1838 г., писалъ дважды Погодину въ Москву, прося его содѣйствія для изданія въ Россіи немалого количества его переводовъ на галицко-русское нарѣчіе изъ нѣмецкого и польскаго въ области бухгалтеріи, архитектуры, технологіи, сельского хозяйства и т. п., а также нѣсколькихъ комедій, прося при томъ о присылку нѣкоторыхъ русскихъ книгъ по означеннымъ спеціальностямъ, а также о сочиненія Крылова и Пушкина. Въ одномъ письмѣ онъ говоритъ: „Чересмотря мои сочиненія, Ваше Высочородіе можетъ розсуждати, какую прилежность я жертвовалъ къ выученію ся русскаго языка, которой плодами я, какъ космополитъ, желаю прислужиться русскому народу“ — Погодинъ занимался языковѣдѣніемъ и древностями, реальныи же предметы, якъ хозяйство и технологія, были ему чужды, для того Блеймъ навѣрно не получалъ отъ него помощи.

Сердечнѣйшіи сношенія завязалась вслѣдствіе оного пребыванія во Львовѣ между Погодинымъ и И. Валигевичемъ, переписывавшимся съ 1836 до 1845 г.*) Вотъ образчикъ языка Вагилевича въ сихъ письмахъ: „Львѣв дне 10 кивня (22

*) Письма къ Погодину стр. 622—651.

окт.) 1836. Внеско учений Господине. Уже нисколько мѣсѣцѣв минуло, коли я вѣд Васѣ перенеу Ваше приязное письмо шче в почѣтках лѣта писане; оно миѣ тѣлько радости пособило, же я не виджу повору Вам вѣдслужитись... Шчо се тиче орудовая вѣд Вас поручених, владѣ (!) як вели есте подѣлаем. Извѣста о русской словесности вѣдпечатан-ем в львѣвских Розмаѣтостех; прилагательное (!) письмо вѣддан-ем.. будь прѣтоже (?) уже виджу прежное величье условен опѣть воскреснути, и похота (?) ма (?) вѣд наследованѣх дальних чаѣ колись в хѣсном и прекрасною пользою посегнути вневѣтления и истоуковання... Шафарик иѣшчо розлучного (?) незрѣх"...

Такимъ языкомъ восхищался Максимовичъ — языкомъ совѣмъ ненароднымъ и непснятнымъ. Перевести оныя слова о обороты на великорусскій языкъ и дати ихъ прочитати галицко-русскому крестьянину, и онъ ихъ скорше пойметъ... Слова, якъ на пр. „прилагательное письмо“ доказывають, що Вагилевичъ не обладалъ еще русскимъ грамматическимъ чувствомъ.

Если бы оныя отрывки перевести на языкъ, употребляемый сегодня старорусскою партією вѣд Галичинѣ, то они гласили бы: „Уже нѣсколько мѣсѣцѣв минуло, когда я отъ Васѣ получилъ Ваше дружеское письмо, еще вѣд началѣ лѣта писанное; оно миѣ столько радости сдѣлало, шчо я не вижу даже воз-

возможности, Вамъ отслужитесь. Що касается дѣлъ, мнѣ Вами порученныхъ, я поступилъ по Вашему приказанію. Иавѣстія о новѣйшихъ произведеніяхъ русской словесности я помѣтилъ... приложенное письмо отдалъ... въ моихъ очахъ воскресаетъ уже прежнее величіе славянъ... надѣюсь, что моя охота къ изслѣдованіямъ можетъ принести пользу науцѣ и причинится къ изъясненію... Шафарикъ ничего рѣшительно не сказалъ."

Время, въ которомъ стала образоваться прстонародная южно-русская словесность, было временемъ грамматики, которая тогда въ школахъ составляла головной предметъ обученія. Общерусскій литературный языкъ считался тогда уже вполне выработаннымъ и унятымъ въ прочныя грамматическія формы и извѣстныя словесныя обороты. Малѣйшее уклоненіе отъ тѣхъ формъ и оборотовъ оскорбляло уже вкусъ русскихъ литераторовъ въ Россіи, съ другой же стороны отсутствіе правильности въ языкѣ и чудовищность словъ имъ нравились.

Въ 1839 г. Погодинъ предпринялъ второе путешествіе въ Австрію и былъ опять въ Галичинѣ. Въ ту пору, кажется, свелъ онъ знакомство съ Я. Головацкимъ, ибо съ 1841 г. начинается переписка между ними*). О ученomъ изъ Россіи, собиравшемъ древніи рукописи, книги и снабжавшемъ научными посо-

*) Тамъ же стр. 652—655.

біями славянскихъ ученыхъ въ Австріи, узналъ также Денисъ Зубрицкій, еще съ 1830 г. ставшій заниматись исторією Галичины. Онъ ждалъ его возвращенія въ Россію черезъ Львовъ, но Погодинъ на обратномъ пути минулъ Львовъ. Тогда Зубрицкій отнесся къ нему письменно въ августъ 1839 г. „Я, Милостивый Государь“ — говорилъ Зубрицкій въ своемъ письмѣ — написалъ на польскомъ языкѣ: Опытъ исторіи русскаго народа въ Галиціи со времени польскаго владѣнія. Первая тетрадь, содержащая періодъ до 1340 г., напечатана въ 1837 г., но подлинное историческое разсужденіе отъ 1340—1596, досель чрезъ два года по неизвѣстной причинѣ въ цензурѣ удержанное, какъ думаемъ въ тайный цензурный комитетъ въ Вѣну отосланное, а можетъ быть по тайнымъ причинамъ не возвратится болѣе къ моимъ рукамъ. Въ обстоятельствахъ сего рода я рѣшился, хоть и получу дозволеніе, не издавать болѣе свой трудъ въ Галиціи и прошу Васъ увѣдомить меня, не приняло бы Историческое московское Общество изданіе сего сочиненія на собственное изживеніе, если найдетъ оно достойнымъ сего рода издержекъ? Сочиненіе это должно быть на польскомъ языкѣ, чтобъ дѣйствовать на русскихъ нашихъ соотечественниковъ въ Галиціи, Польшѣ и присоединенныхъ губерніяхъ, доказуя имъ, какая была плачевная судьба русскаго народа подъ польскимъ правле-

ніемъ.* Въ 1841 г. писалъ Зубрицкій Погодину: „Печатайте, какъ вамъ угодно, на русскомъ и на польскомъ языкѣ, но подъ заглавіемъ „Отрывки изъ большой исторіи галицко-русскаго народа“. Издавать цѣлыя свои труды внѣ государства у насъ запрещено, но отрывки могутъ появляться въ чужихъ странахъ безъ всякой отвѣтственности.“*) Погодинъ нашолъ достойнымъ, издавати сочиненія Зубрицкаго, которые затѣмъ появлялись въ повременихъ изданіяхъ въ Петроградѣ, Москвѣ и Кіевѣ. Московское Общество исторіи и древностей російскихъ издадо въ 1845 г. его „Критико-историческую повѣсть временныхъ лѣтъ Червонной или Галицкой Руси до конца XV столѣтія.“ Зубрицкій не владѣлъ еще вполне русскимъ литературнымъ языкомъ, и его статьи переводилась изъ польскаго. Переводчикомъ послѣдняго сочиненія былъ О. М. Бодянской.

Въ 1840 г. появилась въ „Сѣверной Пчелѣ“ статья русскаго путешественника, А. Терещенка, въ которой о русскаго въ Австріи говорилось слѣдующее:**) „Русскіе Червонной Руси и Галиціи читають съ жадностію все, что писано на нашемъ языкѣ. Молодые люди, учащіеся въ львовской семинаріи, списываютъ другъ у друга, что заслу-

---

*) Тамъ же стр. 550.

**) Тамъ же стр. 592.

живаетъ извѣстности. Высоко цѣнятъ, въ новѣйшихъ духовныхъ писателей, проповѣди викарія кievской митрополіи, еписк. чигиринскаго Иннокентія; любятъ говорить о пастырскихъ достоинствахъ нашихъ первосвятителей; хорошо знакомы и съ трудами русскихъ ученыхъ, историковъ и литераторовъ; съ пламенною горячіюстью читаютъ все умное русское. Они получаютъ съ большимъ затрудненіемъ и на дорогіе деньги книги изъ Россіи. Исторію Карамзина имѣютъ только митрополитъ Михаилъ и бібліотека Оссолинскихъ. Она стоитъ ихъ 200 гульд. Они нуждаются въ познаніи нашей словесности, исторіи и церковно-богослужебныхъ сочиненій. Русскій языкъ въ Галиціи исчезаетъ мало по малу.. Простый народъ говоритъ языкомъ польско-малороссійскимъ. Я слушалъ нѣсколько разъ проповѣди; они имѣютъ, по языку большое сходство съ малороссійскимъ. Народъ въ величайшей нищетѣ...“

Та статья, не совсѣмъ вѣрно чертающая отношенія Галицкой Руси, появилась въ переводѣ въ нѣмецкомъ журналѣ Ausland, и повидимому, обратила на себе вниманіе австрійскаго правительства, которое, вѣроятно, заподозрѣло галичанъ въ тяготѣніи къ Россіи и православію, ибо въ одномъ изъ писемъ 1841 года Зубрицкій жалуется предъ Погодинымъ, що „путевые записки Терещенка надѣляли намъ здѣсь много вреда.“

О Валигевичѣ и Головацкомъ гово-

рить Зубрицкій въ письмѣ отъ 1842 г.*): „Оба эти кандидаты богословія подозрительны правительству въ связи съ какимъ-то тайнымъ запрещеннымъ обществомъ, и даже отъ священническаго сана исключенные. Вы удостовѣрены, что мнѣ по этой причинѣ неприлично съ ними сообщаться. Очень жалѣю о Головацкомъ: онъ добрый человекъ, не зная своей судьбы женился, и теперь бѣда его ожидаетъ; жаль, что сумашедшая молодежь по крайней мѣрѣ въ нашихъ странахъ путается въ опасныя сѣти, жертвуя собой.“

Въ 1842 г. Погодинъ предпринялъ третье путешествіе за границу. На тотъ разъ онъ постарался научить Галичину, гдѣ Діонизій Зубрицкій былъ его наставникомъ и руководителемъ въ томъ отношеніи.

Вліяніе Погодина на галичанъ, хотя сначала мало замѣтное, имѣло для нихъ громадныя послѣдствія. Погодинъ далъ галичанамъ толчекъ къ изученію своей старины и помогъ имъ вступить на поприще исторической науки. Доставляя Вагилевичу, Головацкому, Зубрицкому и другимъ книги и научныя пособія, подавая имъ указанія, якъ поступати въ историческихъ изслѣдованіяхъ — подожилъ онъ основаніе современной исторической науки у галичанъ. Онъ поступалъ благородно, не мѣшался въ азы-

*) Стр. 563.

кѣсловныя споры, а наставлялъ лишь, чтобы галичане предалися серіозному труду и научились мыслить. Отъ Зубрицкаго принималъ онъ по-польски писанныя сочиненія, давалъ ихъ переводити на русскій языкъ и помѣщая ихъ въ русскихъ изданіяхъ, поощрялъ оного къ дальшимъ трудамъ. Можно сомнѣваться, былъ бы-ли Зубрицкій писалъ безъ Погодина когда-либо по-русски.

Когда Зубрицкій заинтересовался русскою исторіею, сталъ онъ склонять другихъ къ чтенію русскихъ книгъ и изслѣдованію отечественной исторіи. Первыми его учениками были: Я. Головацкій, А. Петрушевичъ и Мих. Малиновскій. На нихъ возлагалъ онъ большія надежды, которыя впоследствии оправдались.

До Зубрицкаго въ австрійскій періодъ занимался исторіею Руси лишь Гарасевичъ, написавшій исторію униатской церкви, которая однако оставалась долгое время въ рукописи (до 1862 г.) Вслѣдствіе занятія историческою наукою, пробудилось въ Гарасевичѣ русское сознаніе и постоянною его поговоркою были слова: „Великая русская мати“. Въ началѣ 1830-ти годовъ сталъ заниматься исторіею также Григ. Яхимовичъ*), писавшій о греческомъ календарѣ, также

---

*) Abhandlung über die Regeln, nach welchen die Slaven des griech. Ritus den Ostertag berechnen. Lemberg 1836.

Ив. Вагилевичъ, помѣщавшій историко-этнографическія статьи въ часописѣ чешскаго музея *), но живѣйшее движеніе на семь поприщъ начинается съ Зубрицкаго.

Кромѣ исторіи стали галичане заниматься также грамматикою своего областного языка, желая уняти его въ прочныя формы. Такой трудъ мало предвѣщаль успѣха, ибо предъ грамматикою должны существовати образцовыя творенія писателей или народнаго генія. Первыхъ у галичанъ еще не было — народныя же ихъ вѣсни едва стали собирать. По той причинѣ трудъ Вагилевича (*Gramatyka języka polskiego w Galicyi 1845*) не могъ имѣти большей стоимости. Доказательствомъ пробудившагося въ 1830-ти и 1840-выхъ годахъ рвенія къ науцѣ у галичанъ, еслужить бібліотека, собранная архидіакономъ перемышльской капитулы Іоанномъ Лавровскимъ (ум. 1846), подаренная перемышльскому собору (капитулѣ) крылошанъ. Она имѣла состояти изъ 30.000 томовъ и многихъ рѣдкихъ рукописей.

Среди сельскаго духовенства, ровнодушнаго къ духовному труду, выдѣляются личности, замѣтныя образованностію и дѣятельностію въ общественную пользу. О. Василій Гавришкевичъ (рожд.

---

*) *Rozhorecké jeskyně: Časopis česk. muš. 1838 II 197. Husulove 1838 IV. 1839 I 0 upirech a vidmach 1840 III. Vojkove. 1841 I.*

1799), приходникъ Нового Села возлѣ Чесанова, былъ отличнымъ знатокомъ сельскаго хозяйства, плотничества, столярства, ваятельства, ткацтва; онъ собственноручно издѣлывалъ скрипки и сельско-хозяйственные орудія и училъ разомъ со своимъ дякомъ Димитріемъ сельскихъ мальчиковъ грамотѣ. Въ 1844 г. издалъ онъ: „Руководство къ умноженію садовныи“... и „Молитвословъ въ употребленіе мірскимъ челоѣкомъ.“ Въ свободное отъ занятія время писалъ онъ стихи и астрономическія разсужденія (оставшіяся въ рукописи). Его зять, просвѣтитель гал. Русн, о. Іоаннъ Наумовичъ, научившійся отъ него трудиться въ пользу народа, возвеличилъ его въ разсказѣ „Крѣслатыи Тополи“*). Священникъ Лаврецій (приходникъ въ Самборѣ съ 1846 г.) учился у Ганеманна гомеопатіи и говорилъ по французски, итальянски и по великорусски**).

Такихъ личностей было однако немного. Большинство галицко-русскей интеллигенціи дремало. Доказательствомъ духовнаго оцѣпененія униатскаго духовенства въ Галичинѣ въ періодѣ 1772—1748

---

*) Временникъ Ставр. Инст. 1898 стр. 154—156 — „Крѣслатыи Тополи“ І. Наумовича вышли также на великорусскомъ языкѣ въ Россіи въ 1888 г. подъ заглавіемъ „Завѣтные Тополи.“

**) Желеховскій: Іоаннъ Сѣдзурскій стр. 82.

года служить запустѣніе церковей, которыя не возобновлялись, въ которыхъ церковныя ризы изодрались, Службеники лежали повреждены, престолы были покрыты пылью. Церковная живопись, процвѣтавшая въ Галичинѣ въ 16—18 вѣкахъ, совершенно пала.

Въ 1846 г., когда въ правительственныхъ сферахъ сталъ вѣяти иной духъ для Руси, цензура допустила издавіе алманаха въ родѣ запрещенной „Русалки“, подѣ названіемъ: „Вѣнокъ русинамъ на обжинки. Вѣдень 1846.“ При его составленіи больше всѣхъ трудился Яковъ Головацкій. Первая часть „Вѣнка“ была посвящена Его корол. Высочеству Карлу Людвигу Бурбону, инфанту Испаніи, самодержавному воеводѣ Лукки. Сей князь Лукки (графъ де Вилла-Франка, съ 1819—1847 владѣтель Лукки, съ 1847 Пармы) былъ претендентомъ до греческаго престола и по той причинѣ еще въ 1828 г. сблизился въ Вѣднѣ съ униатскимъ духовенствомъ, посѣщаль богослуженія въ церкви; св. Варвары, построилъ въ своей столицѣ Луккѣ греческую церковь и вызвалъ на ея настоятеля русскаго священника Лучкая изъ Угорщины. Князь Лукки хотѣлъ такимъ образомъ льстити грекамъ, выставляя на видъ свою любовь къ греческому обряду. Воспользовавшись тою наклонностью итальянскаго принца, галичскіи русскіи двѣтели надѣялись найти въ немъ мецената для своей литературы.

Вторую часть „Вѣнка“ хотѣлъ Головацкій посвятити епископу Сѣвгурскому, но сей не принялъ той чести, ибо во первыхъ книжка была мірскаго содержанія, во вторыхъ правописаніе ея далеко отходило отъ церковно-славянскаго; не было буквы ѣ и вмѣсто л писалось в. Для того Головацкій посвятилъ ту вторую часть „Вѣнка“ Іосифу Раяичу, сербскому патріарху. Среди русскихъ жителей Галичины стали уже водворяться больше здоровыи воззрѣнія на языкъ и правопись. Видно то изъ предисловія къ второй части „Вѣнка“.

„Общій голосъ—говоритъ въ немъ Головацкій — происходящій изъ самой глубины груди народа, якоже и другіи словене, именно мои пріатели и ровесники, соглашающіеся съ галичанами, многимъ причинились и отвели мене отъ бездорожія, въ которое я нехотя попалъ, и увѣрили мене, що недоконче потреба въ правописаніи держатися простонароднаго выговора, а ограничившись своимъ питомо-народнымъ нарѣчіемъ не лзя безъ оскорбленія лишатися общихъ правилъ словенской правописи и коренословія и що для словенъ вообще, а для русиновъ въ особенности есть кирилица, сей дорогоцѣнный забытокъ и спадщина по нашихъ первыхъ свв. апостолахъ, совокупно съ своею поважною старословенскою правописью найспособнѣйшая и ничѣмъ незамѣнимая — и що въ нашей старой забудѣ нѣтъ ни одной буквы, которая

бы не имѣла своего извѣстнаго значенія, своего положительнаго употребленія, своей общесловенской всесторонней основности и правильности.⁴

Якое же становище заняли поляки въ виду возникавшей галицко-русской словесности? Вацлавъ Залескій видѣлъ въ ней опасность для польскаго дѣла. Когда Ник. Устѣяновичъ въ 1843 г. написалъ по-польски стихотвореніе на смерть Шашкевича и просилъ редактора газеты *Rozmaitości* Камнинскаго, помѣстити его въ своемъ изданіи — не хотѣлъ сей его принять, „ибо — утверждалъ онъ — стихотвореніе дышетъ розъединеніемъ поляковъ и русиновъ, сросшихся въ одно тѣло.“*) Такъ же смотрѣли на новую словесность Авг. Бѣлѣвскій и другіи галицко-польскіи писатели. Бѣлѣвскій доказовалъ, що галицко-русскій языкъ есть составною частью польскаго языка, що письменный польскій языкъ есть результатъ слиянія мазурскаго и южно-русскаго нарѣчій **). Галицкіи поляки смотрѣли на мало-русскую словесность иначе, чѣмъ парижскій кружокъ: Янскій-Семененко-Мицкевичъ, оцѣнявшій стоимость мало-русской литературы по политическимъ соображеніямъ, примѣнительно къ отношеніямъ на Украинѣ. Розвитіе мало-

*) Автобіографія Устѣяновича. „Род. Листокъ“ 1880, стр. 280.

***) Головацкій: Замѣтки и дополненія, стр. 12.

русского патриотизма на Украинѣ съ самостоятельною словесностью могло ослабити Россію и помочи польскому дѣлу въ Россіи, но въ Галичинѣ мало-русская словесность со своимъ мѣстнымъ патриотизмомъ ослабляла галицкихъ поляковъ. Здѣсь вся униатская интеллигенція была уже польскою. Если она перестала бы сознаваться польскою, то утерпѣла бы на томъ лишь польская идея.

VII.

Настроеніе умовъ въ Австріи января 1848 г.

Францъ I умеръ 2 марта 1835 г. Въ продолженіи долголѣтняго своего владѣнія защищалъ онъ принципы абсолютизма, считая всѣ свободомысленныя идеи началомъ революціи. Избравши своимъ девизомъ изреченіе: *Justitia est regnorum fundamentum* (Справедливость есть основаніемъ государствъ) — старался онъ, чтобы державныя законы примѣнялись ко всѣмъ подданнымъ безъ различія сословій и вѣроисповѣданій. Чтобы познати нужды населенія, предпринялъ онъ въ 1817 г. путешествіе въ Галичину, Буковину, Семиградъ, Венгрію и Славонію, въ 1823 г. опять въ Галичину и Буковину. Въ 1817 г. посѣтилъ онъ кафедральную церковь св. Георгія во Львовѣ, гдѣ приняли его народъ и духовенство съ восторженіемъ. Сооб-

щаясь съ народомъ, старался онъ приобрести популярность и приобрѣлъ на дѣль любовь населенія.

Его помощникомъ и головнымъ совѣтникомъ былъ Климентій Вячеславъ кн. Меттернихъ, съ 1807 г. министр иностранныхъ дѣлъ, съ 1821 г. государственный канцлеръ, съ 1826 г. председатель министерскихъ совѣщаній для внутреннихъ дѣлъ. Разомъ съ своимъ владѣтелемъ считалъ онъ задачею своей жизни, поборивати идеи французской революціи 1789 г., въ соединеніи съ Россією и Пруссією оберегати европейскій миръ и посредствомъ германизаціи довести разноплеменное населеніе имперіи къ національному единству. Онъ самъ любилъ веселую жизнь и помогаль развитію того расположенія духа, которое нѣмцы называютъ *Gemüthlichkeit*. Такимъ расположеніемъ проникнулись жители Вѣднѣ и сословіе чиновниковъ, но образованныи сословія нѣмецкихъ народностей въ большинствѣ остались ему чужды. Меттернихъ, якъ вообще всѣ австрійскіи нѣмцы его времени, былъ рационалистъ и покровительствовалъ католической церкви лишь по политическимъ соображеніямъ.

Старшій сынъ и наслѣдникъ Франца I, Фердинандъ Благій, благодушный, но слабой воли правитель, всецѣло предался Меттерниху, который и дальше руководилъ и внутреннею и иностранною политикою государства. Однако станови-

ще его дѣлалось всегда труднѣйшимъ. Съ теченіемъ времени накопившіяся противоположности въ внутренней жизни государства готовились разразиться на-
глымъ взрывомъ.

Австрійское государство было дѣломъ неусыпного и постоянного труда династїи Габсбурговъ, соединившихъ въ одинъ политическій организмъ племена, различающіеся между собою языкомъ, вѣроисповѣданіемъ, обычаями и стремленіями. Довести столь разрозненные стихїи къ единству мыслей и стремленій, было весьма трудною задачею. Якъ долго мадьярамъ грозила опасность отъ турокъ, можно было ихъ удержати въ связи съ династіею и укротати ихъ влеченіе къ политической самостоятельности. Пока у австрійскихъ народовъ преобладалъ интересъ сословный и вѣроисповѣднѣй, легко приходилось верховной власти поодиноки сословія и вѣроисповѣданія поддавати своему руководству. Но съ тѣхъ поръ, якъ Турція вслѣдствіе ударовъ, нанесенныхъ ей Россіею, стала разлагатись, якъ національная идея стала разрозненными сословія соединяти въ цѣльные народныя организмы съ ихъ отдѣльными стремленіями — сосредоточеніе силъ государства становилось все труднѣйшимъ. Кромѣ того либеральныя идеи 19-го вѣка приготовляли внутреннее ослабленіе Австріи, ибо они стремились въ умаленію верховной власти владѣтеля, которая един-

отвѣнно могла разрозненными стихіи удерживати въ согласной связи. Вѣдь австрійское государство создала владѣющая династія—ослабленіе же ея становяща было также ослабленіемъ государства.

Съ той причины Меттернихъ воспротивлялся либеральнымъ теченіямъ, какъ то видно изъ брошюры, излагавшей его взгляды на задачи австрійского правительства *) Въ ней говорится: „Хотя Австрія розрослась въ великое, пространное и миліоны трудолюбивыхъ и крѣпкихъ людей числящее государство однако все-таки она не есть націею, напротивъ, по мѣрѣ того, какъ расширялся ея объемъ, розрознялось и распадалось его содержаніе. Весь міръ знаетъ и почитаетъ австрійское государство, но австрійского народа никто не знаетъ, и онъ не существуетъ. Императорскій двуглавый орелъ блещитъ на прапорѣ чеховъ, ему слѣдуютъ поляки, мадьяры, славяне, нѣмцы и итальянцы, но онъ не распространяетъ своихъ крылъ надъ одною, языкомъ, обычаемъ, происхожденіемъ и братскою любовью соединенною націею. Такъ какъ Австріи недостаетъ и прежде доставало того единства, то нѣтъ и притекающей отъ единства силы и священной любви къ великому, общему отечеству, воодушевляющей къ возвышеннымъ подвигамъ и самымъ

*) Metternich, Leipzig 1844.

большимъ жертвамъ. Пока Вѣдню и австрійскому архикняжеству не удастся отыграти роль древняго Рима, будутъ правительству всегда предстояти затрудненія самого серьезнаго рода — и Австрія, задержанная непрерывнымъ стараніемъ о сохраненіи внутренняго порядка, не будетъ въ состояніи свое могущество и вліяніе въ такой степени обнаружати на внѣ, якъ того требуетъ ея политическое становище въ Европѣ.“
 Меттернихъ былъ того убѣжденія, що лишь сосредоточеніе власти въ Вѣднѣ и управленіе посредствомъ чиновничьего сословія успѣетъ спасти могущество государства.

Однако противъ Меттерниха системы все больше усилялось сопротивленіе. Первыми его противниками были мадьяры, защищавшіи свои старинныи конституційныи права и воспротивлявшіися германизациі. Учредивши въ 1825 г. мадьярскую академію наукъ въ Пештѣ, принялись они за образованіе своего языка и родной словесности, вводя одновременно свой народный мадьярскій языкъ во всѣ уряды, суды и даже въ военное управленіе. Мадьярскій языкъ въ школахъ и агитациі роздутого мадьярскаго патриотизма успѣли вскорѣ пріобрѣсти для мадьярской идеи многихъ лицъ изъ славянъ, именно изъ словаковъ, сербовъ, хорватовъ и русскихъ — дальше изъ нѣмцевъ, евреевъ и румынъ. Нѣмцы и евреи стали отыгрывать роль

въ мадьярской печати, и щобы польстити мадьярскимъ вельможамъ, превосходили своимъ шовинизмомъ коренныхъ мадьярь. Къ такимъ омадьярщеннымъ лицамъ принадлежалъ между нными Людвикъ Кошуть, родомъ словакъ изъ земплинского комитета. Пештенскій соймъ надалъ въ 1844 г. законъ, въ силу котораго мадьярскій языкъ объявленъ былъ языкомъ законодательства, управленія, судопроизводства и публичнаго обученія. Комитаты Посега, Верече и Сирмія разомъ съ хорватскимъ Побережьемъ имѣли пользоваться въ своемъ оиціальномъ дѣловодствѣ хорватскимъ языкомъ лишь къ началу 1850 г., съ того же года должны были употребляти исключительно мадьярскій языкъ. Отдѣльная статья языковаго закона отъ 1844 г. опредѣлила, щобы всѣ публичныя, державныя и военныя заведенія, также флаги пристаней и кораблей Хорватіи имѣли мадьярскій національный гербъ и мадьярскіи національныя цвѣты. Мадьярскій языкъ имѣлъ сдѣлаться обязательнымъ предметомъ обучанія въ хорватскихъ школахъ.

Между мадьярами съ 1830 г. стали образоватись двѣ партіи: аристократически-консервативная и демократически-радикальная. Первая имѣла перевѣсъ въ 1825—1841 гг., вторая верховодила въ 1841—1847 гг. Вождями первой партіи были: Сеченій, Дешёффи (ум. 1842), Георгій Аппоній, И. Этвешъ, Авг. Трефоръ, Францъ Пульскій. Она воодушевлялась

для англійскаго конституційнаго образа правленія и не хотѣла срывать съ единствомъ австрійскаго государства. Она стремилась къ сосредоточенію исполнительной власти, къ обезпеченію свободы слова въ соймѣ, къ улучшенію судопроизводства и подъему экономического благосостоянія. Вождями второй, демократически-радикальной партіи были: Людвикъ Кошуть, Семере, Клаузаль, Лондай, гр. Телеки и Деакъ. Кошуть хотѣлъ перевести тяжесть конституційной жизни въ комитаты и городскія управленія, соймъ же желалъ онъ сдѣлать лишь орудіемъ оныхъ. Нѣкоторые изъ его приверженцевъ пошли дальше и прямо провозглашали превосходство республиканскаго правленія. Одинъ изъ нихъ, Станчичъ, помѣстивъ въ своей нѣмецко-мадьярской Граматикѣ разговоръ слѣдующаго содержания: кто есть король Угорщины? — Нѣмецкій императоръ Австріи. — Гдѣ живетъ венгерскій король? Въ нѣмецкомъ австрійскомъ краѣ, въ Вѣднѣ. — Кто есть измѣнникомъ отечества? — Нѣмецъ, онъ кормитъ себе доходами Угорщины. — Якая есть святѣйшая обязанность мадьяра? — Мадьяръ не долженъ выносить чужое нго, хотя бы оно его стоило послѣдней капли крови. Въ крови тирановъ должны народы купаться, дабы они, очищенные, вошли въ царство свободы. Будущность Угорщины создается единственно путемъ революціи. Между всѣми формами пра-

членія една республиканская укрѣнитъ за народами благо и спасеніе*). Правительство производило въ 1830-ти годахъ между членами той партіи арестованія и самъ Кошутъ просидѣлъ 15 мѣсяцевъ въ тюрьмѣ. Въ 1847 г. кошутовская партія окончательно изготвила свою програму, въ началѣ которой объявила, что поведеніе австрійскаго правительства относительно Угорщины есть противозаконнымъ и для интересовъ Угорщины вреднымъ. Она требовала для сойма, комитатскихъ и муниципальных собраній права контроли надъ дѣйствіями правительства, припущенія недворянъ къ законодательной власти, равенства предъ закономъ для всѣхъ сословій, устранения панщины за вознагражденіемъ, свободы слова, свободы собраній, свободы основанія товариществъ и прч. Когда императоръ 7 ноября 1847 г. созвалъ соймъ въ Прешбургъ, Кошутъ былъ избранъ соймовымъ депутатомъ пештенскаго комитета и его приверженцы попали въ значительномъ количествѣ въ палату пословъ. То воздѣйствовало на палату пановъ, и въ ней также образовалась оппозиція противъ правительства, во главѣ которой станули Баттьяни, Влад. Телеки, Сиг. Переній, Каз. Баттьяни, Венкгеймъ и Георгій Каролій. Баттьяни въ одной изъ своихъ рѣчей назвалъ союзъ

---

*) Krones. Geschichte der Neuzeit Oesterreichs стр. 588.

Угорщины съ Австрією „мѣшаннымъ супружествомъ“ и прямо обвинялъ династію въ недоброжелательствѣ для Угорщины. „Исторія габсбургскаго владѣнія“ — сказалъ онъ — не представляетъ надежды на лучшее для Угорщины“...*) Однако правительственная партія все-таки имѣла въ палатѣ пановъ перевѣсъ.

Стремленіе къ омадьярженію немадьярскихъ народностей произвело среди нихъ сильное противодѣйствіе. Во главѣ противомадьярской оппозиціи станули хорваты. Когда мадьярскіи соймы въ 1825—1830 гг. вывѣсили прапоръ мадьярской національности, хорваты принялись за защиту своей народности, находя въ современномъ славянофильскомъ движеніи крѣпкую поддержку. Первымъ хорватскимъ панславистомъ 19-го вѣка былъ Людевитъ Гай (рожд. 1809), съ 1826 г. издатель белетристической газеты „Луна“, впоследствии „Иллирійскихъ народныхъ Новинъ“ и ихъ приложенія „Даницы.“ Онъ старался соединити хорватовъ и сербовъ для общаго дѣла, напоминалъ далматскимъ славянамъ ихъ племенное сродство съ хорватами и указывалъ на необходимость: Хорватію, Славонію, Далматію, Каринтію и Штирію соединити въ одно политическое цѣлое, къ которому съ теченіемъ времени должны бы примкнути Боснія, Сербія, Болгарія, Герцеговина и Черногорія. Мадья-

*) Кронек стр. 602.

ры имѣли однако среди хорватскихъ чиновниковъ многихъ приверженцевъ, которыхъ съ 1842 г. стали называть „мадьяронами“. Хорватско-мадьярская партія учредила себѣ въ 1840 г. въ загребскомъ казинѣ огнище своей пропаганды и старалась распространяти мадьярскій языкъ и мадьярскій духъ. Не смотря на ея усилія, хорватскій сеймъ рѣшилъ въ 1845 г. адресъ къ императору, въ которомъ домогался отдѣльнаго намѣстничества для Хорватіи, архіепископства въ Загребѣ для пріобрѣтенія церковной независимости отъ Угорщины, отдѣльнаго департамента въ венгерской придворной канцеляріи, введенія хорватского языка въ администраціи и судѣ.

Не меньше серіозная оппозиція противъ мадьяръ возникла среди словаковъ*). Словаки, именно протестантская ихъ часть, въ предшествующіи вѣки обнаружали не малую долю интеллигенціи и многіи изъ нихъ занимають почетное мѣсто въ латинско-мадьярской литературѣ. Нѣкоторые изъ словаковъ, когда мадьярами овладѣлъ національный патріотизмъ — проникнулись мадьярскимъ духомъ и дѣйствовали на поприщѣ мадьярской литературы и политики. Къ такимъ принадлежали на пр. Пульскій, гр. Зай и выше названный Кошутъ. Имѣя при-

---

*) Очеркъ политической и литературной исторіи словаковъ за послѣдніи сто лѣтъ. Славянскій Сборникъ I II. 1875.

мѣръ на чехахъ, ставшихъ стараться о своемъ языкѣ, нѣкоторые изъ словаковъ еще въ 1801 г. соединились въ родъ академiи, прешбургскiй же конвентъ евангеликовъ позволилъ учредить въ прешбургскомъ лицей каедру славянскаго языка и литературы. Душею оной академiи былъ Ю. Палковичъ, получившiй въ 1803 г. новоучрежденную каедру. Такимъ образомъ стался Прешбургъ очагомъ славянскаго движенiя. Здѣсь учились Колларъ, Палацкiй и другiи славянскiи дѣятели. Сербскiй архиепископъ Стратимировичъ подарилъ на содержанiе оной каедры 500 зр.

Первымъ словакомъ 19-го вѣка, въ которомъ сосредоточилось народное самосознанiе и славянское чувство, былъ Дубровскiй (рожд. 1753, ум. 1829). Его сочиненiя*) и меньшия статьи положили основанiе современной славистицѣ. Его современникъ Энгель (рожд. 1770 въ Левочѣ, ум. 1814) содѣйствовалъ также развитiю славистики и славянскаго чувства. Своими сочиненiями, относящимися къ исторiи южной Руси и Угорщины**),

*) Lehrgebäude der böhmischen Sprache 1809. — Etymologicon der slavischen Sprachen 1814 — Geschichte der böhmischen Sprache u. Literatur 1791—1818. Institutiones linguae slavicae dialecti veteris 1822

**) Geschichte v. Halltsch u. Wladimir 1792 — Geschichte der Ukraine 1796 — Geschichte des ungarischen Reiches u. seiner Nebenländer 1797— 804.

хотѣлъ онъ, будучи чистокровнымъ ма-
 дьярономъ, показати славу мадьярской
 Угерщины, но вопреки своему желанію
 направилъ чувства читателей на сторону
 славянъ. Его исторія Галичины не мало
 повліяла на пробужденіе національного
 чувства въ австрійской Руси. Пробудив-
 шееся славянское чувство у словаковъ
 воодушевило Коллара (рожд. 1793 ум. 1852)
 къ патриотическимъ пѣснопѣніямъ. Срав-
 неніе давнего могущества славянъ съ
 ихъ тогдашнюю ничтожностью въ Ав-
 стріи наполнило душу его горестію. „О
 Славія!“ — говоритъ онъ въ поэмѣ
 „Славы дщери“ — „солодкій каждый
 звукъ твоего имени... Много терпѣла ты
 не только отъ враговъ, но и отъ соб-
 ственныхъ неблагородныхъ сыновъ... Да-
 леко и широко раскинулась ты! Отъ
 Урала до Татръ, отъ Праги до Москвы,
 отъ Петербурга до Константинополя, отъ
 Дубровника до Камчатки, и на всемъ
 томъ пространствѣ рождается славянская
 рѣчь. Возрадуемся, братья, при видѣ той
 нашей Всеславіи... Если бы славянскіи
 вѣтви были золотомъ, серебромъ и вооб-
 ще различными металлами, то я изъ
 всѣхъ выдѣлъ бы одинъ истуканъ, голо-
 вою котораго были бы Россія, плечами
 и руками чехи, туловищемъ поляки, но-
 гами сербы, а остальныи меньшіи вѣтви
 славянъ одеждою и оружіемъ; передъ
 тѣмъ истуканомъ, который ростомъ былъ
 бы ровень съ облаками и шагами по-
 трясалъ бы землю, должна бы

преклонитесь вся Европа.. Черезъ стóлть славянская стихія, якъ воды потопа, распространится по всѣмъ странамъ, и тотъ языкъ, который нѣмцы считали языкомъ рабовъ, будетъ слышатись въ дворцахъ, и даже враги его будутъ говорить на немъ; науки потекутъ славянскимъ русломъ; одежда, обычаи и пѣсни наши войдутъ въ моду на берегахъ Сены и Лабы. О если бы мнѣ родиться во время того славянского господства, или по крайней мѣрѣ воскреснуть тогда къ новой жизни..“

Въ брошюрѣ „О литературной взаимности между поодинокими племенами и нарѣчїями славянской націи“ *) говоритъ Колларъ, що славяне, подобно якъ вѣтви выходящїи изъ одного ствола, составляютъ одно дерево, или, якъ отдѣльныя земли сѣверно-американской республики, одно государство. Не нужно имѣть одинъ литературный языкъ, при образованїи котораго встрѣтились бы большїи препятствїя, а достаточно знати четыре головныя нарѣчїя: русское, польское, сербо-хорватское и чешско-словацкое. Ученныя должны знати всѣ нарѣчїя до мелочей. При такой взаимности исторїя и литература у славянъ могли бы развиться на столько, чтобы стояти на одномъ уровнѣ съ исторїєю и лите-

---

*) Ueber die literarische Wechselseitigkeit zwischen den verschiedenen Stämmen und Mundarten der slavischen Nation. Pesth. 1831.

ратурою другихъ народовъ. Писатели и различные дѣятели отдѣльныхъ славянскихъ племенъ не отъснѣались бы тогда границами своихъ національностей; кругозоръ ихъ мыслей и поприще дѣятельности расширились бы. Сблизившись между собою, славяне перестали бы быть недоувѣрчивыми другъ къ другу; старыя ихъ споры были бы улажены, а новыя сдѣлались бы невозможными. Отдѣльные языки при литературной взаимности могли бы выкидывать чужія слова и обороты, заимствуя вмѣсто нихъ другъ у друга славянскія слова и обороты.— Для достиженія той цѣли должны служить: учрежденіе славянскихъ книжныхъ магазиновъ во всѣхъ большихъ славянскихъ городахъ, взаимный обмѣнъ изданій между авторами и издателями, каюедры славянскихъ языковъ и введеніе въ школы учебниковъ, соотвѣтствующихъ той цѣли, изданіе общеславянского журнала, въ которомъ печатались бы статьи на всѣхъ славянскихъ языкахъ, частныя и публичныя славянскія библіотеки, сравнительныя словари и грамматики, изданія національныхъ пѣсенъ и пословицъ, однообразное правописаніе... Затѣмъ Колларъ понималъ славянство лишь яко чувство общей родственной и литературной взаимности.

Противники славянскаго движенія усматривали въ выводахъ Коллара политическое объединеніе и преслѣдовали его. Къ слову будь сказано, що примѣни-

тельно къ возрѣніямъ Коллара, при недостатку общелитературного славянского языка, литературная взаимность славянъ мало поступила впередъ. Сегодня чешская литература неизвѣстна ширшею публикѣ поляковъ и русскихъ, польская же и русская неизвѣстны(?) ширшимъ кругамъ чеховъ. Лишь одинъ языковѣдъ можетъ изучати головныи славянскіи языки и ихъ нарѣчія, для прочихъ же ученыхъ такой трудъ соединенъ съ вредомъ для реальныхъ свѣдѣній. Поступая по указанію Коллара, славянскіи ученые были бы знатоками діалектовъ, но мало знали бы изъ прочихъ отраслей человеческого познанія. Сегодня дѣла такъ стоятъ, що славяне въ большей части porozумѣваются между собою посредствомъ нѣмецкаго языка и нѣмецкій языкъ сдѣлался „общелитературнымъ“ славянскимъ -- какъ бы въ предзнаменованіе, що славяне должны потонуть въ нѣмецкомъ морѣ.

Но въ свое время мысль Коллара о литературной взаимности славянъ потрясла всѣмъ славянскимъ міромъ и поставила ученыхъ всѣхъ славянскихъ народовъ сблизитись мыслию съ Славянствомъ. Она воздѣйствовала на австрійскую Русь и утвердила ю въ намѣреніи, ввести свои областныи говоры въ словесность.

Мысли Дубровского и Коллара нашли научное объясненіе и расширеніе въ трудахъ Шафарика (рожд. 1796, у-

мершого въ 1861 г.). Его „Исторія славянскихъ языковъ и литературъ“ *), „Славянскіи древности“ **), „Славянское народоописаніе“ ***) составляютъ эпоху въ исторіи славистики.“

Словацкіи литераторы и политикъ: Людевитъ Штуръ, Іосифъ Гурбанъ, Михайль Годжа, Главачекъ и другіи защищали свой народъ отъ мадьяризаціи, входили въ сношенія съ чехами и старались также угро-россовъ склонити къ защитѣ славянскій національности.

Противъ славянскаго движенія среди словаковъ выступили мадьяры съ цѣлоу рѣшительностью. Угорское намѣстничество приказало 20 сентября 1836 г. развязати „общества различныхъ націй“ въ школахъ Угорщины. Когда въ 1842 г. нѣсколько словацкихъ крестьянъ въ Комаровѣ, за свою привязанность къ народной рѣчи, получило отъ мадьярскихъ чиновниковъ побой палками, оправдывалъ веспримскій комитатъ сіе мѣропріятіе необходимою изъ взгляда на уваженіе къ мадьярскому языку. Словацкій языкъ стали изгоняти изъ школъ и изъ протестантскихъ церквей.

Мадьяризація охватывала сначала лишь словацкихъ католиковъ, впослед-

*) Geschichte der slavischen Sprache u Litteratur. Ofen 1826.

***) Slovanske starožitnosti. Pešt 1838.

***) Slovanski Narodopis. Praha 1842.

ствин и протестантовъ, особенно, когда въ 1840 г. инспекторомъ лютеранской церкви избранъ былъ мадьяронъ гр. Зай, сынъ словацкаго помѣщика. Въ мадьяризаціи видѣлъ онъ торжество интеллигенціи и конституціонной свободы, въ славизмъ же единственно деспотизмъ. Его желаніемъ было, черезъ 25 лѣтъ видѣти въ Угорщинѣ лишь одинъ народъ мадьярскій. На вождей словацкаго движенія посыпались доносы, будто они тяготеютъ къ Россіи и думаютъ о общеславянской державѣ подъ предводительствомъ Россіи. Стоявшій во главѣ студенческаго движенія Штуръ преданъ былъ судебному преслѣдованію, но оправданъ; преслѣдованіе достигло также и Коллара. Мадьярская печать ударила на словаковъ, гр. Зай же взывалъ къ крестному походу на славянъ. „Венгрія—говорилъ онъ — послѣ паденія Польши сдѣлалась оплотомъ Европы противъ кнута. Всѣ жители Угорщины должны учиться по-мадьярски, а не по-славянски.“

Въ 1842 г. 200 словаковъ, въ большей части духовныхъ лицъ, внесли петицію къ императору съ жалобами на притѣсненія и съ просьбою о защиту. Та петиція осталась безъ успѣха. Въ защитѣ словаковъ выступила Augsburger allgemeine Zeitung; въ Липску появлялась въ 1843 г. брошюра о притѣсненіяхъ

въ Угорщинѣ*), въ Чехіи же пробудилось сочувствіе для страданій соплеменниковъ. Чешскій аристократъ, молодой гр. Левъ Туиъ, издалъ въ 1843 г. малую брошюру п. в. „О становищѣ словаковъ въ Венгріи“**) которая не мало напсовала мадьярамъ крѣви. Туиъ взывалъ чеховъ, помогати своимъ братьямъ за Карпатами въ неровной борьбѣ противъ враговъ Славянства. Ему возражалъ мадьяронъ Пульскій, признавшійся, що предпочитаетъ быти нѣмцемъ, чѣмъ славяниномъ въ случаѣ, если бы мадьярскій народъ долженъ былъ погибнути въ борьбѣ съ иноплемениками.

Противъ мадьяръ выступили также румыны изъ Семиграда, имѣвшего тогда свой отдѣльный соймъ и отдѣльное управленіе. Мадьяры въ Семиградѣ прониклись такими же патриотическими чувствами, какъ ихъ соплеменники въ собственной Угорщинѣ. Они стояли въ тѣсныхъ сношеніяхъ въ мадьярскою оппозиціонною партією и помогали ей уніи Семиграда съ Угорщиною. Правительство принуждено было въ 1836 г. развязати тамошній соймъ и опредѣлити мѣстомъ совѣщанія новаго сойма нѣмецкій городъ Сибиъ (Германштадтъ). Правительство, воспро-

---

*) Die Beschwerden u. Klagen der Slaven in Ungarn über die gesetzwidrigen Uebergriffe der Magyaren.

**) Über die Stellung der Slowaken in Ungarn. Prag 1843.

тивляясь притязаніямъ семиградскихъ мадьяръ, старалось епертно въ тамошнихъ саксонцахъ и румынахъ, во главѣ которыхъ стояли ихъ епископы: Андрей Шагуна и Демений. Румыны затребовали на сеймѣ 1843 г. для себе правъ яко отдѣльной націи, а когда ихъ желаніе не удовлетворилъ, они стали проникатись большою ненавистью противъ мадьяръ.

Угро-россы, не имѣя дворянскаго сословія и мѣщанъ и состоя единственно изъ крестьянъ, не могли принимать участія въ политическомъ движеніи Угорщины. Они находились въ совершенной зависимости отъ мадьярскихъ помѣщиковъ, производившихъ надъ своими крестьянами даже судъ. Сеймовый законъ отъ 1836 г. уменьшилъ пашнину и призналъ помѣщичьимъ чиновникамъ право, карати лишь до трехъ дней ареста, воспрещая одновременно мучити подданныхъ подлѣ карю 200 зр. Помѣщичій судъ былъ окончательно устраненъ только въ 1849—1855 гг. и тогда угорско-русскіи крестьяне, яко свободныи граждане, могли считатися политическимъ факторомъ.

Нисе становяще занимали въ Угорщину нѣмцы, наполнявшіи, яко русификаторы и купцы, города и обитавшіи кромѣ того въ цѣлыхъ поодинокихъ поселеніяхъ въ сѣверной и южной Угорщинѣ и въ Семиградѣ. Лишь саксонцы въ Семиградѣ стояли за свои національныи права, угорскіи же нѣмцы съ легкостью примѣнялись къ мадьярскому и

разомъ съ мадярами вели борбу противъ „панславизма.“ Не выступая противъ политическихъ стремлений мадяръ и даже льстя имъ, не отчуждались они однако своей нѣмецкой національности, и мѣла въ нѣмецкой литературѣ и въ безпрерывныхъ торговельныхъ сношеніяхъ съ Германією живо и непрерывно бьющій ключъ для питанія нѣмецкого чувства. Нѣмецкость угорскихъ горедомъ наводила мадяръ опасеніемъ, и по той причинѣ, Кошуть въ 1842 г., не совѣтовалъ своему правительству, включати Угорщину въ нѣмецкій торговельно-пешавинный союзъ; ибо въ такомъ случаѣ невозможно бы омадярчити нѣмецкія героды. „Наши героды“ — говорилъ Кошуть *) нѣмецкіи; промышленность также нѣмецкая. Въ случаѣ присоединенія Угорщины къ нѣмецкому пешавинному союзу, не успѣеть у насъ никогда возникнуть свое мадярское нѣццанство.“

Опозиція противъ Меттерниха возникла также въ Чехіи — отчизнѣ австрійскаго чиновничого сословія въ время Маріи Тересіи. Изъ Чехіи шли чиновники-нѣмцы и кореннии славяне — въ Галичину, Италію, Семиградъ и другіи провинціи. Здѣсь процвѣтала рукодѣлія и всякаго рода промышленность,

*) Ungarns Anschluss an den deutschen Zollverband. Votum von L. v. Kossuth, aus dem Ungarischen übertragen von G. St. Leipzig 1842.

изъ чего возникло благосостояніе и владѣе за нимъ и просвѣщенное мѣщанское сословіе. Съ поры битвы на Бѣлой Горѣ (въ 1620 г.) до временъ Іосифа II Чехія имѣла нѣмецкій характеръ; дворянство и мѣщанство были преимущественно нѣмецкими, чешская же народность, состоявшая такъ сказать изъ однихъ крестьянъ, была придавлена. Германизаціи и централистическіи пробы Іосифа II произвели въ Чехіи противный успѣхъ. Чехи — изъ-за оппозиціи — стали тѣмъ усерднѣе любить свой языкъ и развивать его литературу. Многіи изъ дворянъ и духовенства, задѣтти реформами Іосифа II, перенесли свою горечь также на покровительствуемый Іосифомъ II нѣмецкій языкъ и стали ему предпочитати чешскій. Возникла народно-чешская партія, старавшаяся на сеймѣ 1793 г. о права для чешского языка, однако напрасно. Единственнымъ приобрѣтеніемъ ея была каеэдра чешского языка въ пражскомъ университетѣ (рѣшеніемъ сейма отъ 1792 г.). Переходъ дворянъ — въ большой части нѣмецкого происхожденія — въ чешскій таборъ, продолжался дальше и покровителями чешской словесности стали графы и другіи вельможи, якъ на пр.: Штернберги, Деймъ, Ностиць, Тунъ, Лажанскій и др... Чешскій краевый вѣдѣль назначилъ въ 1829 г. Палацкого краевымъ историографомъ — въ 1830 г. была основана „Чешская Матица“ для распространенія просвѣщенія въ низшихъ

сословіяхъ народа — въ 1839—41 гг. были предприняты мѣры для поднесенія чешскаго музея (научнаго общества). На воззваніе гр. Дейма держалъ Палацкій въ началѣ 1843 г. въ домѣ кн. Карла Шварценберга предъ собраніемъ вліятельнѣйшихъ магнатовъ лекціи о чешскомъ державномъ правѣ, именно о измѣненіяхъ его съ 1627 г.

Чешское державное право стало знаменемъ для феодальнаго чешскаго дворянства, говорившаго на нѣмецкомъ языкѣ, но сочувствовавшего славяно-чешской народности. Подъ покровомъ того знамени чешскіи станы (соймъ) домогались расширенія автономіи своего края и сдѣлали вѣденской придворной канцеляріи не мало затрудненій. Тѣмъ влеченіемъ феодаловъ воспользовался Палацкій и въ своемъ пропамятномъ письмѣ для гр. Фридриха Дейма „О измѣненіяхъ чешскаго державнаго права“ сказалъ: „Битва на Бѣлой Горѣ 1620 г. сломала упадавшее тогда феодальное устройство нашего отечества, и водворила въ Чехіи централизацію власти: Централизація власти породила свою противоположность: общественное мнѣніе. Изъ среды общественнаго мнѣнія произошли принципы національности, яко сформованный противовѣсъ централизаціи. Если чины (станы Чехіи, т. е. аристократія, ибо въ соймѣ имѣло перевѣсъ дворянство) хотятъ прійти къ значенію въ государствѣ, то они должны опертись на

однѣмъ изъ трехъ принциповъ, т. е. 1) на центральную державную власть и выступити противъ общественного мнѣнія, 2) на общественное мнѣніе и поборивати центральное правительство, или 3) на національность, которая можетъ единственно примирити центральную власть съ общественнымъ мнѣніемъ.

Такимъ образомъ сказала Палацкій чешской феодальной шляхтѣ, ще она лишь тогда станетъ могущественнымъ политическимъ факторомъ, если проникнется чешскимъ національнымъ чувствомъ, если будетъ себе сознати принадлежашую къ славянскому народу, а не отособленному космополитическому сословію. Национальное чувство оживляло чеховъ и оно постоянно крѣпилось съ временъ Іосифа II. Съ теченіемъ времени сталъ выразнѣе рисоватись разломъ между чехами и дѣйчъ-бемами (Deutschböhmen). Двигателями чешской народности были происшедшія изъ крестьянъ и мѣщанъ писатели, дальше крестьянское сословіе, усвоившее себѣ грамотность и значительную долю образованности — и наконецъ всегда умножавшееся чешское населеніе по городамъ *).

*) У чеховъ феодальная аристократія если не пособляла славянское движеніе, то не крайней мѣрѣ не мѣшала ему. Она не роспускала народа и не задерживала его просвѣщенія. Католическое духовенство въ Чехіи

стали некидати нѣмецкій языкъ и употребляти исключительно чешскій; устраивались національныя балы, на которыхъ присутствующи обяымы были лишь чешски говорить; по городамъ роеклеивались всякія объявленія на чешскомъ языкѣ. Чешскій патриотизмъ производилъ притягательную силу на аристократію, которая, хотя и не говорила

просвѣщало и убагородноило народъ и центральное правительство не относилось столь подозрительно къ чешскому движению, якъ къ русскому. У чеховъ была розвита промышленность и благосостояніе народа замѣчалось повсюду. Чехи не знали розорительныхъ татарскихъ набѣговъ въ продолженіи 15—17-го вѣковъ и польской анархіи. Казиміръ вел, Ягайло и его сынъ Кэзиміръ совершенно уничтожили русское боярство и мѣщанство въ Червонной Руси, такъ что остались лишь одни крестьяне. Малкая галицко-русская шляхта, образовавшаяся впоследствии изъ волошскихъ князей и солтысовъ, и мѣщанство, опять возродившееся въ 16 вѣцѣ, были за слабы числомъ и имуществомъ, чтобы могли противодействовать польскимъ панамъ и латинскому духовенству, враждебно относившимся къ всему русскому. Въ 18 вѣцѣ и первой половинѣ 19 вѣка (за изъятіемъ короткаго времени Юсифа II) никто не поддерживалъ австрійскую Русь, состоявшую изъ однихъ крестьянъ. Если не смотря на то, она сохранила свою національность, то лишь благодаря своей стойкости, въ которой ей отказать не можно.

по чешски, но все-таки сочувствовала чешскому движению. Молодой гр. Левъ Тулъ, хотя и не владѣлъ совершенно чешскимъ языкомъ, въ брошурѣ своей, писанной по нѣмцѣи и изданной въ 1842 г. „О современномъ состояніи чешской литературы и ея значеніи“, воззвалъ австрійское правительство, не препятствовать свободному развитію національностей, а помогати осуществленію „сего единственно либеральнаго принципа“. „Могутъ быти державы, которыхъ существованіе и могущество зависима отъ національнаго единства населенія, но тотъ законъ не совсѣмъ необходимъ для Австріи“ — сказалъ онъ въ ономъ сочиненіи.

Противъ славизма чеховъ выступили нѣмцы и мадьяры и возникла, особенно послѣ 1840 г., горячая полемика въ газетахъ, брошурахъ и различнаго рода изданіяхъ *). Конечно, чеховъ упрекали въ тяготѣніи къ Россіи, чехи же со своей стороны преподносили свой австрійскій патриотизмъ. Не смотря на ту полемику и нѣкотораго рода отчужденіе между чехами и дейчъ-бегами, пражскій соймъ все-таки единодушно защищалъ автономію края. Выступая противъ „чиновничьяго государства“, чешскіи стапы (соймъ) ставили слѣдующіи требованія **): 1) Национальное краевое

*) Kronen стр. 560—562.

***) Politische Memorabilien aus Oesterreichs Neuzeit, Leipzig 1844.

управленіе подѣ верховною властью Австріи. 2) Ежегодно собирающійся соймъ. 3) Свобода печати для чешскихъ наданій. 4) Отдѣльное финансовое управленіе (бюджетъ) для Чехіи. 5) Совершенное и совѣстное возстановленіе іосифинскихъ законовъ о вѣротерпимости. Для осуществленія тѣхъ требованій должны были — какъ сего требовалъ народный голосъ — соединиться имѣющее помѣстья дворянство съ мѣщанствомъ и старатель отстранити отъ публичной жизни безземельное, низшее дворянство, которое доставляло правительству головный контингентъ чиновниковъ. Чешская аристократія, ровно какъ мадьярская, смотрѣла на поведеніе англійской аристократіи и брала изъ него примѣръ для политической своей дѣятельности. Возникшии тѣмъ путемъ желанія и стремленія ея примѣнялъ историкъ Палацкій въ чешскихъ отношеніяхъ и формуловалъ ихъ.

Требованія чешскихъ становъ, предложенныи въ 1845 г. императору, были придворною канцеляріею (рѣшеніемъ отъ 23 іюля) отклонены. Въ отвѣтъ на то мѣропріятіе правительства, чешскій соймъ (на вѣсеніе гр. Дейма въ ономъ же 1845 г.) установилъ комисію для защиты правъ становъ. Соймъ требовалъ дальшее своихъ правъ и отношенія между вѣденскимъ правительствомъ и станами обострились. Въ засѣданіи отъ 27 мая 1847 г. поставилъ гр. Ламбергъ слѣдующиіи требованія для Чехіи: 1) Содѣйствіе ста-

номъ при всѣхъ финансовыхъ операціяхъ державы. 2) Ежегодное предложеніе станать державного бюджета. 3) Обмеженіе власти чиновниковъ и уменьшеніе количества излишняго маражня. 4) Устойчивость и живость судопроизводства. 5) Сравненіе всѣхъ сословій, предъ судомъ. Съ упрёками противъ правительства выступили также: гр. Деймъ, Эрвинъ и Альбертъ Ностицы и Францъ Тунъ. Въ такомъ состояніи засталъ Чехію годъ 1848.

Якъ же вели себе въ виду оныхъ стремленій австрійскія, прежде всего же вѣднскія нѣмцы, которые — по имѣнію Меттерника — должны были эмигрировать въ Австрію релъ древнихъ римлянъ? И здѣсь среди образованныхъ сословій господствовало неудовольствіе, особенно по поводу цензурныхъ отношеній. Поэтъ Анастасій Гринъ (гр. А. Ауэршергъ) принужденъ былъ свои стихотворенія „Прогулка вѣднскаго поэта“ *) и „Развалины **“) печатати за границею. Поэтъ Ленау своими пѣснями возбуждалъ неудовольствіе изъ-за современныхъ общественныхъ отношеній. Его Polenlieder (польскія пѣсни) пріобрѣли благосклонность публики и ими поднялъ онъ обаяніе польскаго имени въ Австрію до того, що поддѣйше въ 1848 г. поляки въ вѣднскомъ и еромерижскомъ пар-

*) Spaziergänge eines Wiener Posten. Hamburg 1831.

***) Schutt. Leipzig 1855.

ламентъ, даже среди нѣмцевъ, могли пользоваться немалымъ вліяніемъ. Какъ у поляковъ запрещенныя книжки эмигранціи, такъ у австрійскихъ нѣмцевъ было въ обращеніи множество брошуръ и книгъ, печатанныхъ за границею, и порицавшихъ внутреннія отношенія Австріи, ея Schlaraffenthum (осналость), Naderer und Spitzel (тайную полицію) и всякого рода неудобства. Распространеніемъ тайныхъ книгъ занимались ея: гопродавцы, не сѣзнявшіеся частыми полиційскими ревзіями. Нѣмцы требовали конституційнаго образа правленія, и было даже время (въ 1831 г.), когда самъ Меттернихъ склонялся на сторону конституційныхъ реформъ*). Однако всякимъ того рода замысламъ воспротивлялся самъ императоръ Францъ І.

Національная идея произвела для Австріи самыя большія затрудненія въ Италіи. Въ Ломбардіи и Венеціи, численное и зажиточное нѣмчанство, аристократія, духовенство, даже простонародіе мечтали о соединенной Италіи, обнимающей всѣ части Австріи, заселенныя итальянцами. Они обращали свои взоры къ Сардинскому королю Карлу Альберту, станувшему во главѣ національно-итальянскаго движенія, которому сочувствовалъ даже папа Пій IX. Численная армія, въ которой было много галицкихъ

---

*) Oesterreichischer Beobachter 1831. 4 April.

полковъ, едва была въ состояніи обуздывати непокорное населеніе.

На сторонѣ центрального правительства были крестьяне и вообще простонародіе всехъ австрійскихъ краевъ, съ изъятіемъ Італіи, даже венгерскіи крестьяне. У низшихъ сословій императоръ и его династія пользовались великою симпатією, ибо простонародіе видѣло въ центральной власти ограду противъ своеволія знатныхъ. Такъ какъ военная сила состояла изъ простонародія, то династія могла всецѣло полагаться на свое войско — и то обстоятельство было рѣшающимъ факторомъ въ 1848/9 гг.

Предъ 1848 г. австро-русское сельское духовенство не выписывало газетъ и не интересовалось политическими событіями. Для него было также чуждо все, що происходило на духовномъ поприщѣ у другихъ народовъ. Возвръненіе на жизнь и вообще цѣлое міросозерцаніе получало оно изъ второй руки — въ Галичинѣ отъ поляковъ и нѣмцевъ, въ Угорщинѣ отъ мадьяръ. Лишь тѣ, которые воспитывались въ Вѣднѣ, и нѣкоторые лица изъ униатской іерархіи, могли имѣти нѣкоторые, конечно, неясныя понятія о стремленіяхъ, волновавшихъ тогда не одну Австрію, а и цѣлую Европу. Какъ видно изъ литературнаго движенія австрійскихъ русскихъ въ 1830—1848 гг., интересовала ихъ прежде всего славянская идея, и въ томъ отношеніи вліяли на нихъ словацкіи и чешскіи пи-

сатели, особенно тѣ, которые писали на нѣмецкомъ языкѣ, ибо австро-русская интеллигенція оныхъ временъ, вышедшая изъ нѣмецкихъ школъ, наилучше понимала книжки на томъ языкѣ.

Въ такомъ состояніи засталъ австрійскую Русь годъ 1848. Вокругъ нея кипѣло отъ неудовольствія и раздавались окрики: свобода, конституція, равенство, національность, попеченіе о народномъ языкѣ. Центральное правительство, видя привязанность русскаго народа къ династїи и повиновеніе власти, стало склоняться на его сторону, чтобы употребити его въ Галичинѣ противъ поляковъ, въ Угорщинѣ противъ мадьяръ. Въ цѣломъ государствѣ помогались устраненію панщины и всякой крѣпостной зависимости; въ литературахъ всѣхъ народовъ идеализовали крестьянъ и представляли селянскую добродѣтель, достойную лучшей судьбы. Все то могло выйти лишь въ пользу австрійской Руси.

VIII.

1848 и 1849 годы.

Причины австрійской революціи 1848 г. лежали, какъ мы видимъ изъ предшествующей главы, въ слѣдующихъ обстоятельствахъ: 1) Въ стремленіи становъ (соймовъ) поодинокихъ провинцій къ автономіи, которая не дала согласи-

тисъ съ крѣпкою центральною властью, якой стояла династія; 2) въ національной идее, начавшей борьбу съ германизациею и требовавшей правъ для народныхъ языковъ въ администраціи, судѣ и школахъ; 3) въ общеевропейскомъ либерализмѣ, стремившемся къ ограниченію власти владѣтеля, перенесенію части ея на населеніе, сровнанію всѣхъ сословій на доприщѣ гражданскихъ правъ и расширенію правъ личности.

Также экономическіи и финансовыя отношенія государства были источникомъ неудовольствія. Въ 1843 г. державный долгъ выносилъ 1021 миліонъ гульденовъ, годовой же доходъ державы 160 мил., изъ которыхъ 50 мил. шло на уплату процентовъ долга, 48 мил. на администрацію, 60 мил. на войско*). Хотя правительство весьма часто говорило о излишствахъ доходовъ, однако мимоходомъ падало въ очи, что оно съ вѣденьскими банкирами Ротшильдомъ, Арнштейнъ-Эскелесомъ, Фризомъ, Гейндлеромъ, Синою и другими периодически переводило финансовыя операціи. Тѣ банкирскія фирмы, какъ и великія фабрики съ 50—100.000 гульд. годичного дохода, платили лишь 500—1500 гульд. податка, когда, напротивъ, руководящіяи и меньшіи купцы жаловались на обремененіе налогами. Земельный податокъ,

*) Oesterreich u. dessen Zukunft. Hamburg 1843.

составлявший годично 40—56 мил. гульд., не былъ высокѣй, но распредѣленіе его по провинціямъ не было равномерное. Акція въ давалъ 72 мил. дохода. Отъ многихъ вѣдлій платилось вывозную пошлину, которая придавала промышленности.

Горючіе вещества, накопившіяся въ Австріи, воспламенились подъ вліяніемъ парижской революціи отъ 22 февраля 1848 г. Едва надоспѣла въ Вѣднѣ вѣсть о томъ событіи, овладѣлъ панической страхъ биржою и публикою, толпившеюся воокъ державныхъ касъ, чтобы банкноты перемѣнати на серебро. Когда опять пришла свѣжій вѣсти о успѣсѣ парижской революціи, сталъ народъ, особенно мѣщане и студенты, собираться, совѣщаться и составлять адреса къ императору. Стихи, сочувствующіи себѣ, устраивали тайны сходки и составляли планы на будущность. Полиція, въ виду такого движенія, была безпомощна. Чешскіи и нижне-австрійскіи станы просили, чтобы ихъ скорше созвати на соймовыи засѣданія. Галицкій соймъ былъ созванъ на день 26 апрѣля. Одновременно овладѣло движеніе мадыарами и Кошутъ затребовавалъ 3 марта новой конституціи для своего отечества. Въ императорскомъ дворцѣ въ Вѣднѣ собрался тогда семейный совѣтъ. Архикнягиня Олѣя и архикнязь Іоаннъ совѣтовали ввести реформы, но архикнязь Людвикъ и Меттернихъ воспротивидись тому. Между-тѣмъ соста-

влялись все новые адреса. 12 марта собралось 2000 студентов, требуя устранения цензуры, свободы обучения, явного суда и народного представительства. Когда они получили от правительства неудовлетворительный ответ, улицы Вьдны стались мѣстомъ серьезныхъ волненій. Правительство принуждено было употребити вооруженную силу, при чемъ пало жертвою пять лицъ. Меттернихъ долженъ былъ уступить, и вечеромъ 15 марта провозгласилъ императорскій герольдъ предъ толпами, собранными подъ императорскимъ дворцомъ, що императоръ выдалъ патентъ, признающій свободу печати, установленіе національной гвардіи и созваніе пословъ, набранныхъ мѣщанами и провинціальными станами для нового устройства державы.

Вьдень отпраздновалъ свою побѣду величественною иллюминаціею и восхищенными восклицаніями поздравлялъ появившегося на балконѣ дворца императора. Образовалось новое министерство подъ предводительствомъ гр. Коловрата, въ которомъ засѣли: Фикельмонъ для иностранныхъ, Пиллерсдорфъ для внутреннихъ дѣлъ, Кибекъ для финансовъ, гр. Тафе для судопроизводства. Объявлена была амнистія для политическихъ преступниковъ и польскіи заговорщики, темившіеся въ тюрьмахъ Куештайна, Верна и другихъ крѣпостей, были пущены на свободу.

Движеніе, начавшееся въ Вьднѣ,

скоростью молніи удѣлилось другимъ провинціямъ, и всюда стали собиратись на совѣщанія и составлять стереотипныя требованія: свободы, конституціи и обезпеченія правъ для поодинокихъ національностей. Едва пришла въ Галичину вѣсть о волненіяхъ въ Вѣднѣ, а сейчасъ собрались вожди галицкихъ поляковъ во Львовѣ и составили (18 марта) адресъ къ императору. „Поляки должны быти—говорилось въ немъ— передовою стѣною Европы предъ неволею и невѣжествомъ. Роздѣлъ Польши былъ политическою ошибкою, ибо съ тѣхъ поръ началась вражда между поляками и нѣмцами и могущество Австріи стало клонитись къ паденію, такъ какъ держава, имѣющая сильнѣйшаго сосѣда, всегда теряетъ на значенія. Нашимъ задушевнымъ желаніемъ есть, возстановити нашу отчизну. Въ объявленіи Вашего императорскаго Величества, що хотите признати и почитати нашу народность, мы усмотриваемъ желаніе, устранить трактаты о роздѣлѣ Польши. Вѣденскіи трактаты и такъ уже сломаны въ цѣлой Европѣ. Война кажется быти необходимою. Хотемъ быти готовы къ ней, и то въ союзѣ съ Австрією“... Дальше просятъ поляки, чтобы императоръ подтвердилъ основавшійся „народовый комитетъ” и призналъ за нимъ право, составить новое уложеніе и конституцію для Галичины, которую окончательно должно одобрити „народное собраніе” Галичины. Кромѣ того требо-

вали поляки: 1) удаленія чиновниковъ, ибо они чуждой народности и сѣють вражду между народомъ и монархомъ; 2) учрежденія національной гвардіи; 3) своего національного войска; галицкіи полки должны возвратитись въ свой край, поступити подъ власть организаціи комисіи, установленной „народовымъ комитетомъ“ и присягнути, що ничего не предпріймутъ противъ нашихъ народныхъ учрежденій; среди такихъ обстоятельствъ существующіи полки могутъ остаться въ провинціи до организаціи краевого народного войска, въ которомъ офицерами могутъ быть лишь уроженцы края; 4) введенія польскаго языка въ школы, судъ и всѣ уряды; въ народныхъ школахъ обученіе должно происходить въ такомъ нарѣчїи, которое въ извѣстной мѣстности преобладаетъ; 5) созванія сойма или народного собранія на принципахъ, установленныхъ комитетомъ; оно должно быть репрезентаціею народа, не винмая на сословія и вѣроисповѣданіе и обнимати духовенство, помѣщиковъ, мѣщанъ, селянъ и интеллигенцію безъ недвижимаго имѣнія; 6) свободы публичныхъ собраній для совѣщаній; 7) амнистія должна обнимати и военныхъ людей, и политическихъ убійцевъ, ибо убійцы 1846 г. не были судомъ преслѣдованы; конфискованныи имѣнія должны возвратитись собственникамъ; 8) присяжныхъ судовъ и гласности судопроизводства; 9) срав-

ненія всѣхъ предъ закономъ, не смотря на сословіе и вѣроисповѣданіе; 10) нового свободного устройства городскихъ и сельскихъ общинъ; 11) никто не долженъ быти правительствомъ вязненъ или гонимъ безъ суда; 12) всѣ связи подданства должны уничтожиться, селяне имѣютъ получить землю на собственность, устроеніе же цѣлого селянского дѣла должно принадлежати союму *).

Сей адресъ стали слѣдующаго дня, (19 марта) подписывати во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ. И воспитанники львовской русской духовной семинаріи были того же дня приглашены въ академію для его подписанія. Но между семинаристами явился членъ Ставропігійскаго Института д-ръ Кириллъ Вѣнковскій и сказалъ имъ: „Не забывайте, що вы русское племя, отдѣльное отъ польского, що у васъ есть иная національность, своя исторія, свой языкъ, словомъ, що вы русскіи. Если хотите подписати, то не дѣлайте сего прежде, пока въ адресѣ не будетъ помѣщена точка, обезпечаящая за вами самостоятельный вашъ бытъ, вашу народность, и вашъ языкъ.“

Такое требованіе русскихъ семинаристовъ поставило поляковъ въ трудное положеніе. Историкъ Бѣльвскій, пользовавшійся среди нихъ не-

---

*) Gering - Szwejkowski: *Historya narodu polskiego* V. стр. 8 и сл.

малымъ авторитетомъ, сказаль: „Признати русскій народъ отдѣльною національностью — значитъ приложить бритву къ польскому горлу“... Стало бытъ, русскому народу поляки не признали національной самостоятельности. Въ польскихъ газетахъ, брошурахъ и памфлетахъ появились напасти, обвиненія и всякого рода брань, направленные противъ тѣхъ, кто не хотѣлъ себе признати полякомъ, а считалъ себе русскимъ. Въ львовской русской дух. семинаріи не оказалось много поляковъ: 250 питомцевъ обязались клятвою, говорити лишь по-русски, стояти за русскую идею и права своего народа. Теперь оказалось, що колонизація русской интеллигенціи была лишь поверхностная и маленькая искорка могла роздуть утаенное въ нѣдрахъ сердець народное чувство. Русскіи защищались противъ печатныхъ нападковъ. А. Петрушевичъ издалъ въ мѣсяць маѣ брошуру п.з.: „Нѣсколько словъ въ защитѣ русской народности“ *).

Вскорѣ послѣ оныхъ происшествій отправилась польская депутація въ Вѣдень съ адресомъ. Здѣсь застала она депутаціи изъ другихъ провинцій, между иными: изъ Хорватіи и Чехіи. Хорваты (подъ предводительствомъ Гая) и чехи сблизились съ поляками и угово-

---

*) Słów kilka w obronie ruskiej narodowości.

ривали ихъ, щобы они соединились съ прочими славянскими народностями и старались перемѣнити Австрію въ конституційную монархію съ славянскимъ характеромъ. „Сего жадаеть династія — сказала Гай — я получилъ отъ двора указаніе въ томъ дѣлѣ“. Но поляки отвѣтили отказомъ: „Мы думаемъ лишь — сказали они — о возстановленіи своего отечества, славянство же есть для насъ безучастнымъ дѣломъ... Отвѣтъ императора на адресъ гласилъ: „Желанія моихъ вѣрныхъ подданныхъ возьму на розсмотрѣніе и велю сдѣлать, що для ихъ блага считаю соотвѣтствующимъ.“ Министръ Пиллерсдорфъ отвѣтилъ въ отдѣльномъ письмѣ, що Галичинѣ дадутся такіи же свободы, якъ другимъ провинціямъ Австріи.

Нетерпеливо всѣмъ населеніемъ ожданная конституція была обнародована въ день рожденія императора Фердинанда (28 апрѣля). Она заключала: сровненіе гражданскихъ правъ, безъ розличія сословій и вѣроисповѣданій; ровенство всѣхъ гражданъ предъ закономъ; доступъ для гражданъ всякого сословія къ державнымъ и гражданскимъ урядамъ; свободу вѣроисповѣданія, личности, слова и печати; право вношенія прошеній къ правительству и учрежденія обществъ; одинаковый судъ для всѣхъ гражданъ; сровненіе военной повинности; независимость, явность и словесность суда, суды присяжныхъ для карныхъ дѣлъ и установ-

леніе двухъ палатъ съ рѣшающимъ голосомъ въ дѣлахъ законодательства и налоговъ, собирающихся ежегодно, съ правомъ, привлечь министровъ къ отвѣтственности.

Та конституція не удовлетворяла населенію. Либеральныя кружки возражали, что не императоръ, а собраніе представителей населенія должно бы конституцію составить. Также не понравился подвѣдъ державной думы на двѣ палаты; студенты и мѣщане въ Вѣднѣ требовали парламента съ одною палатою, который самъ устроилъ бы государство по своему усмотрѣнію. И поляки не были довольны предполагаемымъ устройствомъ государства, ибо въ §. 1 конституціи стояли слова: „Всѣ края австрійскаго государства составляютъ одну и нераздѣльную конституційную монархію“— они же мечтали о самостоятельномъ польскомъ государствѣ, которое было бы соединено съ Австріею лишь персональною уніею.

Въ день обнародованія конституціи происходило во Львовѣ, въ музеѣ русской дух. семинаріи, торжественное собраніе для чествованія императора въ день его рожденія. Присутствовали львовскій епископъ-суфраганъ Яхимовичъ съ крылошанами, профессора университета и высшія чинаованки губерніи. Питомецъ И. Гущалевичъ произнесъ по тому случаю торжественную рѣчь на русскомъ языкѣ, въ которой загрѣвалъ сотоварищей къ любви своей русской народности. Хоръ

семинаристовъ пропѣлъ нѣсколько рус-
скихъ пѣсень. Было то въ оное время
первое собраніе съ русскимъ характе-
ромъ.

Между-тѣмъ въ Вѣднѣ стихіи, недо-
вольны издавною правительствомъ (ок-
троеванною, якъ тогда говорилось) кон-
ституціею, возбудили новыя волненія. На-
страшенный императорскій дворъ прину-
жденъ былъ конституцію отмѣнити и по-
зволити на собраніе парламента, который
имѣлъ изготавити новую конституцію.
Одновременно (15 мая) императорскій
дворъ удалился изъ Вѣднѣ въ Инсбрукъ.
Въ Вѣднѣ продолжались волненія и 26 мая
студенты, мѣщане и робочіи стали ста-
вить барикады. Щобы предупредити роз-
литіе крови, министерство приказало вы-
вести изъ Вѣднѣ войско, за изытіемъ
отрядовъ, необходимыхъ для гарнизонной
службы, и позволило на учрежденіе „вы-
дѣла мѣщанъ, народной гвардіи и сту-
дентовъ“, которому поручило попеченіе
о спокойствіи столицы.

Стихіи, домагавшіися конституцій-
ныхъ свободъ, требовали также устано-
вленія новой военной силы, которой за-
дачею имѣла быти защита конституціи.
Такъ якъ власть императора опиралась
на постоянной арміи, то и населеніе,
имѣвшее притязаніе къ половинѣ дер-
жавной власти, хотѣло таковую защища-
ти посредствомъ своей вооруженной си-
лы, которую называли національною
гвардіею. Императоръ позволилъ еще 15

марта образованіе національныхъ гвардій. Первая гвардія устроилась въ Вѣднѣ; она состояла изъ студентовъ и мѣщанъ. По ея примѣру образовались такіе же гвардіи по городамъ другихъ провинцій. Въ Галичину нахлынуло тогда много эмигрантовъ изъ Франціи; также служившихъ когда-то въ арміи польскихъ государственныхъ преступниковъ, на которыхъ императоръ распространилъ прежде объявленную амнистію, вернулись изъ тюремъ на родину. Они заняли мѣста инструкторовъ и офицеровъ въ галицко-польской гвардіи, которую образовали не только во Львовѣ, но также во всѣхъ другихъ городахъ. Во Львовѣ былъ комендантомъ ея нѣкій Выбрановскій. Университетскіи студенты составили отдѣльную легію и въ своихъ, на-скоро сшитыхъ мундирахъ изъ грубого полотна, стали исполнять должность стражниковъ въ городѣ вмѣсто императорскаго войска. Гвардія получила вооруженіе частью изъ державныхъ магазиновъ, частью путемъ добровольныхъ пожертвованій. Въ каждомъ городѣ гвардія стояла подъ властью городской управы (магистрата) и являлась въ вооруженіи лишь при исполненіи службы. Въ цѣлой Галичинѣ было 20.000 польскихъ гвардейцевъ. Споры и драки между императорскимъ войскомъ и гвардіею были на дневномъ порядку. Во Львовѣ возникла самая больша вражда между артиллеристами-чехами и гвардейцами. Также частыя лица не

сочувствовали польскому войску. Такъ одинъ житель города Дембицы, Лангнеръ, былъ арестованъ гвардією, ибо подстрекалъ противъ нея крестьянъ.

Кромѣ гвардіи, галицкіи поляки учреждали по всѣмъ городамъ также „Рады, или комитеты народныхъ“, которыя должны были руководити политическимъ движеніемъ, составлять петиціи къ императору, собирать подписи и жертвы на народныя цѣли и управлять выборами въ новоучреждаемый вѣденскій парламентъ. Имѣя сильную организацію и вооруженную силу 20.000 человекъ, могли поляки смѣло выступити предъ правительствомъ, запуганнымъ волненіями въ цѣлой державѣ и войною въ Италіи, ибо итальянцы возстали еще въ мартѣ и, въ соединеніи съ сардинскимъ королемъ Карломъ Албертомъ, выперли австрійскіи войска изъ Медиолана и Венеціи. Всѣмъ было ясно, что и мадьяры готовятся къ возстанію. Въ Галичинѣ поляки также ненавидѣли Австрію, такъ якъ имъ былъ еще въ свѣжей памяти 1846-тый годъ, полицейныя ревизіи, арестованія и заключенія въ тюрьмахъ крѣпостей! Поляки роптали, что Австрія не печалится о благосостояніи Галичины, что въ краѣ томъ нѣтъ ни одной промышленной школы, что руководлія упали, что нужда господствуетъ въ краѣ. Галицкіи поляки могли тогда весьма легко отдѣлится отъ Австріи и они откровенно говорили, что стремятся къ устано-

вленію въ Галичинѣ независимаго польскаго государства.

Тогдашній губернаторъ гр. Францъ Стадіонъ, хотя его называли „тяжелымъ“ (schwerblütig), оказался однако человекомъ на своемъ мѣстѣ. Онъ еще прежде вступилъ въ сношенія съ русскими патриотами, теперь же сталъ ихъ склонять къ организаціи и поручилъ правительственнымъ органамъ въ томъ дѣлѣ помогати русскому движенію. Кромѣ того австрійская бюрократія рѣшилась выдвинуть крестьянство противъ мѣщанъ и либеральныхъ стихій. Центральное вѣденское правительство объявило, що, въ силу изданной императоромъ конституціи, всѣ тягости и повинности крестьянъ прекращаются съ днемъ 3 (15) мая 1848 г., размѣръ же и способъ вознагражденія за протекшіи изъ того убытки помѣщиковъ будутъ позднѣйше опредѣлены. Правительство удержало за собою благосклонность крестьянъ. Въ Верхней и Нижней Австріи села не соединились съ городами и не помогали вѣднцамъ противъ правительства, въ Галичинѣ же все сельское населеніе осталось вѣрнымъ австрійскому правительству.

Съ согласія и при содѣйствіи гр. Франца Стадіона основали епископъ суфраганъ Яхимовичъ, крылошане Куземскій и Лотоцкій и профессора богословія Геровскій и Венедиктъ Левицкій родъ національно-русского представи-

тельства подъ названіемъ „Русской Рады“. Ровно якъ польскій народовый комитетъ, она должна была руководити политическимъ и національнымъ движеніемъ русскихъ галичанъ, доводити посредствомъ петицій до свѣдѣнія правительства желанія русскаго населенія, выступать отъ имени галицко-русскаго народа, управлять выборами въ парламентъ и т. п. По образцу львовской „Русской Рады“ должны были образоватись подобныя же общества по провинціальнымъ городамъ и подчинитись львовской Радѣ. Современнo съ учрежденіемъ „Русскихъ Радъ“ должна была образоватись также національно-русская гвардія. Чиновники губерніи розъѣзжали по провинціальнымъ городамъ и наклоняли священниковъ и нечисленную русскую интеллигенцію къ завязыванію того рода обществъ *).

Яхимовичъ и Куземскій созвали на день 2 мая львовскую интеллигенцію на собраніе въ салью консисторіи. Университетская молодежь и семинаристы имѣли также выслати на то собраніе своихъ делегатовъ. Въ означенный день наполнилась салья и вѣдущіи въ оную коридо-

---

*) Такъ розказують старожилы. О участіи чиновниковъ въ русско-народномъ движеніи см также „Родимый Листокъ“ Черновцы .8.1 стр. 41 и Вьницковскаго: Гр. Яхимовичъ.

ры численною интеллигенціею*). Половина ея состояла изъ поляковъ. Поляки стояли кружками и вели съ русскими кружками горячій споръ. Они наклоняли русскихъ всякими способами, не разрывать „польско-національного единства“, не основывати отдѣльной „Рады“, а вступить въ польско-народовую. При спорахъ и шумъ вступили собранны въ салю, въ которой предсѣдатель, крылошанинъ Жуковскій, обвѣстилъ начало совѣщаній. Когда лишь предсѣдатель началъ свою рѣчь, шумъ и крики усилились. „Не нужны двѣ „Рады“ во Львовѣ — одинъ край и одинъ народъ — русины состоятъ частью польского народа — русскій языкъ есть лишь нарѣчіе польского“ — кричали поляки. Чтобы прекратить такой хаосъ, согласилось собраніе на выборъ двоихъ ораторовъ, польского и русского, которые бы отъ имени своихъ національностей изложили свои взгляды. Изъ польской стороны избранъ былъ нѣкій Сускій, изъ русской А. Заклинскій. Они запустились съ собою въ пренія на тему отдѣльности русского народа отъ польского, ссылаясь на исторію Польши и Руси. Когда поляки видѣли, що они нашихъ людей разубѣдити не могутъ, опустили мѣсто совѣщаній, и остались одни русскіи, вписавшіися, числомъ 80 чел., въ новое Общество, въ предсѣдателя ко-

---

*) Записки Алексея Заклинского; Львовъ 1890 стр. 88 см.

того избранъ былъ епископъ Яхимовичъ.

Не дастся отрицати, що на характеръ и направленіе галицко-русскаго движенія повліялъ головнымъ образомъ губернаторъ гр. Францъ Стадіонъ*). Участвовавшіи въ переговорахъ съ нимъ русскіи передовіи люди не оставили намъ записокъ, которыи бы въ томъ отношеніи подали точнѣйшіи объясненія. Бывшій редакторъ „Слова“, Богданъ, А. Дѣдицкій, созналъ предъ судомъ во Львовѣ во время процесса Ольги Грабарь**), що, когда депутація русскихъ, состоявшая изъ 6 членовъ, пришла къ Стадіону, онъ спросилъ ихъ: Кто вы? (т. е. какая ваша національность?). Они на то отвѣтили: Мы ругены (Wir sind Ruthenen). Стадіонъ возразилъ на то: Такій-ли вы народъ, якъ населеніе Россіи? — Они отвѣчали: Населеніе Россіи есть схизматическое, мы къ нему себе не причисляемъ. — Стадіонъ спросилъ ихъ дальше: Якое письмо употребляете вы? — Они отвѣтили: У насъ есть старое церковное письмо. — Стадіонъ опять спросилъ: А можетъ быти, що то такое письмо, якъ гражданка въ Россіи? Депутація не могла дати удовлетворительного отвѣта, ибо не знала исторіи русскаго письма.

*) R. Hirsch: Franz Graf Stadion Wien 1861.

**) Стенографическій отчетъ изъ судовой росправы по дѣлу Ольги Грабарь и товарищей. Львовъ 1882 стр. 253—254.

Изъ оныхъ словъ явствуетъ, що Стадіонъ требоваль отъ русскихъ галичанъ опредѣленія ихъ національности. По розсказамъ другихъ лицъ, современныхъ онымъ событіямъ, имѣль Стадіонъ прибавити: Если вы тотъ же народъ, що въ Россіи, не розсчитывайте на поддержку правительства. Депутація, якъ видимъ, касательно этнографического становища галицкой Руси дала уклончивый отвѣтъ, сводя отмѣнность галичанъ отъ закордонныхъ русскихъ къ вѣроисповѣдному различію.

Якъ кажется, австрійское правительство стало заниматься малорусскимъ вопросомъ послѣ 1840 года, ибо Погодинъ послѣ своего третьяго путешествія по славянскимъ землямъ (въ 1842 г.) въ отчетъ, представленномъ министру народнаго просвѣщенія, коснулся также „административно-политическихъ замысловъ Австріи относительно малорусского племени“ *). Содержаніе сего отчета намъ неизвѣстно — и для того родъ замысловъ австрійскаго правительства относительно малороссовъ не можемъ опредѣлти. Однако мы видимъ, що уже въ 1846 г. Головацкій и Яхимовичъ стоятъ на малорусскомъ становищѣ и говорятъ о малороссахъ яко отдѣльной политическо-культурной цѣльности.

Стадіонъ уже въ началѣ польскаго движенія въ Галичинѣ подвинуль своихъ

*) Письма къ М. П. Погодину изъ славянскихъ земель. Москва 1879 XIV.

русиновъ. Прежде, чѣмъ устроилась Русская Рада, было въ его рукахъ прошеніе въ императору отъ русскаго народа въ Галичинѣ, помѣченное числомъ „19 березня (марта?), въ которомъ просилось о введеніе русскаго языка въ народныя и среднія школы, о издаваніе Вѣстника законовъ по русски, о сровнаніе гр. кат. духовенства съ латинскимъ, о русскихъ чиновниковъ и прч...*) Теперь пришолъ по адресу Русской Рады во Львовѣ отвѣтъ министра Пиллерсдорфа (отъ 9 мая) того содержанія, що высочайше рѣшено: ввести въ народныя и среднія школы русскій преподавательный языкъ, учредить на львовскомъ университетѣ кафедрѣ русскаго (т. е. малорусскаго) языка, печатати Вѣстникъ законовъ по русски и требовати отъ галицкихъ чиновниковъ знанія русскаго языка. Въ то же время (3 мая) Стаціонъ составилъ при своемъ боку приближенный совѣтъ (Beirath), котораго опредѣленіемъ было, помогати ему въ управленіи провинціею, и пригласилъ въ тотъ совѣтъ Гр. Яхимовича (назначеннаго перемышльскимъ епископомъ императорскимъ рескриптомъ отъ 19 апрѣля) а также крылошанъ Куземскаго и Малиновскаго и русскаго адвоката Климентія Рачинскаго. Позднѣйше (18 мая) обя-

---

*) Д. Вѣдковскій: Григорій Яхимовичъ и современное русское движеніе („Галицкая Русь“ 1892 г.) н-рѣ 160 глава 1848—1849 г.

вилъ онъ губернскимъ рескриптомъ признательность русскому народу за его вѣрность императору и правительству.

3 (15) мая появилось первое число русской газеты подъ заглавіемъ „Зоря галицкая“ подъ редакціею Антонія Павенцкаго. Та газета, якъ и воззваніе львовской Русской Рады и агитація правительственныхъ чиновниковъ въ пользу галицко-русского дѣла, перенесли русское движеніе въ провинціальныхъ города и вскорѣ были основаны 34 филия львовской головной Русской Рады. Одновременно стало пробуждаться русско-національное сознаніе. Русины въ одно мгновеніе покинули польскій языкъ и старались говорить по-русски. Одни у другихъ заучивали необходимы въ товарищескомъ обращеніи повороты и слова, якъ: „мое почтеніе, до свиданія, имѣю честь, господинъ, госпожа, держава“, а если говорящему недоставало для означенія мысли соотвѣтственного выраженія, то онъ мѣшалъ въ свою рѣчь цѣлыя нѣмецкія фразы. Учащаяся молодежь — ученики гимназій и студенты университета — не знали по русски читать; вслѣдствіе того воззванія Русской Рады прошли мимо нихъ безъ малѣйшаго впечатлѣнія и они мимовольно вовлекались польскою агитаціею въ противный таборъ. Легче всего принималась русскость у священниковъ, знавшихъ славянское письмо и они то составили новый разговорный языкъ русского о-

бразованного класса въ Галичинѣ, нашедшій примѣненіе въ галицко-русской литературѣ послѣ 1848 г. Составители сего языка не знали ни современной великорусской рѣчи, ни исторіи русской литературы, однако — къ удивленію поляковъ — влекомы природнымъ словеснымъ чувствомъ, на основаніи простонародныхъ говоровъ и церковного языка образовали слова, сходны со словами современной великорусской литературной рѣчи. Поступивши въ члены русскихъ Радъ, они принимали яко внѣшнюю примѣту черно-жолтую кокарду (австрійскій державный цвѣтъ) и оттого поляки назвали ихъ „шварцъ-гельберами“. Якимъ образомъ составлялись того рода Русскія Рады, видимъ на событіи, сопровождавшемъ основаніе такого Общества въ Станиславовѣ *). Въ назначенный день собрались нѣмцы и чехи; предсѣдатель говорилъ по нѣмецки, потомъ одинъ полякъ-чиновникъ по-польски. Собравшіяся завязали Общество, пригласили къ вступленію въ него русскихъ мѣщанъ и селянъ — и только, когда послѣдніи на второмъ засѣданіи явились, приняло собраніе русский характеръ. Тогда устроено было Богослуженіе, во время котораго одинъ мѣщанинъ держалъ синій прапоръ съ львомъ по одной, и австрійскимъ орломъ по другой

---

*) Воспоминанія изъ недавней бывальщины, „Родимый Листокъ“ 1881 стр. 57, 72—73.

сторонѣ. Послѣ Богослуженія начались совѣщанія въ готелѣ среди шума и крика, происходившего отъ поляковъ, окружавшихъ мѣсто собранія. Въ томъ въ салѣ раздается трескъ и печь разлетается среди дыма. Одновременно сыплется песокъ на головы собравшихся. Устроилъ то одинъ университетскій студентъ-полякъ, насыпавшій стрѣльного пороху въ печь, зажегшій таковой и сыпавшій потомъ песокъ на головы собранія, крича: Утекайте, сала валится... Въ переполохъ кидаются всѣ, кто къ дверямъ, кто къ окнамъ, и предсѣдателю едва удается успокоить напуганныхъ. Стоявшіи вблизи студента узнали штуку и вытолкли ея виновника за двери. Предсѣдатель послалъ за военною патрулью, которая вскорѣ явилась и подъ ея охраною совѣщанія продолжались.

Дальшія засѣданія станицлавовской Русской Рады происходили въ каждый четвергъ въ деревянной церкви св. Варвары. Въ серединѣ поставленъ былъ столъ съ креслами, при которыхъ сидѣла президія. Въ церковь входилъ, кто хотѣлъ, ставалъ предъ президією, говорилъ короткую или долгую рѣчь и ставилъ внесенія, которыя записывались въ протоколъ и отсылались въ головную Русскую Раду во Львовѣ. Тѣ внесенія были разнородныи и безъ порядка. Вотъ выступаетъ одинъ священникъ и желаетъ, чтобы во Львовѣ создати „Народный Домъ“ для музея, библіотеки, съ салю

для собраній, щоби дальше при дорогахъ садити овощевыи дерева и обводити ихъ живыми плотами, щоби русскій языкъ введенъ былъ въ школахъ и урядахъ, щоби учредити епископство въ Станиславовѣ, щоби уланскіи полки преобразовати въ козацкіи. Послѣ священника выступаєть селянинъ и жалується на помѣщика и мандатора, прогоняющихъ его изъ земли, отнимающихъ ему лѣсъ и пастбище. Въ толпѣ возникаетъ шумъ и не слышно оратора. Предсѣдатель звонить, взывая къ порядку... Много крестьянъ на сей знакъ падаетъ на колѣна, думая, що начинается литургія — но предсѣдатель объясняетъ имъ, що то лишъ знакъ, дабы они вели себе смирно и дали оратору свою рѣчь докончити...

И въ польскихъ собраніяхъ было много шума и увлеченій. На стѣнахъ мѣстъ собранія видна была надпись: „Вольность, рувность, братерство“... Собрании титуловали себе: братъ, обыватель, сестра, обывателька. Они пѣли патриотическіи пѣсни и съ злорадностію показовали себѣ карикатуры, въ которыхъ Стадіонъ изображенъ былъ въ владычьей митрѣ съ жезломъ въ рукахъ (будто онъ русскій митрополитъ), или Яхимовичъ съ косою (будто онъ хочеть рѣзати поляковъ) и мѣшкомъ, полнымъ рублей.

Наша люди хотѣли имѣти также свою гвардію. Но для нея не доставало матеріала, ибо не было національнымъ

*

духомъ проникнутого мѣщанскаго сословія. Во Львовѣ было незначительное количество русскихъ гражданъ, но и они говорили по-польски и лишь сознавали свою принадлежность къ униатскому обряду. По-русски говорили мѣщане въ провинціальныхъ городахъ, якъ въ Дрогобычѣ, Стрыѣ, Тернополѣ, Бережанахъ, Бучачѣ, Сياتинѣ, Коломыѣ, Станиславовѣ, но они были бѣдны, безъ просвѣщенія и кромѣ хлопотъ о насущный хлѣбъ, не знали другихъ стремленій. Въ Дрогобычѣ хотѣли организовать русскую гвардію извѣстный писатель-священникъ Іосифъ Левицкій (бывшій тогда приходникомъ въ Грушевой) и игуменъ монастыря Ч. св. Василія вел. Юстинъ Ганкевичъ. Они снарядили уже хоругвь, которую посвятилъ крыл. Іоаннъ Селецкій во Львовѣ, игуменъ же открылъ монастырь для засѣданій мѣстной Русской Рады. Но для гвардіи не было ни вооруженія, ни рядовыхъ. Гдѣ-куда по селамъ крестьяне-патріоты прищипливали къ боку купленные у евреевъ старыя сабли и ходили такъ вооруженны, представляя собою народную гвардію.

Поляки, якъ мы сказали, не хотѣли признати отдѣльности австрійско-русскаго народа отъ польскаго и считали его частью польскаго народа. По той причинѣ они воспротивлялись установленію Русскихъ Радъ. Но вскорѣ одна часть поляковъ перемѣнила свои воззрѣнія на русскій вопросъ въ Галичинѣ

Мы сказали выше, що уже въ началѣ конституційного броженія въ Австріи, въ Галичину прибыло много эмигрантовъ изъ Франціи. Между иными прибылъ также Генрикъ Яблонскій, родомъ изъ Украины, хорошо ознакомленный съ тогдашнимъ украинифильскимъ движеніемъ. Онъ образумивалъ поляковъ, що они неразумно поступаютъ относительно галицкихъ малороссовъ и що вмѣсто отрицати ихъ національность, лучше привывати у нихъ сознаніе національной отдѣльности отъ великороссовъ, дабы пріобрѣсти ихъ для солидарнаго выступленія противъ Россіи *). Его представленія подѣйствовали. Въ началѣ іюня состоялось во Львовѣ въ англійской гостинницѣ собраніе нѣсколькихъ польскихъ помѣщиковъ, ополяченныхъ чинowników и другого рода лицъ. Между ними были также професоръ богословія, униатскій священникъ Онуфрій Крыницкій и извѣстный русскій писатель Иванъ Вагилевичъ. Собраніе рѣшило для противодѣйствія Русской Радѣ основати новое польско-русское Общество съ украинифильскими стремленіями подъ названіемъ „Русскій Соборъ.“ Въ отгывѣ своемъ отъ 8 іюня, писанномъ латинскимъ абецадломъ, объявилъ Русскій Соборъ, що онъ будетъ старатись, поднати галицко-русскій народъ въ каж-

---

*) Воспоминанія изъ недавной бывальщины Род. Длст. 1881 г. стр. 55.

домъ отношеніи, просвѣтити его, ввести мѣстный русскій языкъ въ низшіи и высшіи школы и улучшить матеріальное состояніе униатского духовенства. Первыми членами-основателями сего Общества были: Антоній Домбчанскій, членъ шляхетской судебной палаты, священникъ изъ Малковачъ Викторъ Дольницкій, три графы Дѣдушицкіи, помѣщики Адамъ Голеевскій, два Яблоновскіи, два Комарницкіи (помѣщикъ и адвокатъ), львовскій мѣщанинъ Лодыньскій, помѣщики Стецкій, Шумлянскій и Завадскій, юристы Полянскій, Тустановскій и Савчинскій, польскій писатель Захарьяевичъ — лица собственно русскаго происхождения. Соборъ сталъ издавати „Русскій Дневникъ“, котораго редакторомъ назначенъ былъ Иванъ Вагилевичъ, главнымъ же сотрудникомъ состоялъ выше названный эмигрантъ-полякъ Генрикъ Ябловскій*). Въ той газетѣ развивалась мысль соединенія поляковъ и ма:ороссовъ для солидарной борьбы противъ Россіи. Составленъ былъ также національный гимнъ для новой польско-украинской партіи, въ которомъ находились слова:

Мы съ ляхами, ляхи съ нами

---

*) Впоследствии онъ участвовалъ въ венгерской кампаніи 1849 г., потомъ, во время крымской войны, былъ переводчикомъ въ головной квартирѣ французской арміи, вконецъ консуломъ въ Занзибарѣ, гдѣ умеръ.

И въ прахъ вража сила!
 И якъ было съ давень-давна,
 Засіае Русь преславна
 Русиновъ дѣлами.
 А свѣтъ скаже: Честь народу!
 Слава павшимъ за свободу,
 Русь крикне: Богъ съ нами!

Русскій Соборъ не нашолъ однако много приверженцевъ. Мѣщане, крестьяне и духовенство стояли по сторонѣ „Русской Рады.“

Между-тѣмъ движеніе между австрійскими нѣмцами приняло кромѣ либерально-конституційного, также національный характеръ. Нѣмцы въ Германіи и Австріи стали домогатись соединенія поодинокихъ нѣмецкихъ державъ въ одинъ крѣпко сплоченный союзъ и рѣшились созвати въ Франкфуртъ надъ Меномъ общенѣмецкій парламентъ, состоящій изъ депутатовъ всѣхъ нѣмецкихъ земель, къ которымъ они причисляли также Чехію, Моравію, Силезію и даже области Освятимъ и Заторъ въ Галичинѣ. Жители Освятима и Затора отказали выслати своихъ депутатовъ въ Франкфуртъ и запротестовали противъ причисленія ихъ къ Германіи. Больше всѣхъ возмущились чехи, увидѣвши опять, що легко могутъ расплынутись въ нѣмецкомъ народѣ, если бы и они вошли въ составъ новой національной Германіи. Для противодѣйствія нѣмецкимъ замысламъ, постановили они соединитись съ другими славянами имперіи и въ той

цѣли созвали на день 2 іюня славянскій конгресъ въ Прагу.

Отзвъвъ, выслати делегатовъ на конгресъ, получила также Русская Рада во Львовѣ. Первымъ ея дѣломъ было: пойти съ отзвъвомъ къ Стадіону и просити его о наставленіе. Стадіонъ сказалъ, що конгресъ позволенъ правительствомъ и Русь можетъ выслати своихъ отпоручниковъ *). Русская Рада избрала тогда трехъ делегатовъ: крылошаннина Григ. Гинилевича, помѣщика Іоанна Борысевича и слушателя богословія Алексея Заклинского, вславившогося своимъ преніемъ съ полякомъ Сускимъ во время открытія Русской Рады во Львовѣ. Делегаты пошли также къ Стадіону, що бы изъ его усть услышати соглашеніе правительства на побѣдку и получили отъ него собственноручное письмо къ намѣстнику въ Празѣ, удостовѣрившее ихъ полномочіе.

Конгресъ открылся 31 мая. Шафарикъ прочиталъ собранію призоленіе правительства, а также цѣль и програму конгреса. Цѣль была слѣдующая: 1) познакомиться и порозумѣтись касательно положенія и нуждъ славянъ въ Австріи; 2) изготовити отдѣльно отъ каждой народности представленіе ея народныхъ и конституційныхъ требованій и внести отъ имени конгреса петицію къ

---

*) Записки А. Заклинского стр. 46 и слѣд.

монарху о удовлетвореніи онимъ требованіямъ; 3) составитъ актъ федераціи, которымъ всѣ славянскіи племена Австріи обязываются жити съ собою въ дружбѣ, не домогаться верховодства одно надъ другимъ, не обижати себе, обиженного же солидарно брати въ защиту, особенно же охраняти себе отъ иноплемениковъ.

Едва начались совѣщанія, явилась вторая русская депутація изъ Галичины, высланная полонофильскимъ Русскимъ Соборомъ, состоявшая изъ князей Сапѣги и Любомірскаго, гр. Дѣдушицкаго, адвоката Поглодовскаго, выше названнаго священника Крыницкаго и еще одного лица. Предсѣдательство конгресса было въ недоумѣніи, которую депутацію признати представительницею галицко-русского народа, чтобы изъ нея среды избрати членовъ комисіи конгресса. Присутствовавшій на собраніи польскій редакторъ изъ Львова, Янъ Добжанскій, доказывалъ, що депутація Русскаго Собора есть истинною представительницею галицко-русского народа, депутація же Русской Рады представляетъ лишь одну клерикальную фракцію того народа. Предъ собраніемъ отыгралась теперь сцена споровъ и преній на подобіе тѣхъ, которыя происходили при основаніи Русскихъ Радъ и при водвореніи въ 1890 годахъ такъ зовимой „новой эры“. Наконецъ поставилъ Заклинскій внесеніе, дабы объ русскіи делегаціи изъ Гали-

чини слились въ одну и заступали галицко-русскій народъ. Собраніе одобрило такое предложеніе и тѣмъ споръ окончился. Въ комисію избраны были три представители Русской Рады (Гвинлевичъ, Борискевичъ и Заклинскій) и три заступники Русского Собора (Сапѣга, Любомірскій, Поглодовскій). Тамъ образовали они отдѣльную галицко-русскую секцію подъ предсѣдательствомъ кн. Сапѣги.

Та секція сейчасъ принялась за работу и стала составлять желанія галицко-русского народа. Такъ какъ предсѣдателемъ былъ полякъ Сапѣга и яко такій не голосовалъ, то въ секціи рѣшали три представители Русской Рады. Они собственно опредѣляли требованія галицко-русского народа. Велѣдствіе того принуждена была секція, не смотря на сопротивленіе полонофильскихъ ея членовъ, принять точку о раздѣлѣ Галичины на двѣ провинціи, русско-восточную и польско-западную.

Не смотря на дремоту, въ которой находилась гал. Русь въ теченіи польвѣка, все-таки нѣкоторые русскіи дѣятели, при первомъ своемъ выступленіи на политическое поприще, обнаружали немало благоумія. Они совершенно вѣрно розсуждали, що лишь въ случаѣ раздѣла Галичины на двѣ половины, русская стихія на своей землѣ можетъ освободиться отъ подавляющаго перевѣса польской народности. Лишь въ та-

комъ случаѣ львовскій сеймъ могъ бы получить русскій характеръ и вся администрація восточно-галицкой области велась бы на русскомъ языкѣ.

Находившіяся въ Празѣ поляки, видя опасность, потерять для польской стихіи большую половину Галичины, поднесли ужасный крикъ и въ горячѣй первомъ возмущеніи, называя предсѣдателя секціи Сапѣгу измѣнникомъ, грозили ему смертью. Тогда сталъ Сапѣга просити своихъ русскихъ товарищей, чтобы они точку о роздѣлѣ Польши въ якой нибудь способъ смѣнили. Русскіи члены удовлетворили его желанію такимъ образомъ, що къ оной точкѣ прибавили слова: Рѣшеніе сего вопроса предоставляется краевому сейму, а относительно державной думѣ.

Одновременно съ славянскими послами, высланными всѣми славянскими народностями Австріи, прибыло въ Прагу много другихъ славянскихъ гостей, студентовъ и лицъ всякаго сословія. Былъ между ними также русскій революціонеръ Бакунинъ, надѣясь найти здѣсь почву для своей дѣятельности. Прага оживилась. Здѣсь стало больше кипѣти. Чехи имѣли свою гвардію, которою управлялъ выдѣлъ подъ названіемъ „Сворность.“ Было также политическое общество „Славянская Липа“, руководившее чешскимъ національнымъ движеніемъ. Чехи стали наряжаться въ свое народное платье, „чамару“, носить яко отли-

чіе славянскую трехцвѣтную кокарду и упражнялись въ оружіи.

На то движеніе смотрѣлъ неблагогосклонно командующій генераль гр. Алфредъ Виндишгрець и нѣскольkokратно объявилъ свое нерасположеніе къ чехамъ. Вслѣдствіе того между нимъ и чехами пришло къ огорченію и народныи собранія 7 и 10 іюня затребовали его удаленія и передачи команды архикнязю Карлу Фердинанду, также снятія стражей съ нѣкоторыхъ пунктовъ въ городѣ и передачи одной батеріи въ руки гвардіи.

Въ понедѣльникъ праздника Сочествія св. Духа, 12 іюня, служилъ лилургію на рынку города Праги, подъ голымъ небомъ, одинъ изъ высшихъ сербскихъ достойниковъ на славянскомъ языкѣ. Онъ сдѣлалъ то на прошеніе самихъ же чеховъ. Нѣскольконадцать тысячъ народа присутствовало на площади. По окончаніи Богослуженія сталъ народъ при восклицахъ и пѣніи народныхъ пѣсенъ расходиться по улицамъ. Одна его часть вошла въ узкую улицу, въ которой жилъ кн. Виндишгрець. Въ улицѣ произошло, вслѣдствіе тѣсноты, смятеніе, и тогда затребовали офицеры, стоявшіи возлѣ квартиры генерала, чтобы публика шла подальше отъ стражи. Вслѣдствіе того пришло между офицерами и публикою къ спорамъ. Генераль, видя то, приказалъ прикладами (кольбами) и штыками розогнати толпу, що и

было сдѣлано. Среди шума и криковъ : Барикады! Барикады! — толпа розошлась въ одну и другую сторону.

Слово : „барикады“ рознеслось теперь по всѣмъ улицамъ города и въ мгновение стамули барикады. Чешская гвардія сейчасъ вооружилась и замѣстила дома въ головныхъ улицахъ. Предводительство надъ возстаніемъ обняла „Сворность.“

Виндишгрець приказалъ войску заняты площадьъ возлѣ гостиницы „Подъ звѣздою“ и оттуду очищать городъ отъ возстанцевъ. Между войскомъ и населеніемъ завязалась теперь горячая борьба. Чехи стрѣляли изъ оконъ и множество воиновъ падало мертвыми на улицахъ. Одинъ выстрѣлъ попалъ чрезъ окно въ квартиру Виндишгреца и убилъ его супругу. Генералъ понялъ, що сдѣлалъ ошибку и рѣшился иначе успокоивати Прагу. Онъ предложилъ „Сворности“ перемиріе на 24 часа, съ чѣмъ она согласилась. Въ ночи, когда возстанцы, упоенны побѣдою, спали врѣцкимъ сномъ, онъ велѣлъ колеса у пушекъ обвязати соломкою и головною улицею, на которой легко можно было устранить барикады, вывелъ войско внѣ города и розставилъ оное вокругъ Праги. Прага была въ осадѣ.

Теперь воззвалъ Виндишгрець возстанцевъ, чтобы сложили оружіе и подчинились его приказамъ, грозя въ противномъ случаѣ бомбардованіемъ Праги.

Когда „Сворность“ медлила съ отвѣтомъ, началось въ среду вечеромъ бомбардированье Праги. Щобы прогнати войско отъ Праги и сломати осаду, о томъ чешская гвардія не могла и думати. Прага сда-лась и объявлена была на военномъ положеніи. Делегаты славянскаго конгресса получили приказъ, въ продолженіи 24 часовъ оставити городъ. Русскіи представители вернулись въ Галичину, съ изъятіемъ Заклинскаго, которому генераль позволилъ остатись въ Празѣ и оглядати ея достопамятности. Заклинскій представился намѣстнику Туну яко русскій галичанинъ и получилъ отъ него въ отвѣтъ: Мы знаемъ, якъ лояльны русскіи галичане и не можемъ ихъ ни въ чемъ подозрѣвати *).

Славянскій конгрессъ былъ разбитъ, но вмѣсто него предстояло другое собраніе, на которомъ славяне могли изложити свои желанія. Въ силу изданной императоромъ конституціи, имѣлъ собратись въ Вѣднѣ парламентъ съ одною палатою, подъ названіемъ державной думы (Reichstag). Приготовленія къ его открытію и выборы пословъ происходили въ самъ розгаръ италянскон войны, когда Радецкій велъ кровавую борьбу съ италянцами и сардинскимъ королемъ Каролемъ Албертомъ. Въ день 10 іюля собралась державная дума, представляя собою пестрый образъ собранія людей

*) Записки Заклинскаго стр. 66.

изъ цѣлой многоязычной Австріи, мѣщанъ и селянъ, іезуитовъ, аристократовъ, адвокатовъ, чиновниковъ, духовныхъ лицъ, типовъ различныхъ сословій и національностей въ ихъ народныхъ убранствахъ. Парламентъ числилъ 383 члены, изъ которыхъ 96 было изъ Галичины и 12 изъ Буковины. Всѣхъ крестьянъ было 92, и 38 изъ Галичины. Славянскихъ пословъ было 190 — значитъ меньшая половина. Священниковъ числилось 24, изъ нихъ 17 галицкихъ*). Русскихъ пословъ изъ Галичины и Буковины было 39. Между ними первое мѣсто занималъ самъ губернаторъ гр. Францъ Стадіонъ, избранный въ округъ Рава русская, епископъ Григорій Яхимовичъ, крыл. Михаилъ Куземскій, арендаторъ помѣстьевъ въ Тернопольщинѣ Иванъ Федоровичъ, преподаватель гимназій Евстахій Прокочицъ, 27 крестьянъ — прочіи священники. Гр. Стадіонъ отправился въ характеръ посла въ Вѣдень, оставивши веденіе гражданскихъ дѣлъ въ Галичинѣ гр. Голуховскому. Послы, какъ то бываетъ въ каждомъ парламентѣ, подѣлились на партіи, названныя правою и лѣвою стороною и центромъ. На правой сторонѣ, яко консерватисты, засѣли іезуиты и аристократы, въ правомъ центрѣ наши русскіи галичане подъ предводительствомъ Стадіона съ другими славянами, въ лѣвомъ центрѣ такъ зо-

---

*) Д. Вѣдковскій: Григ. Яхимовичъ.

выми специфическіи австрійцы, подъ предводительствомъ бывшего министра Пиллерсдорфа, уступившого изъ своего прежняго становища 8 іюля, на лѣвой сторонѣ большая часть пословъ нѣмецкихъ городовъ, нѣмецкіи крестьяне и польскіи послы изъ интеллигенціи. Мазурскіи крестьяне держались Стадіона. На крайней лѣвой сторонѣ засѣли литераторы и чехи, но послѣдніи перешли потомъ на правую сторону. 22 іюля открылъ совѣщанія архикнязь Іоаннъ торжественною тронною рѣчью, въ которой упомянулъ о равноуправненіи національностей. Тотъ уступъ тронной рѣчи встрѣтился съ неумолкаемыми рукоплесканіями. При уступѣ, упоминавшемъ о связи Австріи съ Германією, молчали славяне.

Первымъ дѣломъ парламента было просити императора, чтобы изволилъ вернуться въ Вѣдень.— И въ самомъ дѣлѣ императорскій дворъ опять переселился 12 августа въ столицу имперіи. Цѣлый августъ заняли пренія о уничтоженіи подданства крестьянъ. Рѣшено было отмѣнить всякую крѣпостную зависимость за вознагражденіемъ, которое имѣла выплатити держава. Потомъ парламентъ занялся налогами и бюджетомъ. Такъ какъ министерство Пиллерсдорфа уступило 8 іюля, то парламентъ совѣщался при новомъ министерствѣ Вессенберга, въ которомъ заняли мѣста: Добльгофъ для внутреннихъ дѣлъ, Латуръ — войны, Шварцеръ — публичныхъ работъ, Горн-

бостль — торговли, Краусъ — финансовъ, Бахъ — правосудія. Въ августъ выступилъ изъ министерства Шварцеръ, прочіи же министры остались.

30 іюля былъ Стадіонъ освобожденъ отъ должности губернатора Галичины и его мѣсто занялъ Залескій, нѣвѣстный собиратель народныхъ пѣсенъ — съ 1845 г. придворный совѣтникъ, обучавшій польскому языку нынѣшняго императора Францъ-Іосифа I. Въ императорскомъ декретѣ говорилось, що Залескій признается губернаторомъ цѣлой Галичины, но на случай если бы состоялся роздѣлъ сей провинціи на двѣ половины, — на западную ея часть съ мѣстопребываніемъ въ Краковѣ. Центральное правительство (очевидно по внушенію Стадіона) носилось въ іюнѣ съ такою мыслью, надѣясь отъ ея осуществленія ослабленія польской оппозиціи и усиленія правительственной власти на сѣверо-восточной окраинѣ государства. Галицкая Русь видѣла въ томъ роздѣлѣ поруку безпрепятственного развитія своей національности, и по той причинѣ внесла въ началѣ августа въ вѣденскій парламентъ петицію, за осмотренную въ 15.000 подписей съ просьбою о роздѣлѣ Галичины на двѣ провинціи*). Петиція была прочитана 8 августа и вызвала бурю негодованія со стороны поляковъ. Чехи и нѣмцы поддерживала то требованіе

*) Widman: Smolka стр. 248.

русскихъ галичанъ. Поляки однако наклонили Русскій Соборъ къ высылцѣ въ парламентъ противной петиціи, дабы Галичину не дѣлити. Самыми горячими противниками раздѣла Галичины были польскіи послы Земляковскій и Смолька.

Кромѣ той петиціи, въ концѣ августа 1848 года поступило въ парламентъ „Пропамятное письмо русской націи въ Галичинѣ для розъясненія ея отношеній*)." То письмо, составленное львовскою Русскою Радою в датованное числомъ 31 іюля, имѣло цѣлью опредѣлити „рутенскую національность." Якъ мы уже прежде указали, австрійское правительство смотрѣло на „рутенскую націю" лишь изъ униатско-вѣроисповѣдной точки зрѣнія, на этнографическое же ея становище не обращало вниманія, ибо того рода изслѣдованіе не могло тогда принести практической пользы, такъ якъ въ Галичинѣ въ урядахъ и школахъ былъ языкъ нѣмецкій, а въ народныхъ училищахъ кромѣ нѣмецкаго также польскій. Правительство избѣгало всякихъ національныхъ вопросовъ, щобы тѣмъ легче германизовати населеніе. Но теперь настали другіи отношенія. Всѣмъ народамъ признана была равноправность и

*) Denkschrift der ruthenischen Nation in Galizien zur Aufklärung ihrer Verhältnisse (Malinowski: Kirchen- u. Staats-Satzungen стр. 551—560.)

слѣдовательно русскій языкъ имѣлъ право, быти введенъ въ администрацію, судъ и школы. Австрійское правительство всегда было осторожнымъ и свою предосмотрительность роставало на языковыи, религіозныи и сословныи отношенія своихъ народовъ, оцѣняя оныи всегда изъ становища государственной пользы. По той причинѣ Стадіонъ вопрошалъ своихъ рутенцевъ, раньше чѣмъ онъ ихъ удостоилъ своего покровительства: не считаютъ ли они себе тождественными съ великороссами? Уже въ 1816 г. нѣмецкіи чиновники львовской губерніи представляли центральному правительству, що „по политическимъ соображеніямъ“ Австрія не должна себѣ желати скрѣпленія русскаго элемента въ своихъ предѣлахъ, точно по поводу его одноплеменности съ великороссами.

О томъ, що Австрія искренне не желаетъ вскрѣпленія русскаго элемента въ Галичинѣ, извѣстно было вождямъ русскаго движенія 1848 г. По видимому, чтобы не усилати подозрительности австрійскаго правительства, они въ своемъ пропаятномъ письмѣ объявили, що они часть „15 миліоннаго рутенскаго народа, заселяющаго южную Россію, юго-восточную Польшу, Галичину и сѣверную Угорщину, отнѣннаго языкомъ, письмомъ, обычаемъ, нравомъ и церковнымъ обрядомъ отъ поляковъ“ *).

*) М. Malinowski: Kirchen-und Staats-Satzungen стр. 552. *

ли они въ ономъ письмѣ исторію своего народа съ временъ Владиміра великого, указали на пробы поляковъ полячити и латинизовать южнорусскій народъ, упомянули о гнетеніи его шляхтою и латинскимъ духовенствомъ, протестовали противъ зачисленія русскаго народа къ польскому племени и требовали правъ для свободнаго развитія своей національности... О отношеніи русскіхъ галичанъ къ великороссамъ письмо ничего не упоминаетъ.

То письмо получили послы вѣденскаго парламента 31 августа. Вскорѣ нашлось въ ихъ рукахъ второе заявленіе Русской Рады подъ заглавіемъ „Изложеніе современныхъ отношеній въ Галичинѣ“ *). Въ немъ опять заявляетъ Русская Рада, що галицкіи „рутены“ составляютъ для себе отдѣльную „націю“, ровно якъ россияне (Russen), чехи, хорваты, сербы, болгары, поляки. Дальше идутъ историческіи выводы о прежней судьбѣ южно-русскаго народа, о польскихъ гоненіяхъ, о благодѣяніяхъ австрійскаго правительства и о важности русскаго народа для обезпеченія внутренняго спокойствія и могущества Австріи. Наконецъ ставитъ Русская Рада требованіе роздѣла Галичины на двѣ провинціи. Въ восточной части Галичины дѣловодство во всѣхъ урладахъ,

*) Darstellung der gegenwärtigen Zustände in Galizien. Тамъ же стр. 561—575.

судахъ и школахъ должно вестись на малорусскомъ (ruthenisch) языкѣ Восточный обрядъ (der orientalische Kultus) долженъ выдвинутись на первенствующее мѣсто. Восточная Галичина должна имѣти свой отдѣльный соймъ и прч.

Вскорѣ послы парламента получили третій отзывъ Русской Рады, озаглавленный: Къ нашимъ братьямъ-нѣмцамъ* и помѣченный числомъ 23 августа*). „Подносятся голоса“ — говорятъ въ томъ отзывѣ Русская Рада — подозрѣвающи насъ въ тяготѣнн къ Россіи и не желающи намъ національнаго развитія. Та точка составляетъ съ долгого времени опасную засаду, изъ которой наши враги съ смертоносными ударами нападаютъ на нашу національность, когда лишь она дерзнетъ объявляти знамена жизни. Братья-нѣмцы! И великороссы (Russen) наши соплеменники. Та самая славянская кровь кружить въ нашихъ и ихъ жилахъ, общая судьба въ прежнихъ временахъ, сродный языкъ, обычай и т. п. дѣлаютъ великорусскихъ братьевъ для нашихъ сердець цѣнными и дорогими (werth und theuer). Если бы мы то отрицали, мы бы не нашли у васъ вѣры. Мы бы лгали и не могли бы предъ очами Европы выступати въ видѣ честныхъ и добросовѣстныхъ людей.“ Дальше говоритъ Русская Рада, що необходимо различати между „народомъ и правительствомъ,

*) Тамъ же стр. 575—576.

между кровнымъ сродствомъ и политическимъ благоуспѣваніемъ.“ Русины, видя въ Австріи свой языкъ и національность почитаемыми и имѣя возможность подноситься въ культурномъ отношеніи, не будутъ имѣти причины желати себѣ перехода подъ правленіе Россіи.

Вскорѣ прочитали въ вѣденскомъ парламентѣ четвертый отзывъ Русской Рады, прямо адресованный къ державной думѣ*). Въ немъ протестуется опять противъ притязаній поляковъ, отрицавшихъ въ парламентѣ права галицко-русской народности яко отдѣльной отъ польской и утверждавшихъ, будто русскій народъ въ Галичинѣ есть лишь отрасль польской національности. Такъ якъ Русскій Соборъ не успѣлъ приобрести вліяніе на галицко-русское населеніе и воодушевити его для солидарной съ поляками борьбы противъ „Москвы“, то члены его, розочарованныи въ своихъ надеждахъ, стали откровенно переходить на ту сторону поляковъ, которая совершенно отрицала существованіе русской народности въ Галичинѣ. Членъ Русского Собора, Антоій Домбчанскій, приготовилъ къ печати на нѣмецкомъ и польскомъ языкахъ брошуру подъ заглавіемъ „Русскій вопросъ въ Галичинѣ (Ruthenische Frage in Galizien)“, въ кото-

*) Allgemeine Stimme der Ruthenen. An die hohe Reichsversammlung. 25 August 1848. Малиновскій якъ выше стр. 578—581.

рой на основаніи мнѣмыхъ историческихъ доказательствъ, утверждать, що Червоная Русь искони принадлежала къ Польщѣ. На ту же самую тему помѣщаль статьи „Дзєнникъ Народовый“ и въ такомъ же направленіи говорили въ вѣдєньскомъ парламентѣ Земялковскій и Дылевскій. Тамъ пріобрѣли поляки сочувствіе у нѣмцевъ-либераловъ, аристократовъ и клерикаловъ и ихъ вліяніе возросло до того, що имъ удалось устранить возненавидѣннаго ними Стадіона отъ должности губернатора Галичины.

Среди нѣмцевъ-либераловъ съ долгого времени господствовала полономанія. Поляковъ считали они поборниками свободы, прогресса и всякихъ конституційныхъ благъ. Заточеніе польскихъ заговорщиковъ въ тюрьмахъ поднесло обаяніе польского народа у нѣмцевъ, мадьяръ и славянъ, видѣвшихъ въ тюремникахъ страдальцевъ, посвятившихся за идею. Поляки выступили противъ австрійской бюрократіи, крайше возненавидѣнной всѣми образованными либеральными кружками. Тѣ бюрократы-чиновники мѣшались: въ вѣру, литературу, языкъ, письмо... Все то (вѣра, литература, языкъ, письмо) были для нихъ матеріаломъ, которымъ (по ихъ мнѣнію) можно было рескриптами и патентами изъ бюра управлять. Между самими невинными строками они подозрѣвали политическіи замыслы, государственную измѣну и прч. У нихъ считался благонадежнымъ.

гражданиномъ лишь тотъ человекъ, который вѣлъ, пилъ, спалъ, игралъ въ карты и ничего не мыслилъ. Тѣ бюровраты находили симпатію лишь у крестьянъ и низшихъ сословій на столько, на сколько они (во вѣрученію центральной власти) выступали въ ихъ защитѣ и считались слугами императора, ибо слово „цѣсарь“ имѣло у простонародія магическую силу, яко символъ защиты слабшаго предъ сильнѣйшимъ. Образованное сословіе ненавидѣло бюрократовъ-чиновниковъ. Между-тѣмъ галицкая Русь выступила въ характеръ союзника чиновничьяго бюрократизма и хотя она сама, при первомъ своемъ столкновеніи съ Стадіономъ, почувствовала силу полицейскаго надзора надъ ея языкомъ и письмомъ, но все-таки австрійское бюрократично-полицейское правленіе имѣло въ ея очахъ превосходство предъ польскою анархіею, которой послѣдствія испытали на себѣ ея предки.

Но для либераловъ, знавшихъ исторію Польши лишь изъ брошюръ и газетныхъ статей, поляки были представителями свободы и всего благороднаго, Русь же считали либералы приверженцемъ насилія и лгунаства. По той причинѣ стремленіе представителей русскаго народа, выборы себѣ въ парламентъ права для своей народности, было трудное, и то объясняетъ намъ большое количество пропагандныхъ писемъ и пети-

цій, поступившихъ отъ Русской Рады въ державную думу. И опредѣленный тою же Радою родъ національности не находилъ сочувствія. Нѣмцы знали лишь „русскихъ“ (Russen) въ восточной Европѣ, рутены же, упоминаемые въ папскихъ буллахъ и украинско-русской народъ парижского кружка польскихъ эмигрантовъ, не были имъ извѣстны. Одни славянофилы говорили о южно-русскомъ нарѣчїи якобы имѣвшемъ право сдѣлаться литературнымъ языкомъ — но на то нѣмецкіи публицисты не обращали вниманія. Когда галичане объявили себе рутенами, одни изъ вѣденскихъ нѣмцевъ стали изъ того шутити, другїи прямо обвиняли рутеновъ въ недобросовѣстности и лжи, и то вызвало отзывъ Русской Рады отъ 23 августа.

Въ австрійскомъ парламентѣ раздѣлъ на правую, лѣвую и центръ потерялъ свое значеніе. Въмѣсто него выступили другого рода партїи: чешскїи федералисты, говорившіи о „историческо-политическихъ индивидуальностяхъ“, на которыхъ должно основатись устройство государства; нѣмецкіи націоналы, которымъ сочувствовали поляки въ родѣ Смольки, Борковского, Билинского, Сѣраковского — и наконецъ консервативныи австрійцы. Нѣмецкіи націоналы, между которыми одна часть, опиравшаяся на студентовъ и мѣщанъ, называла себе демократами, сочувствовали мадьярамъ, стояли за соединеніе нѣмцевъ и мадьяръ

противъ славянъ. Нѣмецкіи націоналы и мадьяры приготовили династіи самыи большіи затрудненія и вызвали катастрофу, мало не уничтожившую Австрію.

Въ Угорщинѣ удалось Кошуту, вскорѣ послѣ парижской февральской революціи, взяти кормило общественного мнѣнія въ свои руки. Онъ поставилъ девизъ: конституційное устройство Угорщины, персональная унія ея съ Австрією — и въ томъ дусѣ онъ и его приверженцы ставили въ прешбургскомъ соймѣ внесенія, которыи получали одобреніе. Мадьяры требовали для себе, кромѣ обыкновенныхъ уступокъ, якъ: свободы печати и отвѣтственного министерства, также уніи Семиграда, отдѣльной національной гвардіи, мадьярскаго національнаго банка и угорскихъ военныхъ гарнизоновъ въ краяхъ угорской короны. Въ Пештѣ образовался 15 марта „Выдѣлъ безопасности“ (въ родѣ польской Народовой Рады), принявшій въ свои руки управленіе политическимъ движеніемъ. Депутація угорскихъ чиновъ, подъ предводительствомъ Людвика Баттьяни и Кошута, предприняла 15 марта поѣздку въ Вѣдень и заключила тѣснѣйшую дружбу съ нѣмецкими націоналами. Императоръ принужденъ былъ 28 марта признати мадьярамъ отвѣтственное министерство подъ предсѣдательствомъ Баттьяни, въ которомъ Кошутъ получилъ портфель финансовъ. Съ апрѣля дѣйствительно Австрія была подѣлена

на двѣ половины, между которыми существовала лишь персональная унія. Въ одной половинѣ (Австріи) стремились къ верховодству нѣмцы, въ другой (Угорщинѣ) мадьяры. То вызвало неудовольствие хорватовъ, сербовъ, чеховъ, словаковъ, и они поднесли прапоръ федеративного устройства государства. Нѣмецкіи націоналы и мадьяры заключили между собою тѣснѣйшую дружбу, которой выраженіемъ была двукратная повѣдка нѣмецкихъ депутацій (9 и 23 апрѣля) въ Будапештъ. 14 апрѣля угорское министерство переселялось изъ Прешбурга въ Будапештъ, и съ нимъ также соймъ. Здѣсь Кошутъ пламенною рѣчью наклонилъ соймъ (11 іюня) къ рѣшенію, увеличить мадьярское національное войско до 200 000 человекъ. Призваніемъ мадьярской націи есть: въ соединеніи съ свободою нѣмецкою націею и въ искренней дружбѣ съ нею защищать цивилизацію «нѣмецкого Востока»). Пештскій соймъ объявилъ свое сочувствіе итальянскимъ возстанцамъ; одни изъ мадьяръ были за тѣмъ, чтобы Австрія задержала для себе часть Венеціи по Адиджу, другіи, чтобы Австрія совсѣмъ уступила изъ Италіи.

Видя мадьяризаційныя стремленія новаго пештенского правительства, другіи народности Угорщины, не желая верховодства мадьяръ, возстали противъ него. Въ іюль разразилась междоусобица

*) Krones стр. 684

между сербами и мадьярами. Сербы вооружились и укрѣпились возлѣ такъ зовимаго римскаго вала и при Св. Тамашѣ. Во главѣ хорватовъ стануль кромѣ известнаго намъ Л. Гая генераль-маіоръ Іосифъ Елачиць-Бузинъ, съ конца марта банъ Хорватіи. Гай еще 25 марта былъ въ Віднѣ во главѣ депутаціи, которая требовала равныхъ правъ съ мадьярами, отдѣльнаго хорватскаго министерства и введенія народнаго языка въ администрацію Хорватіи. При сей случайности Гай велъ переговоры съ чехами и поляками. Елачиць, хотя военный, однако былъ проникнутъ національнымъ славянскимъ духомъ и тотчасъ по занятіи своей должности (24 апрѣля) выступилъ противъ мадьяроновъ. Мадьяры стали на него жаловаться предъ дворомъ, который, подчиняясь ихъ напору, выслалъ къ Елачицѣ королевскаго комисаря съ приказомъ, дабы повиновался угорскому министерству. Елачиць, зная отъ особъ, приближенныхъ къ императору, що тотъ приказъ изданъ былъ лишь подъ давленіемъ мадьяръ, не повиновался мадьярамъ и самовольно созвалъ „хорватско-славенско-далматскій соймъ“ на 5 іюня. Соймъ собрался вопреки вторичному запрещенію императора изъ Инсбрука. Явилось 70 хорватскихъ пословъ, кромѣ того сербы съ Раачицемъ во главѣ, послы словенскаго Штирія, вожди словаковъ Штуръ и Гурбанъ и одинъ отпоручникъ пражской „Сворности.“ Бла-

гедарственное молебствіе отлѣто было на церковно-славянскомъ языкѣ и собраніе приняло совсѣмъ славянофильскій характеръ. Соймъ рѣшилъ выслати въ Инсбрукъ депутацію къ императору съ петиціею, которой головною точкою было требованіе соединенія Далматіи и Хорватіею. Въ депутаты были назначены: Елачиць, гр. Ньюжанъ, гр. Эрдеди, гр. Драсковичъ, и бар. Кулмеръ. Елачиць прибылъ со своими товарищами въ половинѣ іюня въ Инсбрукъ, не зная о томъ, що въ то время императоръ (по настоянію мадьяръ) отрѣшилъ его отъ должности бана и вмѣсто него назначилъ для Хорватіи правительственного комисаря. Но къ удивленію, всѣхъ принялъ императоръ Елачица благосклонно, выслушалъ (въ присутствіи мадьярскаго министра иностранныхъ дѣлъ гр. Эстергази) его оправданіе и милостиво отпустилъ. Архикнязь Іоаннъ получилъ порученіе, примирити бана и мадьяръ. Выдѣлъ хорватскаго сойма поставилъ въ началѣ августа слѣдующія условія для примиренія съ мадьярами: 1) Установленіе триединаго хорватскаго королевства, состоящего изъ Хорватіи, Военной Границы, Побережья съ Рѣкою, нижней Славоніи, и застереженіе правъ Хорватіи до Далматіи, турецкой Хорватіи и нижней Штирии съ Междумурьемъ; 2) Австрія должна имѣти одно центральное министерство и одинъ центральный парламентъ; 3) Хорватія должна получить своего

придворного канцлера и при банѣ краевый совѣтъ, состоящій изъ членовъ, назначенныхъ баномъ; 4) угорскій соймъ не имѣеть ніякого вліянія на Хорватію; 5) судопроизводство Хорватія получитъ независимость отъ Пешта и Вѣднѣ, въ хорватскомъ королевствѣ будетъ хорватскій языкъ офіціальнымъ, епископство въ Загребѣ будетъ возвышено до розряда архіепископства; 6) населеніе триединого королевства получаетъ названіе „націи.“

Тѣ требованія отклонило пештское правительство и въ половинѣ августа хорваты съ одной, мадьяры же съ другой стороны стали готовиться къ войнѣ. Елачицъ вступилъ въ сношенія съ сербскими возстанцами, побившими (14 іюля) мадьяръ при Св. Тамашѣ. Австрійскій дворъ вскорѣ откровенно стаянулъ на сторону Елачица и опустилъ прежнее колеблющееся становище въ виду мадьярскаго движенія. Императоръ издалъ 21 августа письмо, въ которомъ порицалъ поведеніе мадьяръ и объявилъ, що признанныи мадьярамъ уступства не дадутся согласити съ основнымъ закономъ государства, т. е. прагматическою санкціею отъ 1713 г., ибо въ ней установлена неподѣльность Австріи, мадьяры же таковую нарушили. Въ началѣ сентября прибыла въ Вѣднѣ мадьярская депутація, чтобы спасти приобрѣтенныи права — но получила рѣшительный отказъ. Тогда министръ Баттъяни уступилъ, Сеченій же, одинъ изъ первыхъ

государственныхъ мужей Угорщины, попалъ въ умопомѣшательство. Мадьярскій соймъ, на внесеніе Кошута, отвѣтилъ на императорское заявленіе рѣшеніемъ, перемѣнати угорскую армию въ національное войско и на покрытіе расходовъ, соединенныхъ съ содержаніемъ войска, пустилъ въ курсъ новыя („кошутовскія“) банкноты.

Между-тѣмъ Елачицъ съ своимъ войскомъ переступилъ рѣку Драву и началъ военныя дѣйствія противъ мадьяръ. Румынскіи полки военного пограничья, наущенныи подполковникомъ Урбаномъ, станули по его сторонѣ. Саксонскіи послы Семиграда опустили пештенскій соймъ, румыны же подъ предводительствомъ гр. кат. епископа Шагуны и нѣсколькихъ учителей вошли въ сношенія со своими соплеменниками въ Букарештъ и Яссахъ, устраивали въ громадныхъ размѣрахъ вѣча и поднесли знамя устройства новой румынской провинціи съ присоединеніемъ къ ней Буковины*), и требуя для Семиграда отдѣльнаго управленія.

Къ хорватамъ, сербамъ и румынамъ присоединились также словаки. Ихъ послы участвовали въ славянскомъ конгрессѣ въ Празѣ, гдѣ домогались народныхъ правъ для словаковъ и русскихъ Венгріи. Словацкіи предводители Гурбанъ и Штуръ посѣтили также хор-

*) Kroger стр. 6-8.

ватскій соймъ и здѣсь, кажется, условились въ дѣлѣ солидарнаго дѣйствія противъ мадьяръ. Возвратившись на родину, они принялись за возбужденіе возстанія противъ пештенскаго правительства Кошута. Они пригласили чешскихъ офицеровъ: Блоудка, Янечка, Заха и въ половинѣ сентября стануло готовыхъ къ бою 500 человекъ; 21 сентября число то поднеслось до 4000 чел. Впослѣдствіи словацкихъ возстанцевъ было 8000, но только 1000 изъ нихъ имѣли огнестрѣльное оружіе, прочіи же вооружены были въ цѣпы и косы. Пештенское правительство объявило словацкую область на военномъ положеніи и выслало тамъ мадьярское ополченіе. Отряды словаковъ, плохо вооруженныи, были разбиты, ихъ предводители бѣжали въ Моравію, Штуръ, Гурбанъ и третій вождь словаковъ, Годжа, были императоромъ объявлены бунтовщиками. „Словенска Народна Рада“ розвязалась.

Среди такого замѣшательства заступникъ императора въ Пештѣ, палатинъ архикнязь Стефанъ, тайно опустилъ Будапештъ и явился 24 сентября въ Вѣднѣ. На его мѣсто назначилъ императоръ (25 сентября) фельдмаршаль-лейтенанта гр. Ламберга королевскимъ комиссаремъ и вождемъ всѣхъ войскъ въ Угорщинѣ. То мѣропріятіе еще больше возмутило мадьяръ. Отрученное императорское письмо воззвало угорскіи полки вернуть къ повиновенію императору.

Мадьяры отвѣтили на то воззваніе убіеніемъ гр. Ламберга (28 сентября) на мостѣ, соединяющемъ Пешть съ Будою... Тогда императоръ рѣшеніемъ отъ 3 октября назначилъ Елачича главнокомандующимъ Угорщины и своимъ намѣстникомъ для угорскихъ краевъ съ неограниченными полномочіями. Второй императорскій манифестъ развязалъ мадьярскій соймъ и объявилъ всѣ его рѣшенія, неподтвержденные императоромъ, недѣйствующими. Однако соймъ не повиновался и въ словахъ, лично обижавшихъ императора, объявилъ свои рѣшенія законными.

Мадьяры пробовали склонити къ возстанію также своихъ друзей, нѣмецкихъ либераловъ. Старанія ихъ увѣнчались успѣхомъ. Когда войско стало оцускати Вѣдень, чтобы отправитись противъ мадьярскихъ мятежниковъ, неожиданно 6 октября вспыхнуло въ Вѣднѣ возстаніе. Народъ, которому сочувствовала часть войска, кинулся на арсеналь и на зданіе военного министерства, при чемъ былъ убитъ военный министръ Датуръ. Защищавшій его русскій галичанецъ, Кирилль Вѣнковскій, мало не заплатилъ жизнью за свою отвагу; Вѣнковского спасъ Смолька изъ рукъ бѣшеннѣйшей толпы, готовившейся его повѣсита.

Вслѣдствіе того возстанія чешскіи и русскіи послы оставили вѣденьскій парламентъ, который рѣшилъ продолжа-

ти свои засѣданія, избралъ комисію „для охраны безопасности города“ и выслалъ депутацію къ императору въ Шенбрунъ съ просьбою, назначити новое министерство и отмѣнити императорскій манифестъ къ мадьярамъ. Вообще большинство оставшихся членовъ парламента сочувствовало мадьярскимъ возстанцамъ. Императоръ принялъ депутацію и обѣщалъ назначити новое либеральное министерство -- но въ слѣдующую ночь вся императорская семья бѣжала въ крѣпость Оломунецъ въ Моравіи.

Парламентъ былъ въ недоумѣніи, что дѣлать: объявити ли покорность императору, или провозгласити революцію? Среди преній, не могъ онъ рѣшиться ни на одну, ни на другую сторону. Между тѣмъ Елачицъ и кн. Виндишгрецъ получили приказъ, спѣшити къ Вѣдню для подавленія возстанія. Въ Вѣднѣ едва держался ген. Ауерспергъ въ саду Шварценберга и Бельведерѣ. Уже 9 октября Елагичъ переступилъ австрійскую границу и 12 октября соединился съ Ауерспергомъ. Слѣдующаго дня (13 октября) Виндишгрецъ во главѣ 18.000 войска и шести батерій оставилъ Прагу и поспѣшилъ къ югу, чтобы соединиться съ Елачицомъ.

Вѣденъцы приготавливались къ борьбѣ. Студенты, мѣщане и рабочіи составили отряды и упражнялись въ оружіи. Изъ Оломунца, Берна, Линца, Штирин и Сольнограда стекались толпы вооружен-

ныхъ на помощь вѣдѣнцамъ. Главнѣйшимъ надъ гвардією избранъ былъ Мессенгаузеръ; комендантомъ артилеріи полякъ, ген. Бемъ. Мессенгаузеръ служилъ надпоручникомъ въ львовскомъ гарнизонѣ и приступилъ весною 1848 г. къ польскому комитету для устройства польской гвардіи. За то былъ онъ приговоренъ къ аресту и переведенію въ вѣдѣнскій гарнизонъ. Онъ просилъ тогда о отставку — и получилъ таковую, но подписалъ реверсъ, що не будетъ участвовать въ борьбѣ противъ императорскаго дома и его противниковъ. Бемъ былъ родомъ изъ Тарнова, служилъ подъ Наполеономъ, участвовалъ въ польскомъ возстаніи 1831 г. и дослужился степени генерала, потомъ скитался по Германіи, Франціи, Португаліи, Испаніи и Голландіи. Осенью 1848 года на вѣсть о волненіяхъ въ Австріи поспѣшилъ Бемъ въ Львовъ и оттуда, (14 октября) на вѣсть о вѣдѣнской революціи, прибылъ въ Вѣдѣнь. Такимъ образомъ оба руководителя вѣдѣнской революціи связаны съ Львовомъ и Галичиною.

Угорскій сеймъ издалъ 10 октября манифестъ „къ составляющей конституцію вѣдѣнской думѣ державной“, поощряющій оную къ опору императорскому войску, и объявилъ свою готовность пособити вѣдѣнцевъ вооруженною силою. Но ни парламентъ, ни вѣдѣнское городское управленіе долго не мо-

*

гли рѣшиться просити о такую помощь. Только 17 октября вожди вѣденскаго возстанія объявили желаніе такой помощи. То рѣшеніе послѣдовало однако за поздно, ибо 22 октября Виндишгрець остановился подъ Вѣднемъ и соединился съ Елачицею и Ауерспергомъ. 80.000 войска окружило Вѣдень; 20.000 стануло при рѣцѣ Литавѣ противъ мадьяръ и днемъ прежде отразило ихъ. Когда воззваніе Виндишгреца, обнявшаго начальство надъ всеми войсками, къ сдачѣ было вѣденцами отклонено, началась атака на городъ. Борьба продолжалась до 29 октября и когда нѣкоторые предмѣстья достались въ руки императорскихъ войскъ, городская управа рѣшила сдаться. Но на вѣсть о приближеніи мадьяръ вѣденцы опять начали борьбу. Однако мадьяры понесли подъ Швахатомъ пораженіе, австрійскіи войска приступомъ овладѣли внутреннимъ городомъ (31 октября), 2 ноября вступили Елачиць въ городъ, велѣлъ предводителей возстанія, между ними Мессенгаузера и Роберта Блюма увязнати и расстрѣляти.

Когда вѣденское возстаніе влонилось къ паденію, вспыхнуло новое во Львовѣ. Якъ мы выше сказали, были здѣсь на дневной очереди драки между польскими гвардейцами и императорскимъ войскомъ, особенно артиллеристами. 1 ноября случилось, що среди спора одинъ гвардеець былъ раненъ въ голову.

Начальство гвардіи приказало тотчасъ ударити на алармъ и призвало гвардейцевъ подъ оружіе. И австрійское войско устроилось въ полномъ вооруженіи. Главнокомандующій (съ 1846 г.) генераль Вильгельмъ фонъ Гамерштейнъ Экфордъ развинулъ рѣшительную стойкость и постановилъ въ зародышѣ сдавити начинающуюся революцію. Онъ былъ приготованъ на такую, ибо полиція узнала изъ писемъ, надоспѣвшихъ изъ Кракова, що собирается бунтъ во Львовѣ *). Онъ тотчасъ приказалъ заняты все стратегическіи пункты въ городѣ и внѣ его, и оставилъ пушки на горѣ, господствующей надъ Львовомъ (Высокомъ Замку) и при Босацкихъ воротахъ. Гвардія со своей стороны построила въ улицахъ города барикады. Началась уличная борьба. Гвардія стрѣляла изъ-за барикадъ и оконъ домовъ и не допускала войска во внутрь города. Тогда загремѣли пушки изъ Высокого Замка и рознесли розореніе по цѣломъ городѣ. Кули легли особенно на ратушу, университетъ (гдѣ сегодня Нар. Домъ), технику, театръ и другіи собирательныи пункты гвардейцевъ. Все тѣ зданія нашлись вскорѣ въ развалинахъ, или стояли въ пламенахъ.

*) Кроме стр. 646. О львовской революціи смотри: Dziennik polski 1879 н-ръ 255 (Polatsch 30) и Ausweis über die am 2 November 1848 in Lemberg Getödteten (Рукопись библиотеки Оссолинскихъ н-ръ 1780).

Весь университетъ былъ розоренъ, богатая же его бібліотека съ десятками тысячъ томовъ книгъ и съ собраніемъ достопамятностей и рукописей, забранныхъ изъ закрытыхъ Іосифомъ II польскихъ и русскихъ монастырей — пали жертвою огня. Гвардейцы не имѣли охоты штурмомъ добывать австрійскія батареи. Бомбардованіе продолжалось черезъ цѣлый день 2 ноября и много частныхъ домовъ пострадало. Польская гвардія плохо держалась и не объявила такой отваги, какъ гвардія въ Празѣ или Вѣднѣ. По той причинѣ собралась городская управа и выслала къ губернатору Вацлаву Залескому и ген. Гамерштейну депутацію, съ просьбою о прекращеніи бомбардованія. Гамерштейнъ согласился, когда депутація подписала заявленіе, що гвардія сложитъ оружіе. Слѣдующаго дня послѣдовало розоруженіе гвардіи и Львовъ разомъ съ цѣлою Галичною объявленъ былъ въ осадномъ положеніи. Нѣкоторые лица, думая, що возстаніе кончилось и безъ опасенія можно ходити по улицамъ города, поплатились жизнью за свою неосторожность. Въ Дикастеріальной улицѣ и возлѣ костела іезуитовъ стояли еще въ окнахъ домовъ воины изъ полка Дейчмейстеръ, стрѣлявшіи въ прохожихъ. Такимъ образомъ были убиты нѣсколько кухарокъ и другихъ лицъ. Послѣ подавленія львовскаго возстанія приказало министерство розвязати всѣ гвардіи въ Галичинѣ, пе-

ревести всеобщее розоруженіе и изгнати польскихъ эмигрантовъ изъ сей провинціи. Они удалились въ Угорщину.

Послѣдствіемъ львовской революціи было уступленіе Вацлава Залеского изъ должности губернатора и назначеніе его преемникомъ гр. Агенора Голуховского. Голуховскій былъ первый галицко-польскій аристократъ, посвятившійся правительственной машинѣ. Вслѣдствіе того, не смотря на свое польское происхожденіе, получалъ онъ все высшіи должности и наконецъ занялъ при галицкомъ губернаторѣ вліятельное становище. Залеского онъ не любилъ и тайно интриговалъ противъ него.

Императорскій дворъ, искавшій убѣжища предъ вѣденскою революціею въ Оломунцѣ, приказалъ вѣденскому парламенту прекратить свои совѣщанія и 15 ноября обратись опять въ Кромержъ на Моравіи. Лишь одна часть парламента (съ нею и галицко-русскіи послы) повиновалась сему приказу, прочіи же послы совѣщались дальше, избравши своимъ президентомъ поляка Смольку. Послѣ усмиренія вѣденской революціи, парламентъ (примѣнительно къ императорской волѣ) собрался въ Кромержъ 22 ноября и опять избралъ Смольку своимъ президентомъ, чтобы такимъ образомъ отмѣтити правосильность своихъ засѣданій во время вѣденской революціи. Парламентъ засталъ новыхъ министровъ: кн. Феликса Шварценберга для

иностранныхъ дѣлъ и яко предсѣдателя, бывшего галицкаго губернатора Стадіона для внутреннихъ дѣлъ, Крауса финансовъ, Кордона — войны, Баха — юстиціи, Брука — торговли и публичныхъ работъ, Тильфельда — сельскаго хозяйства и горнозаводства. Императоръ Фердинандъ, котораго такъ выхваляли за честность, сдержанность и правоту, убѣдился, що онъ не въ состояніи бороться съ возникшею бурею. Онъ рѣшился сложить съ себе государственное бремя. Первая мысль того отреченія, якъ увѣряють, вышла отъ императрицы Маріаны, женщины богомольной и благочестивой, для которой императорскій вѣнецъ не имѣлъ особеннаго честолюбиваго значенія. У Фердинанда не было дѣтей и вѣнецъ имперіи по наслѣдственному праву долженъ былъ перейти на его брата, архикнязя Франца Карла, который въ свою очередь отказался отъ правленія по причинѣ старости. При тѣхъ обстоятельствахъ рѣшилъ семейный совѣтъ, возвести на престолъ сына Франца Карла — Францъ Іосифа I, котораго молодость, якъ полагаются, могла бы возродити Австрію. Дня 2 декабря 1848 г. обнародованъ былъ манифестъ Фердинанда о отреченіи и о вступленіи на престолъ Францъ-Іосифа I.

Новый императоръ приказалъ парламенту ускорити дѣло конституціи, самъ же обратилъ головное вниманіе на военныя событія. Въ Италіи австрій-

бѣжѣ войскамъ повесало, ибо генералъ Радецкій покорилъ опять Ломбардію и Венецію и наклонялъ Сардинію къ заключенію мира (6 августа). Но вмѣсто итальянской разразилась теперь мадьярская война. Мадьяры установили у себе новое правительство подъ названіемъ „Вѣдомства защиты края“ съ Кошутомъ во главѣ. Она старались привлечь на свою сторону императорское войско и его офицеровъ, заняты крѣпости и пріобрѣсти сочувствіе иностранныхъ государствъ. Они назначили своихъ полномочныхъ для Берлина, Парижа, Вашингтона, Лондона, Турина и т. д. Много австрійскихъ офицеровъ перешло на ихъ сторону, якъ Ауликъ, Кишъ, Дамьявичъ, Юрій Клавка (въ началѣ 1849 г.) Изъ иностранцевъ поступили въ ихъ армію ирландецъ Гюбнъ, французъ Лафитъ, поляки Жабоклицкій, Высоцкій, Бемъ и потомъ Дембинскій. Крѣпость Коморнъ впала въ ихъ руки, но въ Арадѣ защищалось австрійское войско. Императоръ Фердинандъ издалъ 7 ноября манифестъ, порицающій „безстыдными козни Кошута и его товарищей“ и приказалъ приступити къ наказанію бунтовщиковъ. Послѣ плана, изготовленнаго еще министромъ Латуромъ, австрійскія войска имѣли вторгнути въ Угорщину изъ всѣхъ сторонъ. Примѣнительно къ тому плану стануль Виндишгрець въ силѣ 65.000 чсл. на австрійской границѣ и имѣлъ вдоль Дуная посуватись къ Будапешту, соединившись

съ ген. Зимуничемъ, который съ 9000 войска вторгнулъ въ долину рѣки Вага. Ген. Гёцъ имѣлъ съ 6 до 7.000 чел. пройти Яблонковский переваль изъ Силезіи и заняти Словаччину. Ген. Шликъ долженъ былъ съ 20 до 24.000 чел. перейти изъ Галичины Дуклянской переваль, заняти Пряшевъ и соединитись съ Гёцомъ и арміею Виндишгреца. Отъ востока имѣлъ ген. Пухнеръ съ 32.000 чел. идти на выручку Арада. Отъ юга и изъ Штиріи имѣли также двинутись вооруженныя силы Елачица и сербовъ противъ мадьяръ.

Противъ такихъ силъ выставили мадьяры: 30.000 чел. подъ начальствомъ Гёргея противъ Виндишгреца съ головною квартирою въ Прешбургъ, 14.000 чел. подъ начальствомъ Месароша противъ Шлика, 14.000 чел. на юзѣ противъ сербовъ. Къ счастью для мадьяръ австрійскіи вожди провели полныхъ шесть недѣль въ бездѣйствіи и дозволили мадьярамъ увеличить свою армію, построить фабрики пороху и военныхъ снарядовъ и лучше устроить свои военныя силы. Только послѣ вступленія на престолъ Францъ-Иосифа I, 15 декабря Виндишгрець переступилъ венгерскую границу и одновременно двинулись другія австрійскія арміи. Армія Гергея не могла предъ перевышающими силами Виндишгреца и Елачица остоятись; она принуждена была отступати и отдати въ руки австрійцевъ Прешбургъ, Рабу, даже Буду (5 января

1849). Венгерскій соймъ и правительство переселились (1—5 января) въ Дебречинъ, „сердце мадыарской земли, гдѣ въ степяхъ, за болотами Тисы, климатъ и земля будутъ противъ врага бороться за Угорщину“ — якъ сказалъ военный министръ Месарошъ.

На сѣверѣ, ген. Шликъ переступилъ Дуклянскій переваль и добрался до Кошицъ. Противъ него выступилъ самъ мадыарскій военный министръ Месарошъ, но былъ побитъ и уступилъ къ Токаю. Здѣсь передалъ онъ начальство надъ венгерскою сѣвѣрною арміею Юрію Клапцъ, который оказался способнѣйшимъ вождемъ. Сей отразилъ Шлика, который принужденъ былъ отступить отъ рѣки Тисы и проситъ Гѣца о помощи. Гѣцъ занялъ Словаччину, въ которой извѣстны намъ словацкіи вожди Штуръ и Гурбанъ пробовали опять возбудить возстаніе противъ мадыаръ, но успѣли собрать едва 600 волонтеровъ, которые однако векоръ разошлись. Кошутъ успѣлъ многихъ словаковъ и угоросовъ воодушевити для мадыарской идеи и множество ихъ поступило въ мадыарскую армію. На помощь Клапцъ поспѣшилъ также Гѣргей, занялъ Кошицы и принудилъ Шлика отступить къ западу и соединиться съ Гѣцомъ.

Побѣды мадыаръ у южного склона Карпатъ воздѣйствовали на Галичину, въ которой среди поляковъ поднялось сочувствіе для мадыарскихъ возстанцевъ.

Много прежнихъ гвардейцевъ уходило тайно черезъ Карпаты въ Угорщину; одни изъ нихъ поступали въ армию Клапки, другіи составили отрядъ добровольцевъ подъ Высоцкимъ, третьи поспѣшили въ Семиградъ къ Бему. Ген. Шликъ вывелъ майже все войско изъ Галичины въ Угорщину. Нѣмецкими чиновниками овладѣлъ паническій страхъ. Тогда возложили они свои надежды на die gesinnungstüchtigen ruthenischen Pfaffen und das treue, biedere, opferwillige Bauernvolk der Ruthenen (благонадежныхъ русскихъ поповъ и вѣрный, честный и готовый къ жертвамъ крестьянскій русскій народъ)*). Старосты воззвали крестьянъ, чтобы были готовы къ отраженію непріятеля, могущаго вторгнуться въ предѣлы Галичины. Въ недостатку войска гуцулы, вооруженныя въ стрѣльбу, исполняли стражу коло правительственныхъ касъ и тюремъ въ Станиславовѣ, Коломыѣ и другихъ городахъ. Львовская губернія приступила къ организаціи отдѣльнаго отряда русскихъ добровольцевъ подъ названіемъ „русскихъ горскихъ стрѣльцовъ“ (ruthenische Bergschützen), надъ которыми команду обнялъ уроженецъ Львова, поручикъ артиллеріи Фердинандъ Бауэръ. Русская Рада предложила правительству проектъ образованія народнаго ополченія противъ мадьяръ. Первое того рода ополченіе было устроено въ

*) Родный Листокъ 1880 стр. 102.

станиславскомъ округѣ яко ближайшемъ мѣстѣ опасности и смотрѣ его состоялся на дугахъ воелѣ Богородчанъ.

Собралось омоло 10.000 крестьянъ съ косами, вилами, сокирами и стрѣльбами. На правомъ крылѣ уформовалось 300 гуцуловъ на маленькихъ лошадакъ съ стрѣльбами черезъ плечи подѣ предводительствомъ гайдуковъ изъ камеральныхъ имѣній. Дальше стануло шесть сотенъ вооруженныхъ въ стрѣльбы и карабины гуцуловъ и подгоранъ подѣ предводительствомъ камеральныхъ лѣсничицъ. За ними стояло 8000 крестьянъ съ косами, вилами и сокирами. На лѣвомъ крылѣ было 400 всадниковъ съ косами и списами. Прибывшій изъ Львова генералъ съ адъютангомъ отбылъ пересмотрѣ и потомъ приказалъ дефиловати.

Впереди дефилюющего ополченія ѣхалъ на конѣ старый священникъ, одѣтый въ фелонъ, съ крестомъ въ рукахъ; за нимъ конница, потомъ пѣхота, въ концѣ опять конница. Ополченцы спѣвали: Пречистая Дѣво Мати русекого краю“, „Миръ вамъ братья“, „Машеруютъ швалижеры, счастлива имъ дорога“... Войты получили приказъ, на вышепныхъ мѣстахъ уставляти вѣжи изъ соломы, начарщи отъ венгерской границы въ глубь края. Въ случаѣ вторженія мадьяръ они имѣли пламенемъ своимъ извѣстити населеніе о опасности и алармовати ополченцевъ... Когда такіи приготовления были подѣланы, нѣмцы-

чиновники отдохнули, прослезившись отъ умиленія надъ честнымъ, вѣрнымъ, жертволюбивымъ рутенскимъ народомъ *).

Между-тѣмъ и въ Семиградѣ начало австрійцамъ плохо вестись. Здѣсь былъ съ 16 дек. комендантомъ мадьярскихъ войскъ полякъ, извѣстный намъ Бемъ. Кошутъ, отправляя его туда, показавъ ему карту Семиграда и воззвалъ, здѣсь попробовати счастья. Бемъ оправдалъ надежды Кошута, ибо сдѣлалъ ген. Пухнеру столько затрудненій, що сей не могъ по предназначенному плану явиться въ Угорщину и атаковать мадьяръ съ восточной стороны. Побитый въ одномъ мѣстѣ, являлся Бемъ въ другомъ, готовый къ новой борьбѣ, возмущая секлеровъ и сѣя панику вокругъ себе. Саксонцы городовъ Кронштадта и Германштадта (Сибина), видя безсиліе австрійскаго вождя, стали въ январѣ оглядаться за русскою помощію. Точно тогда стояли русскія войска подъ ген. Лидерсомъ вблизи Семиграда, въ Молдавіи и Валахіи. Причины пребыванія русскихъ войскъ въ оныхъ странахъ были слѣдующія:

Послѣ 1840 г. образовалась между румынскими боярами, подъ вліяніемъ національно-объединительныхъ идей итальянцевъ, нѣмцевъ, славянъ и мадьяръ, партія, которая мечтала о возстановленіи великой дако-романской дер-

*) Род. Листоуъ 1880 г. стр. 104.

жавы, обнимающей Валахію, Молдавію, Буковину, Семиградъ и заселенныи румунами комитаты Угорщины. То движеніе усилилось на вѣсть о парижской революціи и волненіяхъ въ Австріи и Италіи. Приверженцы дако романской идеи собрались въ началѣ апрѣля 1848 г. въ Яссахъ, составили петицію, заосмотрили оную въ численныи подписи и хотѣли передать своему господарю Бибеску, стороннику Россіи. Такъ якъ сіе движеніе было направлено также противъ господаря и противъ вліянія Россіи, то собранныи были арестованы. Вскорѣ вступили на помощь господарю также русскіи войска. Господарь Бибеско, видя всеобщее неудовольствіе, отказался отъ своей власти и удалился въ Кронштадтъ, румуны же установили провизорическое правительство, провозгласила новую конституцію и воззвали опеки Франціи, Австріи и Пруссіи. Однако Россія объявила циркулярною депешкою отъ 31 іюля, що не дозволить отторженія Молдавіи и Валахіи отъ Турціи; одновременно вступило турецкое войско въ Валахію, добыло 26 сентября штурмомъ Букарештъ и соединилось съ русскимъ войскомъ. Россія и Турція заключили въ послѣдствіи (1 мая 1849 г.) договоръ въ Балта-Лиманѣ, въ силу котораго давнѣйшее устройство Валахіи и Молдавіи было возстановлено. Оба государства согласились также касательно назначенія новыхъ господарей:

Димитрія Барба Старбея для Валахія и Григорія Гаки для Молдавіи. Русскіи войска, усиленные до 40.000, остались здѣсь до 1851 г.

На прошеніе семиградскихъ саксонцевъ вступило 3000 русскихъ подъ Эггельгартомъ въ Кронштадтъ, 2000 подъ Скарятиномъ въ Сибинь. Но помощь русская не успѣла преодолѣти Бема. Онъ отнялъ у русскихъ Сибинь и выперъ Пухнера въ Валахію. Майже весь Семиградъ былъ въ его рукахъ.

На ювъ мадьярамъ не повезло. Цѣлый Банатъ и Бачка были въ рукахъ сербскихъ возстанцевъ; крѣпости Арадъ и Темешваръ находились во власти австрійцевъ. Розсчитывая на неуспѣхъ мадьяръ, Виндишгрець приказалъ Елачицу искати соединенія съ сербскими возстанцами и занявши Кечкеметъ и Сегединъ атакovati мадьяровъ съ ихъ лѣвого боку. Но пока онъ могъ исполнити ту задачу, мадьяры выступили наступательно и Виндишгрець принужденъ былъ примѣнити свои дѣйствія къ новому положенію дѣлъ.

Въ январѣ удалось агенту мадьярскаго правительства въ Парижѣ, гр. Л. Телеки, склонити старога польскаго генерала Дембинскаго къ принятію должности генерала en chef у мадьяръ. Поляки, съ поры раздѣловъ Польщи непрерывно мечтавшіи о борьбѣ за независимость и участвовавшіи въ столькихъ войнахъ, развили у себе военное дѣло

и имѣли опытныхъ полководцевъ. По той причинѣ польскихъ военныхъ людей вездѣ охотно принимали и поручали имъ начальства. Дембинскій, прибывши въ Угорщину, составилъ въ Дебречинѣ военный совѣтъ, который имѣлъ изготовляти всѣ операціонныя планы. По мысли Дембинского, одобренной военнымъ совѣтомъ, имѣли мадьяры наступательно дѣйствовать противъ Виндишгреца, избравши рѣку Тису базисомъ, Дунай же цѣлью операцій. Въ мартѣ стояло мадьярско-го войска подъ оружіемъ: 106 баталіоновъ пѣхоты, 6 баталіоновъ стрѣлковъ и 6 полковъ гузаровъ. Первая проба, опрокинути Виндишгреца и достатись къ Пешту, не удалась, ибо мадьяры потерпѣли пораженіе подъ Капольною. Но вскорѣ они пришли въ себе и опять выступили противъ австрійскихъ войскъ. Гергей на сѣверѣ проломалъ линіи Шлика подъ Ягеромъ, Демьяничъ на юзѣ побилъ Елачица, Дембинскій, командовавшій въ центрѣ, принудилъ Виндишгреца къ отступленію. Тѣ неудачи наклонили императора отнати Виндишгрецу начальство и назначити на его мѣсто главнокомандующимъ Вельдена. Но и Вельденъ не былъ счастлившій. Мадьяры, у которыхъ начальство послѣ Дембинского обнялъ Феттеръ, потомъ Гергей, вступили 24 апрѣля въ Пештъ и Коморнъ, разбили 27 апрѣля при селѣ Мочѣ 54.000 австрійского войска съ 180 пушками и ткнули ихъ къ Прешбургу. На сѣверѣ

Высоцкій съ своимъ польскимъ легиономъ занялъ Словацкину. На юзѣ Елачиць и сербы были побиты.

Послѣ тѣхъ побѣдъ Кошутъ поставилъ въ дебечинскомъ соймѣ внесеніе: объявити Угорщину съ всеми принадлежачими къ ней краями независимою державою и Габсбургско-Лотарингскій Домъ отрѣшати отъ престола. Манифестъ сойма отъ 15 апрѣля объявилъ то рѣшеніе жителямъ Угорщины и современно съ тѣмъ объявлено было назначеніе Кошута провизорическимъ президентомъ угорской націи. Но та перемѣна правительства не вышла мадьярамъ въ пользу, ибо занимаясь устройствомъ новыхъ властей, они залишили военные операціи. вмѣсто преслѣдовати разбитого непріятеля, Гѣргей возвратился къ Будѣ и трагилъ дорогое время при обстрѣливаніи будинской крѣпости, не имѣвшей для исхода войны великой важности.

Видя, що сама не въ состояніи преодолѣти мадьярское возстаніе, Австрія рѣшилась просити помощи у Россіи. Манифестъ императора Николая I отъ 8 мая объявилъ Европѣ, що Россія готова спѣшити съ помощію Австріи. Сейчасъ было опредѣлено выше 150.000 русскаго войска для сдавленія мадьярскаго мятежа. Оно двинулось черезъ Краковъ и Моравію, черезъ Галичину къ Дуклѣ и Скольскому провалу, стоявшій же въ Молдаво-Валахін Лидерсъ получилъ приказъ съ Пухнеромъ отвоевати у Бема

Семиградъ. Шедшая черезъ Краковъ и Моравію дивизія Панютіна, въ силѣ 12.000 человекъ, соединилась коло Прешбурга съ Гайнауомъ, обнявшимъ въ Угорщинѣ начальство надъ австрійскою арміею и располагавшимъ силою въ 60.000 человекъ. Главная русская армія, въ силѣ 100.000 человекъ, шла черезъ Галичину подъ начальствомъ Пашкевича Эриванскаго и спустилась четырьмя колоннами (Бишинга, Бѣлогуева, Ридигера и Граббе) изъ Карпатъ въ венгерскую низменность. Прежде чѣмъ та армія переступила Карпаты, прибылъ царь Николай съ великимъ княземъ Константиномъ изъ Кракова, переночевалъ 19 іюня въ Жмигородѣ и слѣдующаго дня произвелъ смотръ войскъ, собранныхъ вблизи Дукля. Потомъ стануль онъ во главѣ одного отряда, перешолъ съ нимъ подъ Барвинкомъ Карпаты, распрашался здѣсь съ войскомъ и вернулся черезъ Жмигородъ въ Краковъ. Противъ мадьяръ стануло 275.000 соединенныхъ войскъ съ 600 пушками, противъ которыхъ мадьяры имѣли лишь 135.000 чел.

Скорше всѣхъ начали военныи дѣйствія русско-австрійскіи войска у границъ Семиграда, вступая въ тотъ край отъ юга и сѣвера со стороны Буковины. Лидерсъ занялъ Сибинъ, австрійцы Кронштадъ, вступившій изъ Буковины отрядъ побилъ Бема подъ Шесбургомъ. На югѣ однако мадьяры заняли Арадъ и принудили Елачица оставити Бачку. Счастли-

*

шимъ былъ Гайнау, выправшій Гёргея изъ всѣхъ лучшихъ позицій и загрозишій Буда-Пешту. Важная мѣстность Рабъ была занята австрійцами въ присутствіи молодого императора. Тогда мадьярское правительство рѣшило, отнять военное начальство Гергею и опять назначило Дембинского главнокомандующимъ. Однако офицеры арміи Гёргея загрозили опущеніемъ угорской службы, если лишатся своего любимого вождя и Гергей остался дальше начальникомъ придунайской арміи. Онъ пробовалъ еще проломать австрійскую армію сильною атакою возлѣ Коморна, однако напрасно. Отбитый, принужденъ онъ былъ отступить назадъ. Угорское правительство бѣжало 8 іюля изъ Будапешта въ Сегединъ; дорога въ Дебречинъ была уже русскими войсками заложена. 11 іюля были австрійскіи войска и козаки въ Буда-Пештѣ.

Видя невозможность дальше опираться преобладающимъ силамъ, Гёргей издалъ 21 іюля изъ Рымасомбата дневній приказъ войскамъ, въ которомъ онъ воззвалъ свою армію рѣшиться: вести ли дальше войну или сдаться. Армія требовала дальнейшей войны. Гайнау отпиралъ дальше мадьяръ, отнялъ имъ Сегединъ, побилъ Дембинского, потомъ Бема, приспѣвшого изъ Семиграда на помощь, и освободилъ Темешваръ отъ осады. Въ рядахъ угорской арміи обнаружилось теперь розстройство. Усталыи

отъ военныхъ походовъ гонведы стали разбѣгаться и вертати на родину.

Гергей пробоваль еще собрати военныи силы на сѣверѣ и приостановити походъ русскихъ. Однако русскіи заняли Дебечинь и смяли дѣйствовавшій тутъ угорскій первый корпусъ. Съ разбитками искаль Гергей убѣжища въ крѣпости Арадъ, которая 1 августа сдалась уграмъ и куда переселилось угорское правительство послѣ занятія Сегедина. Здѣсь сложилъ Кошутъ (11 августа) достоинство президента „выдѣла защиты края“ и Гергей назначенъ былъ диктаторомъ. Такъ рѣшилъ военный советъ.

Гѣргей обняль диктатуру не для того, чтобы дальше вести борьбу, а для того, чтобы ю окончити. Онъ того же дня выслалъ письмо къ русскому генералу Ридигеру съ просьбою, движение русскихъ войскъ такъ устроить, дабы они отдѣлились отъ австрійцевъ — ибо онъ хочеть сдаться лишь русскимъ. На широкихъ равнинахъ вблизи Вилагоша сбился 13 августа, по полудни, печальный обрядъ сложенія оружія угорскимъ войскомъ. Его было лишь 24.000 чел. съ 144 пушками. Сдача была безусловная... „Угорщина лежитъ у стопъ Вашего императорского Величества“ — такъ гласилъ докладъ Пашкевича къ императору Николаю— „правительство возстанцевъ отказалось добровольно отъ своей власти и передало ю Гѣргею. Гѣргей же съ го-

ловною армією возстанцевъ кладеть безъ условій оружіе предъ русскою армією и его примѣру, безсомнѣнно, послѣдуютъ и другіи корпусы возстанцевъ... Имѣю честь доложить Вашему императорскому Величеству, що единственнымъ, поставленнымъ Гергеємъ условіемъ, есть: дабы ему (Гергею) позволено было положить оружіе предъ Вашею армією“...

Мадьярскій мятежъ окончился. Армія Бема сдалась также, вождь же ея бѣжалъ въ Валахію, гдѣ искали убѣжища также Кошуть, Дембинскій и много другихъ предводителей возстанія. Крѣпости, въ которыхъ были еще мадыарскіи гарнизоны, сдались также, якъ: Арадъ, Мункачъ (сдался русскимъ 26 августа), Петроварадинъ, Коморно.

Обстоятельство, що мадыары положили оружіе передъ русскимъ, а не австрійскимъ вождемъ, возмутило австрійскихъ генераловъ. Гайнау отомстидъ то мадыарамъ казненіемъ около 25 видѣвшихъ лицъ изъ нихъ. 13 октября было въ Арадѣ 13 венгерскихъ генераловъ приговоренныхъ къ смерти; девять изъ нихъ (между ними Аулихъ и гр. Лейнингенъ, сродникъ англійской королевы) были повѣшены, прочіи же розстрѣляны. Гр. Л. Батъяни, бывшій президентъ мадыарскихъ министровъ, былъ также розстрѣлянъ. Противъ всѣхъ членовъ дебречинского правительства и другихъ лицъ начался процессъ о государственную измѣну и опять около 200 лицъ были

приговорены въ смерти. Рядомъ съ тѣми приговорами шли конфискаціи имѣній. Цѣлая Угорщина съ Семиградомъ объявлена была на военномъ положеніи, продолжавшемся до апрѣля 1854 г. Передъ тѣмъ еще былъ строгій Гайнау устранивъ отъ должности головнокомандующаго (въ іюль 1850).

Русскія войска возвратились векомъ послѣ подавленія мятежа на родину и опять переходили черезъ Галичину. Послѣдствіемъ того угорскаго похода было, що населеніе прикарпатской Руси первый разъ облизилось съ великороссами. Жители сель и городовъ съ любознательностію присматривались обликамъ изъ далекаго сѣвера, плѣнялись мелодійными пѣснями русскихъ солдатъ и входили съ ними въ разговоры. Они легко понимали себе и многіи изъ интеллигенціи и простонародія въ скоромъ времени усвоили себѣ великорусское произношеніе. Великорусскія пѣсни распространились среди мѣстныхъ русскихъ и ихъ стали пѣти пѣвцы и пѣвицы въ публичныхъ мѣстахъ. Особенно понравились конница и черкесы. Солдаты много сообщались съ простонародіемъ, но офицеры сторонили отъ мѣстной интеллигенціи. Послѣдніи пріобрѣли симпатію простонародія своею щедростію. Стоитъ, бывало, отрядъ на стоянцѣ и пригласитъ офицеръ кравца, чтобы ему сшилъ немного распоровшуюся шинель; явится, кравецъ, справится съ работою въ одну

или двѣ минуты и получаетъ рубль. Зайдутъ офицеры въ бакалейную лавку или ресторанъ на закуску и буквально разкидаютъ рублями. Многѣ галицкіи купцы одолжали свое благосостояніе переходу русскихъ войскъ. Ненависти поляковъ къ русскимъ тогда не замѣчалось, напротивъ же, ненависть та была направлена противъ австрійскаго правительства по поводу 1846 г., котораго поляки долго позабыти не могли. По необъяснимой причинѣ волновала Галичину впоследствии — съ 1850 до 1860 гг. — тихая молва, що Россія заберетъ Галичину. Съ такою догадкою можно было тогда встрѣтиться не только у простонародія, но и у образованныхъ людей, особенно же поляковъ.

Кромѣ мадьярской войны, умы галичанъ занимали совѣщанія думы державной, переведенной въ Кромержь. 19 ноября 1848 г. собралось тамъ 127 пословъ — потомъ то число возросло до 383, изъ которыхъ 107 было изъ Галичины. Съ начала былъ споръ: признали-ли совѣщанія парламента во время вѣденской революціи правосильными, или нѣтъ? Потомъ послы подѣлились на клубы. Русскіи изъ Галичины соединились съ южными славянами и чехами и образовали „австрійско - славянскій клубъ“, числившій 120 пословъ и имѣвшій предсѣдателя въ лицѣ Штробаха. Въ немъ верховодили Ригеръ и Палацкій. Сей клубъ былъ сильнѣйшій всѣхъ.

Потомъ слѣдовалъ клубъ, названный центромъ (60 членовъ) съ девизомъ: „все жители государства суть прежде всего австрійцами.“ Дальше былъ клубъ „нѣмецкихъ австрійцевъ (40 членовъ), потомъ лѣвый центръ (40 членовъ), стоявшій за конституційную и нероздѣльную Австрію. Прежняя нѣмецкая демократическая лѣвая распалась и не много числила теперь пословъ. На лѣвой за- сѣдѣи поляки, между которыми первый голосъ имѣли Смолька и Земляковскій. Дальше вниманіе парламента заняло дѣло перемѣны престолонаслѣдія и перенятіе правленія молодымъ импер. Францъ-Іосифомъ I. Къ собственной своей зада- чѣ, т. е. составленію конституціи, могъ парламентъ приступить только въ поло- винѣ декабря.

Приступая къ новому устройству государства, парламентъ долженъ былъ прежде всего рѣшить два дѣла: устано- вленіе новой громады и общія граждан- скія права (Grundrechte). Такъ какъ вслѣд- ствіе сровнанія всѣхъ сословій и уни- чтоженія подданнической зависимости кре- стьянъ давнѣйшій роздѣлъ на сельскую громаду и помѣстье (Grundherrschaft) не имѣлъ смысла, то большинство требова- ло новой, на свободныхъ началахъ у- строенной громады. Однако правитель- ство предложило такіи проектъ, который не удовлетворилъ собраніе, ибо онъ за- держалъ давній роздѣлъ на сословія и

класы. Правительство взяло свой проектъ обратно.

Теперь сталъ парламентъ составлять общія гражданскія права. Въ первомъ параграфѣ относительнаго проекта стояло: „Всѣ государственныя власти происходятъ отъ народа и дѣйствуютъ способомъ, опредѣленнымъ конституціею“... Министерство заявило устами Стадіона (4 января 1849), що на тотъ параграфъ ніякъ согласитись не можетъ. Хотя Ригеръ, Штробахъ (отъ 22 декабря президентъ парламента) и многіи нѣмцы стояли за тѣмъ параграфомъ, однако парламентъ перемѣнилъ его согласно съ желаніемъ правительства. Затѣмъ приступилъ парламентъ къ другимъ конституційнымъ правамъ, именно: къ дѣлу о явности суда, о судѣ присяжныхъ, о неприкосновенности домашняго права, о правѣ собраній и т. д. Но тутъ же въ такъ зовимой конституційной комисіи возникла распря между чешско-тирольскими федералистами и нѣмецко-австрійскими централистами. Кромѣ того возникъ споръ между чехами и поляками по причинѣ галицкаго дѣла.

Палацкій предложилъ отъ имени чеховъ проектъ федералистическаго устройства государства. На основаніи того проекта должна была Австрія состояти изъ восьми національныхъ краевыхъ группъ: 1) нѣмецкой Австріи (альпійскихъ краевъ, нѣмецкихъ частей Чехіи и Моравіи); 2) чешской Австріи (славян-

скихъ частей Чехин и Моравин, Силезин и угорской Словаццины); 3) польской Австрин (Галичины, Буковины и русскихъ комитатовъ верхней Угорщины); 4) Иллирии (Славонія, Побережья, Кравны, славянской части Штирии, и Каринтии); 5) Юго-славянской Австрин (Хорватин, Далматин и сербской Воеводины; 6) итальянской Австрин (Ломбардин, Венеции и южного Тироля); 7) Мадьярии (мадьярскихъ частей Угорщины и Семиграда); 8) Австро-Валахин (валашскихъ частей Семиграда, Угорщины и Буковины). Сей проектъ не нашолъ сочувствія у членовъ конституційной комисіи и Палацкій выступилъ изъ ней 6 февраля. Представители русского народа не могли также съ тѣмъ проектомъ Палацкого согласиться. Состоявшій членомъ конституційной комисіи епископъ Гр. Яхимовичъ держалъ въ ней (23 января) рѣчь, въ которой доказывалъ необходимость раздѣла Галичины на двѣ провинціи, польскую и русскую.

Польскіи нослы думы державной рѣзко выступали противъ Стадіона, русскіи же защищали его. Особенно замѣчательны въ томъ отношеніи были рѣчи крыл. Гр. Шашкевича, которого правительство назначило министерскимъ совѣтникомъ. По инициативѣ Шашкевича издано было 21 января распоряженіе, дабы въ 12 восточныхъ округахъ Галичины преподаванія въ школахъ народныхъ отбывались по-русски, въ сред-

нихъ же по нѣмцки. Когда въ думѣ державной русскія послы представляли кривды своего народа, чехи ставали по ихъ сторонѣ, вслѣдствіе чего поляки чувствовали къ нимъ обиду.

Головную Русскую Раду, яко представительницу галицко-русского народа, занимали въ ту пору аграрныя вопросы, вызванныя уничтоженіемъ панщины и прежними неудобствами. Въ октябрѣ 1848 года она изготвила петицію къ думѣ державной въ дѣлѣ сервитутовъ и въ дѣлѣ незаконнаго похищенія крестьянскихъ земель помѣщиками.

Крестьяне, отбывая панщину, имѣли право получать изъ помѣщичьяго лѣса дерево на постройку зданій и для топлива и пасты свой скотъ въ помѣщичьемъ лѣсѣ и на пастбищахъ помѣщика. Тотчасъ послѣ уничтоженія панщины стали имъ помѣщики то право оспаривати. Русская Рада обратила вниманіе державной думы на то *), що если помѣщикамъ имѣеть признатись вознагражденіе за панщину, право же пользоваться лѣсомъ и пастбищемъ отъ незапамятныхъ временъ было составною частью крѣпостныхъ отношеній — то ровно якъ землю, такъ и правомъ лѣса и пастбища должны дальше пользоваться крестьяне. Русская Рада предостерегаетъ державную думу предъ вредны-

*) Malinowski: Kirchen- u. Staatssatzungen стр. 582.

ми послѣдствіями отнятія лѣсовъ и пастбищъ у крестьянъ. Крестьянскіи надѣлы земли суть малы и едва ихъ хватаетъ на прокормленіе семьи, побочныхъ же заработковъ у галицкаго крестьянина нѣтъ. Если крестьяне лишатся давнихъ своихъ правъ, тогда послѣдуетъ всеобщее ихъ обѣдненіе, и то не принесетъ пользы государству.

Русская Рада обратила также вниманіе думы державной на численныи случаи похищенія крестьянской земли помѣщиками, не смотря на относительныи запретительныи законы. Обиженный крестьянинъ принужденъ вести долготнни процессы во вѣсѣхъ инстанціяхъ, начавши съ доминикальнаго (мандаторскаго) суда и конча придворною канцеляріею — которыи онъ, вслѣдствіе своей неопытности и недостатка средствъ на оплачиваніе адвокатовъ, проигрываетъ, или конца которыхъ онъ не дожидаетъ. У крестьянъ отнимаютъ землю особенно помѣщики малой руки, дѣлящии свое имѣніе между сыновъ и нуждающіися въ землѣ. Правительство сначала опредѣлило, дабы доказательствомъ права собственности въ того рода спорахъ служилъ Іосифинскій катастръ отъ 1789 г. —позднѣйше (25 ноября 1846 г.) приняло оно катастръ отъ 1820 г. яко основаніе правъ собственности, т. е. оставило всю предъ 1820 г. похищенную землю въ рукахъ помѣщиковъ. Для того просила Русская Рада, дабы державная дума на-

клоняла правительство къ изданію новыхъ опредѣленій для одного рода споровъ и установила отдѣльный урядъ для ихъ рѣшенія.

Похищеніе крестьянскихъ земель произошло въ большихъ размѣрахъ въ горскихъ и лѣсистыхъ окрестностяхъ. Правительство Юсефа II (патентомъ отъ 10 сентября 1782 г.) отдало всѣ лѣсы, принадлежавшія сельскимъ громадамъ, подъ надзоръ и въ управленіе помѣщиковъ. Крестьяне могли изъ своихъ собственныхъ лѣсовъ брати дерево лишь за соизволеніемъ помѣщика. Правительство ввело ту мѣру для охраны лѣсовъ предъ истребленіемъ. Однако помѣщики вывели изъ права надзора право собственности — и стали считать не только лѣсы, но и пастбища, луги и пашни, находившіяся въ тѣхъ же лѣсахъ, своею собственностью. Конечно, правительство приказывало старостамъ брати крестьянъ въ опеку, но они въ томъ отношеніи не могли ничего сдѣлать, ибо дѣло должно было ити судебнымъ порядкомъ, на который старосты не имѣли вліянія. Ипотечныхъ книгъ для крестьянской собственности не было, самъ же катастръ представлялъ весьма шаткое основаніе.

Кромѣ аграрныхъ дѣлъ Русская Рада занималась также вопросомъ введенія русскаго языка въ школы, судъ и администрацію. Въ своей петиціи, отъ 19 апрѣля 1848 г., просила она императора

Фердинанда I, дабы въ округахъ съ русскимъ населеніемъ въ народныхъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ обученіе провходило на русскомъ языкѣ. На сію петицію приспѣло въ маѣ рѣшеніе министра внутреннихъ дѣлъ, позволяющее ввести русскій языкъ въ народные школы, однако относительно высшихъ учебныхъ заведеній было въ томъ рѣшеніи сказано: „Такъ якъ галицко-русскій языкъ (*ruthenische Sprache*) на теперѣшнемъ степеніи своего развитія къ преподаванію многихъ научныхъ предметовъ еще не способный, то не можно его ввести въ высшія школы яко преподавательный. Однако желанію русскаго населенія удовлетворится такимъ образомъ, що прежде учредится кафедрѣ того языка, дабы на университетѣ доставити молодежи способность, основно изучити сей языкъ и такимъ путемъ его развити и усовершенти.“

Здѣсь оказалось, въ якіи противорѣчія попали „рутены“, становясь на почву „15-миліоннаго народа“. Они требовали для своего народа національныхъ правъ, т. е. введенія своего народнаго языка въ школы, администрацію и судопроизводство. Вдругъ имъ сказали, що ихъ языкъ неспособный для высшихъ школъ, ибо еще неразвитый, слѣдовательно, не можетъ быти также введенъ въ администрацію, для которой необходимъ развитый языкъ. И правительство, и сами же рутены поставили себе та-

кимъ образомъ на ровнѣ съ кабрами, готтентотами, у которыхъ нѣтъ исторіи, нѣтъ литературы, нѣтъ языка, способного къ отмѣченію высшихъ понятій. Однако Русская Рада въ своихъ петиціяхъ и пропамятныхъ письмахъ, а также галицко-русскіи публицисты въ брошюрахъ, ссылались на тысячелѣтнюю исторію своего народа и на то обетоятельство, що ихъ языкъ въ пору польскаго владѣнія былъ языкомъ суда в администраціи... Дальше утверждали они, що состоятъ частью 15-миліоннаго народа. Возможно-ли, чтобы 15-миліонный народъ въ продолженіи тысячи лѣтъ не развилъ ніякой культуры и не образовалъ своего языка? Если онъ того не одѣлалъ въ продолженіи тысячи лѣтъ, сколько дальшихъ тысячей лѣтъ ему ждати, дабы имѣти культуру, успособляющую его пользоваться народными правами?...

Рутены 1848 г. были добродушными люди, но мышленіе у многихъ изъ нихъ ишло тупо. Они признали, що они народъ безъ культуры и ихъ языкъ неразвитый, слѣдовательно, въ школахъ, администраціи и судахъ долженъ остатись языкъ нѣмецкій. Недостатокъ культуры и образованнаго языка объяснялъ епископъ Яхимовичъ при открытіи „Головной Русской Рады“ тѣмъ, що „галицкая Русь твердо спала и поздно пробудилась, когда солнце стояло высоко и сосѣди въ трудѣ были далеко“... Любимую фра-

вою другихъ рутеновъ было, „що они спали 500 лѣтъ“... Оять сужденіе невѣроятное, ибо не можно даже помыслити, щобы 15-миліонный народъ спалъ 500 лѣтъ. То противно закону природы. Тогдашнихъ рутеновъ оправдываетъ однако незнаніе своей исторіи, которой обучитись они не имѣли случайности.

Головная Русская Рада не разбирала правилъ логики и заблагорозсудила, щобы наука въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ восточной Галичины, имѣвшей преобразоватись въ отдѣльную провинцію, преподавалась по-нѣмецки. Конечно, и официальнымъ языкомъ сей провинціи имѣлъ бытъ нѣмецкій языкъ. Такимъ образомъ Головная Русская Рада, говорившая о національныхъ русскихъ правахъ, станула собственно въ защитѣ нѣмецкихъ національныхъ правъ.

Но другого мнѣнія былъ одинъ полякъ — Урбанскій, учитель лицея въ Перемышлѣ (впослѣдствіи директоръ университетской бібліотеки во Львовѣ). Онъ, хотя и не зналъ по русски, сталъ съ началомъ учебного года 1849 преподавати свой предметъ (матемаку) по русски, поучаясь относительно техническихъ выраженій у своихъ друзей русской народности, которые, въ свою очередь, столько же знали изъ русскихъ техническихъ выраженій, якъ и онъ самъ. Урбанскій сталъ по-русски учити изъ демонстраціи противъ Русской Ра-

ды, которую поляки упрекали въ германофильствѣ, шварцгельберствѣ (т. е. сочувствіи къ чиновничьему и полицейскому образу правленія, олицетворенному въ австрійской бюрократіи) и во всякихъ другихъ порокахъ.

Предполагаемая катедра русскаго языка на львовскомъ университетѣ была открыта съ началомъ 1849 учебнаго года. Зубрицкій наклонялъ Я. Головацкаго, состоявшаго тогда сельскимъ священникомъ въ Хмелевой, чортковскаго округа, дабы онъ обнялъ ту катедру, но Головацкій медлилъ. Тогда написалъ М. Малиновскій отъ имени Головацкаго прошеніе, подписалъ оное и внесъ въ министерство. Такъ былъ Головацкій принужденъ съ днемъ 22 декабря 1848 г. поступити въ университетскіи преподаватели русскаго (ruthenisch) языка и его литературы, съ жалованіемъ 360 зр. въ годъ *). Одновременно приказало правительство ввести въ гимназіяхъ восточной Галичины науку русскаго языка яко обязательнаго предмета для всѣхъ учениковъ, т. е. не лишь русскихъ, но также для поляковъ, нѣмцевъ и евреевъ. Польскій языкъ въ гимназіяхъ восточной Галичины не былъ обязательнымъ предметомъ, но въ среднихъ школахъ западной Галичины преподавались на немъ нѣкоторые предметы, якъ математика и естественныя науки.

*) Литер. Сборникъ 1836 II стр. 207.

Императорскій дворъ былъ недоволенъ кромерижскимъ парламентомъ. Приѣръ на угорскомъ соймѣ, доведшемъ постепенно къ революціи, наполнялъ императорскій дворъ недоувѣріемъ къ конституційной формѣ правленія. Распря же и споры поодинокихъ партій не давали, по маѣнію правительства, надежды на скорое и успѣшное рѣшеніе законившихся государственныхъ дѣлъ. Изъ совѣтниковъ императора, особенно Шварценбергъ и Виндишгрець, настаивали на его закрытіи. Послѣ министерскаго совѣщанія, на которомъ рѣшено развязати парламентъ, прибыли въ ночи изъ 6 на 7 марта большіи отряды войска въ Кромерижъ и утромъ 7 марта 1849 г. осадилъ одинъ батальонъ архіепископскую палату, въ которой происходили засѣданія парламента. Прибывшимъ посламъ было объявлено, що парламентъ кончилъ свою дѣятельность. Одновременно была обнародована новая конституція отъ дня 4 марта 1849 г., составленная самимъ же правительствомъ. На основаніи сей новой конституціи парламентъ имѣлъ состояти изъ двухъ палатъ: палаты низшей, состоящей изъ пословъ, избранныхъ путемъ посредственныхъ выборовъ (1 посолъ на 100.000 душъ), и палаты высшей (Oberhaus), состоящей изъ представителей соймовъ (по два отъ каждой провинціи) и пословъ избранныхъ непосредственно найвысше оподаткованными. Новая конституція признавала

роздѣлъ суда отъ администраціи, отвѣтственность министровъ предъ парламентомъ, явность суда и прч. Касательно Угорщины, находившейся еще въ возстаніи, было сказано, що ея конституція останется на столько ненарушеною, на сколько она не противорѣчитъ державному устройству и принципу равноправности народовъ. Ломбардія имѣла получить отдѣльный статутъ.

Розвязаньемъ державной думы были возмущены всѣ народности, а больше всего чехи, всегда стоявшіи за принципъ федеративного устройства государства.

Узнавши, що правительство беретъ въ свои руки устройство государства, стали хорваты, сербы, румыны и словаки домогатись устройства отдѣльныхъ провинцій для своихъ народностей. Словаки предложили свою петицію 20 марта 1849 г. и возобновили оную 22 августа. Также угро-россы не остались по заду и поставили слѣдующіи требованія: 1) Введеніе въ дѣйствіе австрійской конституціи отъ 4 марта 1849 г.; 2) признаніе угро-россовъ яко отдѣльной политической національности; 3) розграниченіе администраційныхъ округовъ по этнографическимъ границамъ не внимая на прежній подѣлъ Угорщины на комитаты; 4) основаніе русскихъ народныхъ школъ, русскихъ гимназій, русской юридической академіи въ Ужгородѣ и переустройство львовского университета на

русскій университетъ; 5) уваженіе лицъ русской народности при замѣщеніи правительственныхъ должностей; чиновникъ, не знающій русскаго языка, не долженъ находится въ русскихъ округахъ; 6) изданіе русской правительственной газеты съ субвенціею правительства; 7) свобода печати кирилловскимъ письмомъ; 8) сровнаніе русскихъ чиновниковъ, духовныхъ лицъ и учителей съ лицами того же чина другихъ національностей; 9) уваженіе лицъ русской народности въ арміи при производствѣ въ офицеры и замѣщеніе нѣкоторыхъ чиновничьихъ мѣстъ въ центральныхъ управленіяхъ въ Вѣднѣ русскими; 10) установленіе русскихъ военныхъ капелановъ въ русскихъ полкахъ.

Какъ видимъ, угро-россы, не смотря на свою малочисленность, ставили конкретнѣйшія и разумнѣйшія требованія, нежели львовская „Русская Рада.“ Они ничего не говорили, що ихъ языкъ еще не развитъ, но требовали русскаго университета. Вообще въ ихъ дѣйствіяхъ видно больше рѣшительности и опредѣленности.

Судьбою угро-россовъ занялся пражскій епископъ Гаганецъ и переговоривалъ съ епископомъ ужгородскимъ, щобы его склонити къ солидарному выступленію отъ имени угро-русскаго народа. Но въ Ужгородѣ коштутовскія агитаціи, взволновавшія даже мѣстную семинарію, ослабили русскій духъ и меж-

ду епископами не могло прійти къ согласію. Тогда депутація, состоявшая изъ врача д-ра Михаила Висаника изъ Вѣдны, военного комисара при русской арміи Адольфа Добрянского, врача д-ра Винкентія Алексовича изъ Вѣдны и священниковъ Іоанна Солтыса, Вактора Добрянского и Александра Яницкого — предложила 19 октября 1849 г. петицію, содержащую оныя точки, императорскому гражданскому комисару Іосифу Гернигеру. Императоръ благосклонно принялъ прошеніе и въ своемъ отвѣтѣ поставилъ угро россамъ въ примѣръ русскихъ галичанъ *).

Когда трагедія угорской революціи клонилась къ своему концу, произошли въ составѣ австрійскаго министерства перемѣны. У Стадіона въ апрѣлѣ 1849 г. обнаружались признаки умопомѣшательства и его мѣсто занялъ Бахъ, прежде министръ юстиціи, человекъ мѣщанскаго происхожденія и поклонникъ абсолютизма. Министромъ юстиціи назначенъ былъ Шмерлингъ, участвовавшій въ засѣданіяхъ франкфуртскаго парламента. Въ министры вѣроисповѣданій и просвѣщенія поступилъ прежній покровитель славянства гр. Левъ Тунъ, аристократъ и другъ католической церкви. Онъ принялся, разомъ съ довѣренными министерства: Энкомъ, Эксеромъ, и

---

*) Bidermann: Die ungarischen Rutenen
стр. 120.

прусакомъ Боницомъ, за реформу школъ, прежде всего же гимназій и университетовъ.

Возобновленное министерство раздумывало о новомъ устройствѣ государства, отбирая дальше петиціи отъ различныхъ народностей. Сербы Баната и Воеводины просили отлучити ихъ край отъ Угорщины; императоръ удовлетворилъ ихъ желанію въ ноябрѣ 1849 г. Саксонцы Семьграда объявились за конституцію отъ 4 марта и требовали за порученія своихъ національныхъ правъ. Валахи, которыхъ съ 1849 г. стали называть румунами, жаловались въ мартѣ 1850 года въ петиціи къ императору на притѣсненія со стороны мадьяръ, румыны же изъ темешского Баната просили о учрежденіе новой румынской провинціи изъ всѣхъ румунами заселенныхъ земель. Нѣмцы Воеводины жаловались на гоненія со стороны сербовъ. Словаки домогались дальше отдѣльной провинціи для себе, но въ ноябрѣ 1850 были ихъ предводители учитель Штуръ и пасторъ Гурбанъ за мнимы панславистично-соціально-политическія агитаціи арестованы. Герингеръ, гражданскій комисарь, приказалъ лишь, дабы чиновники въ словацкихъ комитатахъ владѣли словацкимъ языкомъ.

Министерство изготовило для поодинокихъ краевъ новыя конституційныя уложенія. По статуту отъ сентября 1849 г., Галичина должна была имѣти

три соймы: русскій въ Станиславовѣ (24 послы отъ сельскихъ громадъ, 11 отъ помѣщичьихъ имѣній, 8 отъ городовъ), польскій въ Краковѣ и польско-русскій во Львовѣ. Поляки были недовольны тѣмъ статутомъ. 17 января 1850 г. былъ обнародованъ новый порядокъ для карныхъ дѣлъ передъ судомъ присяжныхъ. Но Шмерлингъ получилъ димисію 24 января 1851 г., и его мѣсто занялъ Краусъ. Уступленіе Шмерлинга было знаменемъ возвращенія на путь абсолютизма.

Первымъ признакомъ реакціи было установленіе въ 1850 г. подъ предсѣдательствомъ Кибека государственнаго совѣта (Reichsrath), состоящаго изъ лицъ, избранныхъ императоромъ. Тотъ совѣтъ имѣлъ заступити мѣсто парламента и своими рѣшеніями помогати министерству. 20 августа 1851 г. вышли три императорскіи указы: первый устранялъ отвѣтственность министерства предъ народнымъ представительствомъ, второй объяснялъ вещество государственнаго совѣта, третій отмѣнялъ законъ Стадіона о громадахъ и судовую организацію Шмерлинга. 31 декабря 1851 г. императорскій указъ устранилъ также конституцію отъ 4 марта 1849, основныя ея права, суды присяжныхъ и далъ познати, що правительство замышляетъ возобновити приемы Іосифа II въ новой формѣ.

Вслѣдствіе устраненія конституціи должна была розвязатись львовская Русская Рада и ея филіи. Яхимовичъ и Щац-

Кевичъ получили ордены и титулы за заслуги, положенныя ими около государства въ самое смутное время. Галицкая Русь приобрѣла благоволеніе императора и его правительства. Русскій народъ былъ названъ тирольцами Востока и его ставили въ примѣръ другимъ націямъ. Доказательствомъ императорской милости было отступленіе развалинъ университетской бібліотеки и одной части университета русскимъ жителямъ гор. Львова на сооруженіе второй городской церкви (25 августа 1849). Между-тѣмъ между русинами принялась мысль, поднесенная священникомъ Львомъ Трещковскимъ, чтобы во Львовѣ построи зданіе, въ которомъ могли бы сосредоточиться всѣ средства, пособляющія духовную жизнь, какъ: бібліотека, музей, мѣсто для народныхъ собраній и прч. Вслѣдствіе того просила Русская Рада о подареніе ей прочой части разрушеннаго при бомбардаціи университета на учрежденіе „національнаго института.“ Министерство (рѣшеніемъ отъ 11 октября 1849 г.) дало львовскимъ русскимъ жителямъ прочую часть развалинъ университета, на мѣстѣ которыхъ стала Русь на добровольныя подаванія строити свой „Народный Домъ“. Дѣломъ постройки и собираніемъ жертвъ занялась Русская Рада, но когда была розвязана, передала дѣло то комитету изъ 10 членовъ подъ названіемъ „Управляющей комисіи Народнаго Дома“, утвержденному на мѣстничествомъ 30 ноября 1851 г.

Еще въ 1848 г., вскорѣ послѣ основанія Русской Рады, состоялся во Львовѣ съѣздъ любителей русскаго слова и здѣсь рѣшено основати литературное Общество, по образцу того рода Обществъ, существовавшихъ у западныхъ славянъ, подъ названіемъ „Матицы“. Цѣлью ея было, прежде всего старатись о учебники школьны, развивати словесность и науку и издавати поучительныя для народа книжки.

Вообще 1848 и 1849 годы не минули для прикарпатской Руси безслѣдно. Они пробудили ея національную жизнь и дали толчекъ къ усердной дѣятельности. Видя у другихъ народовъ усилія къ развитію своихъ духовныхъ и матеріальныхъ силъ, — Русь принялась за трудъ на общественномъ поприщѣ. Конечно, находясь въ зависимости отъ нѣмецкихъ чиновниковъ, поляковъ и мадьяръ, не могла она безпрепятственно и самостоятельно поступати впередъ. Даже существо своей національности не смѣла она откровенно объявляти и по той причинѣ подъемъ просвѣщенія и укрѣпленіе матеріальныхъ отношеній шли вяло.

Не смотря на то, Русь могла выказати нѣкоторый успѣхъ, состоявшій въ слѣдующемъ: 1) Национальное сознаніе, хотя невыразительное и неточно опредѣленное, обняло немалую часть интеллигенціи, вышедшей изъ среды русскаго народа. 2) Устроена была каедрѣ

русского (малорусского) языка въ университетъ львовскомъ и русскій языкъ сталъ обязательнымъ предметомъ въ гимназіяхъ восточной Галичины и русскихъ комитатовъ Угорщины. 3) Народныя школы, въ которыхъ перемогало число русскихъ учениковъ, были отданы подъ управленіе русскихъ консисторій; воспитанники препаандій (учительскихъ семинарій) должны были усвоити себѣ знаніе русского языка, греческого обряда и церковного пѣнія. 4) Въ гимназіяхъ были, не смотря на сопротивленіе латинскаго духовенства, установлены отдѣльныя гр. кат. катихиты (минист. роспор. отъ 4 апрѣля 1851 г. введенное въ дѣйствіе только 1853). 5) Съ 1848 г. стали для русскихъ семинаристовъ въ Перемышлѣ пастырское богословіе, катихитину и догматику, во Львовѣ же катихитику и пастырское богословіе преподавати по русски. 6) Галицкая Русь основала два Общества: галицко-русскую Матицу и Народный Домъ (подъ который императоръ Францъ-Иосифъ въ 1851 г. собственноручно положилъ краеугольный камень), могущія дѣйствовать въ національномъ направленіи. Въ Угорщинѣ стараніями Ад. И. Добрянскаго и Ал. Духновича въ 1851 г. основано было „пряшевское литературное Общество.“ 7) Часть интеллигенціи стала употреблять въ разговорѣ русскій языкъ (мѣстное нарѣчіе). Однако женскій полъ образованныхъ классовъ въ Галичинѣ гово-

рилъ по-польски, въ Угорщинѣ по нѣмцки и по мадьярски, и то обстоятельство препятствовало укрѣпленію русской національности. Великая часть интеллигенціи не хотѣла однако примкнуть къ своему народу; въ Галичинѣ она чувствовала по-польски (полякоманы, перекинчики, т. е. перевертни), въ Угорщинѣ по мадьярски (мадьяроны). 8) И въ Галичинѣ и въ Угорщинѣ принялись за трудъ на литературномъ поприщѣ.

Политическія событія 1848 и 1849 гг. дали толчекъ къ живѣйшей духовной жизни австрійской Руси. Между-поляками и русскими завязалась полемика, давшая начало различнымъ брошюрамъ, газетнымъ статьямъ, стихотвореніямъ и мелкимъ печатнымъ произведеніямъ. Поляки изъ табора „Русского Собора“ старались не только посредствомъ газетныхъ статей привывати свои воззрѣнія у русскихъ галичанъ, но также вліати на нихъ посредствомъ пѣсенъ и всякаго рода поэзій, составленныхъ на мѣстныхъ народныхъ нарѣчіяхъ. Къ такимъ польско-русскимъ писателямъ принадлежали: Глосковский, Любовичъ, Балтазаръ, Щудкій, Жендаяновскій, Цыбульскій, Русницъ изъ-надъ Збруча и извѣстный намъ Касперъ Ценглевичъ. Головная Русская Рада издавала свои отзывы по русски и по нѣмецки. Въ отзывѣ ея отъ 10 мая 1848 г. говорилось, що первою ея задачей будетъ: „заховати вѣру и поставити на ровни обрядокъ нашъ и права церкви

и священниковъ нашихъ съ правами другихъ народовъ.“ Русская Рада объявила затѣмъ мнѣніе, що основою австро-русской народности есть славяно-восточный церковный обрядъ и що подрываніе послѣдняго влечетъ за собою уничтоженіе той же народности. Тотъ взглядъ сдѣлался отличительною чертою австро-русской духовной жизни и произвелъ противоположность между украинофильствомъ въ Россіи и австрійскимъ руссинизмомъ. И россійское украинофильство и австрійскій руссинизмъ станули первоначально на почвѣ малорусского національного сеператизма, принимая этнографическую отдѣльность южнороссовъ отъ великороссовъ. Но украинизмъ принялъ въ себе много западно-радикальныхъ началъ, между ними также мысль такъ зовимой эманципаціи общества отъ церковного устройства, или мысль обезцервленія общества. Австрійская Русь, напротивъ, стояла за церковь и защищала мнѣніе, що русская гражданственность можетъ лишь на почвѣ христіанского правоученія и устройства восточной церкви, хотя и въ соединеніи съ Римомъ, благополучно развиваться. Съ той причины послѣ 1848 г. украинофильское движеніе не находило сочувствія на австрійской Руси и малорусскіи писатели были у насъ въ Австріи мало извѣстны. Галичане старались на основаніи мѣстныхъ говоровъ, церковно-славянскаго языка и древне-

русской словесности создать новую словесность съ ея областными особенностями и стремленіями — словесность въ политическомъ отношеніи проникнутую австрійскииъ! патриотизмомъ. Съ той причины галичане защищали славянское письмо, церковный языкъ, пренебрегали украинскою фонетикою, предпочитая ей историческое этимологическое правописание, не производящее разрыва съ церковною литературою, и воспротивлялись такъ зовимому украинскому словоковерканію. Якимъ образомъ то направленіе потеряло наконецъ крушеніе, увидимъ во второй части нашего сочиненія.

Фил. И. Св.

(Конецъ первой части.)

